ЛБ
С 23
Сборники документов по международной...
в. 8
М, 1934

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ
И ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ
Выпуск № 8

ЛБ
С23

СБОРНИК РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ ПО СПОРАМ, КАСАЮЩИМСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОЮЗА ССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ПЛОТКИНА

2271/5

ИЗДАНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
1934

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ
И ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

Выпуск № 8

ЛБ
С 23

СБОРНИК РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ ПО СПОРАМ, КАСАЮЩИМСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОЮЗА ССР

Объединенная 146667 Библиотека И. К. П.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ПЛОТКИНА

ИЗДАНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
1934

3.С.
47.25
Т

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Уполн. Главлита В 93330 - Тираж 1000
Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18 Н. 318

АНГЛИЯ

ИСК ПО ДЕЛУ б. РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БАНКА ПРОТИВ БЕРИНГ БРОЗЕР и К° [1])

Решение Верховного Суда от 26 января 1932 г.

«В марте 1931 года б. Русско-Английский Банк вчинил иск к ответчику о возмещении двух долговых обязательств в 100 000 и 80 000 ф. ст. Банк был учрежден в 1911 году в России, а в 1915 году открыл свое отделение в Лондоне. Из 60 тыс. акций, составлявших его капитал, 45 тыс. числились на счету британских граждан, проживающих в Англии. Последнее общее собрание состоялось в С.-Петербурге в 1917 году, после чего общество было распущено правительственным распоряжением. В июне 1931 г. ответчики предприняли ряд шагов для прекращения искового производства о выплате этих сумм, утверждая, что при указанных выше обстоятельствах, исковое производство должно быть прекращено.

Возникал вопрос о том, может ли роспуск общества, произведенный Советами, помешать участникам этого общества, заинтересованным в нем, распределить актив его, осуществить право пользоваться фирмой банка для выступления в качестве истцов при истребовании фондов, которые составляли часть его актива.

Судья Эв. — Если бы не одно место из речи лорда Финлея в деле Русский Торгово-Промышленный Банк против Учетной Конторы Мюльгаузен, то я считал бы, что на поставленный вопрос можно ответить только отрицательно. В этом деле, также как и в деле Русский Внешне-Торговый Банк в Петрограде против Гукасова, Палата лордов должна была решить, установили ли ответчики на основании толкования советских декретов, представленных суду, что Русский банк фактически прекратил существование. Так как ответ оказался отрицательным, то не было необходимости рассматривать вопрос о том, каково было бы положение, если бы толкование оказалось иным. Между тем, в заключительной части своей речи лорд Финлей добавляет: «Не следует никогда забывать, что здесь мы имеем дело с отделением банка, учрежденным в этой стране и в ней осуществляющим свои операции. Если бы даже было доказано, что в отношении России русский банк

[1]) Изложение решения дается по отчету, приведенному в „Journal du droit international" № июль—октябрь 1932 г., стр. 1044—1047.

прекратил существование, то я не считал бы, что это обстоятельство имело бы решающее значение в нашем случае. Лондонское отделение существует уже в течение продолжительного времени, занимается здесь нормальной деятельностью, имеет значительное количество английских акционеров, связано договорными отношениями с британскими гражданами. Если при этих условиях принять утверждение ответчика, то сделается невозможной реализация актива этого отделения и выполнение им своих обязательств. Будет вполне справедливым, чтобы отделение могло пользоваться фирмой банка для реализации актива...

Я не нахожу ничего аналогичного в решении других лордов и я не думаю, чтобы в этом направлении существовало бы что-либо вполне авторитетное. Лорд Сумнер, который зачел мнение лорда Финлея, не согласился с ним, но заявил, что он полностью солидарен с лордом канцлером, в решении которого не содержится чего-либо аналогичного тому, что высказал лорд Финлей. Лорд Уренбури высказал мнение, что, независимо от прекращения существования иностранного общества, могло сохраниться товарищество физических лиц, взаимоотношения между которыми регулируются на основании устава общества и определяются, повидимому, законом lex loci contractus и продолжаются в течение всего необходимого для ликвидации дел общества времени. Мне кажется, что в этом утверждении не было необходимости, если бы он разделял мнение лорда Финлея о том, что иск об истребовании активов должен и может быть вчинен только от имени общества.

Я несколько распространился на эту тему, потому что замечание лорда Финлея точно применяется к нашему случаю: речь идет о прекратившем существование русском обществе, имеющем крупное отделение в Англии, многочисленных английских акционеров, актив и многочисленные обязательства. Таким образом, чрезвычайно важно выяснить, что нужно предпринять, чтобы оградить актив этого отделения, выполнить его обязательства и распределить остаток, если таковой останется по ликвидации расчетов с кредиторами.

Относясь с полным уважением к мнению лорда Финлея, я не думаю, чтобы эти проблемы могли быть разрешены так, как он это предлагает, без того, чтобы не был нанесен ущерб весьма серьезным принципам. Прежде всего каковы по русскому закону последствия роспуска общества, которое существует на основании этого закона. Мне кажется, что лорд Скреттон покончил с этим вопросом в своем решении, приведенном на стр. 129 сборника решений: «Существование юридических лиц зависит от закона страны, где они были учреждены, и они признаются другими странами в силу «comitas gentium», хотя бы их учреждение не соответствовало законам этих стран. Если юридическое лицо уничтожается законом, который его создал, то, мне кажется, оно должно считаться прекратившим существование в качестве юридического лица, где бы то ни было...» И далее он добавляет:.. «По моему мнению»

английские суды должны рассматривать банк, выступающий в качестве истца, распущенным и не имеющим судебной правоспособности»... Лорд судья Аткин также сказал: «... Когда речь идет о фиктивном лице, как общество, наше право ссылается на закон страны учреждения и, устанавливая, что это общество в силу указанного закона распущено, наш суд должен также считать его распущенным».

Что вытекает из этих утверждений? Что распущенное общество, пытающееся активно выступить в суде, является, как это указывает лорд судья Бенкс, — «в глазах нашего права недействительной стороной, но лишь пустым названием без права на законное существование». Несуществующее лицо не может выступать в суде и, если мне доказали, что банк-истец прекратил уже давно свое существование в России, я ни в коем случае не хочу быть обвиненным в том, что я, разрешив производство, пренебрег мнением, совершенно ясно высказанным всеми членами апелляционного суда. Когда суд предупрежден, что истец не существует и в соответствии с этим недееспособен, он обязан немедленно прекратить исковое производство.

Разумеется, благодаря этому решению может возникнуть вопрос о правах собственности на имущество, принадлежащее прекратившему существование обществу. Лорд судья Бенкс в деле Мюльгаузен высказал мнение, что ему вовсе не кажется обязательным точно определять вопрос о легальном статусе лиц, продолжающих вести дела отделений после ликвидации их центра. В этом же деле лорд судья Аткин отметил, что признание прекращения существования центра юридического лица влечет для отделения

Государственная публичная историческая библиотека
ПАСПОРТ | КНИГА ИМЕЕТ:
Инвентарный № | № тома | Список № порядковый № | Количество страниц | Отд. томов. вып. №№ | Таблиц, карт, иллюстраций | Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п. | Дефекты | Печатных листов | Обрез
Шифр | 118 | 8

реждения».

английские суды должны рассматривать банк, выступающий в качестве истца, распущенным и не имеющим судебной правоспособности»... Лорд судья Аткин также сказал: «... Когда речь идет о фиктивном лице, как общество, наше право ссылается на закон страны учреждения и, устанавливая, что это общество в силу указанного закона распущено, наш суд должен также считать его распущенным».

Что вытекает из этих утверждений? Что распущенное общество, пытающееся активно выступить в суде, является, как это указывает лорд судья Бенкс, — «в глазах нашего права недействительной стороной, но лишь пустым названием без права на законное существование». Несуществующее лицо не может выступать в суде и, если мне доказали, что банк-истец прекратил уже давно свое существование в России, я ни в коем случае не хочу быть обвиненным в том, что я, разрешив производство, пренебрег мнением, совершенно ясно высказанным всеми членами апелляционного суда. Когда суд предупрежден, что истец не существует и в соответствии с этим недееспособен, он обязан немедленно прекратить исковое производство.

Разумеется, благодаря этому решению может возникнуть вопрос о правах собственности на имущество, принадлежащее прекратившему существование обществу. Лорд судья Бенкс в деле Мюльгаузен высказал мнение, что ему вовсе не кажется обязательным точно определять вопрос о легальном статусе лиц, продолжающих вести дела отделений после ликвидации их центра. В этом же деле лорд судья Аткин отметил, что признание прекращения существования центра юридического лица влечет для отделения невозможность осуществить какое-либо из своих прав, или выполнить какое-либо из своих обязательств, что ставит под угрозу всех тех, которые, занимаясь банковским делом в Лондоне, принимали после роспуска, какое-либо участие в администрировании актива, «так как, — добавил он, — «совершенно очевидно, что несуществующее лицо не может передать какого-либо титула на что-бы то ни было».

Я полагаю, однако, что эти затруднения могут быть устранены действия тех, которые принимали участие в делах отделения с момента прекращения существования центра, могут быть урегулированы ликвидатором в порядке, предусмотренном ст. 338 раз. 10 закона об обществах 1929 г. § 2 этой статьи может быть, нам кажется, применен в данном случае: «когда общество, учрежденное вне Англии, осуществляло там деятельность и прекратило ее, оно может быть ликвидировано как незарегистрированное общество, в соответствии с разделом 10 закона об обществах независимо от того, было ли оно распущено, либо прекратило существование в качестве общества в силу законов страны своего учреждения».

ДЕЛО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БАНКА

Решение Верховного Суда от 26 марта 1932 г.[1]).

Дело это является продолжением дела Русско-Английского Банка против Беринг Брозер и К°, решение по которому мы приводим выше. Ввиду того, что на основании решения по этому первому делу общество об'явлено распущенным, оно в данном судебном производстве не выступает в качестве стороны. Иск пред'явлен от имени трех лиц, об'явивших себя кредиторами в сумме 20 000 фун. ст. Ввиду невозможности предъявить взыскание к распущенному обществу, эти лица ходатайствуют перед судом об объявлении его ликвидации.

«Русско-английский банк был учрежден в 1910 г. в соответствии с русским законом. Банк открыл в 1915 году отделение в Англии, затем был распущен в силу русского закона еще до вступления в действие английского закона об обществах 1929 г. В 1929 г. трое лиц, заявляющих себя кредиторами этого банка на сумму 20 000 ф. ст., вчинили иск о возмещении этой суммы в суде Королевской скамьи. Их иск был отвергнут ввиду роспуска банка. В силу этого указанные лица вошли в суд с ходатайством о назначении принудительной ликвидации. Претензия их на 20 000 ф. ст. оспаривалась.

Ходатайство было передано солиситору казначейства, дабы он принял решение по вопросу о том, компетентен ли суд вынести определение о принудительной ликвидации. Аргументы истцов сводились к следующему: суд компетентен в силу ст. ст. 337 и 338 § 1. На основании решения, вынесенного по делу Русско-Английский банк против Беринг Брозер и К°, Общество распущено и не выступает в суде. Таким образом, для истцов было бы бесцельно продолжать исковое производство в суде. Единственно, что им оставалось, это прибегнуть к возбуждению настоящего ходатайства. Ст. 338 по существу восстанавливает в силе соответствующую статью закона об обществах 1908 г., который в свою очередь воспроизводил положения закона 1862 г. Таким образом, суд достаточно компетентен для того, чтобы вынести приказ о принудительной ликвидации. Ст. 338 гласит следующее:

«С соблюдением постановлений данной части настоящего закона всякое незарегистрированное общество может быть ликвидировано в соответствии с настоящим законом, все относящиеся к ликвидации постановления которого будут применяться к незарегистрированным обществам при условии соблюдения нижеследующих из'ятий и дополнений... Незарегистрированное общество может быть ликвидировано в следующих случаях, (I) в случае, если общество было распущено, прекратило свою деятельность, или ограничивается операциями, необходимыми для ликвидации своих

[1]) Изложение решения дается по отчету, приведенному в „Journal du droit international (Clunet) за июль—октябрь 1932 г., стр. 1047—1050.

дел, (II) случае, если общество несостоятельно и (III) в случае, если суд признает справедливым и надлежащим, чтобы общество было ликвидировано».

«Когда общество, учрежденное вне Великобритании прекращает там свою деятельность, оно может быть ликвидировано, как общество незарегистрированное, в соответствии с данной частью настоящего закона и независимо от того, было ли оно распущено или прекратило существование в силу законов страны своего учреждения».

Группа кредиторов заявила протест по поводу этого ходатайства. Они признавали компетентность суда, но утверждали, что претензия истцов спорная, в силу чего последние не имели права ходатайствовать о роспуске общества.

От имени Короны было заявлено, что суд некомпетентен вынести приказ на основании этого ходатайства... Слово «прекращает» в ст. 338 может относиться лишь к будущему; таким образом, если общество уже прекратило свою деятельность, его нельзя ликвидировать. Этот параграф был включен в закон в качестве дополнения, преследующего следующую цель: предусмотреть тот случай, когда речь идет об обществе, которое в будущем прекратило бы свою деятельность: случай, касающийся общества, уже прекратившего свою деятельность, законом не предусмотрен, и поэтому такое общество не может быть ликвидировано.

Судья Бенет « . . . . установлено, что Русско-английский банк, учрежденный в России, в 1910 г., был распущен до 1 ноября 1929 года — даты вступления в силу английского закона об обществах 1929 года.

Следует выяснить — с учетом постановлений § 2 ст. 339, может ли общество, распущенное до 1 ноября 1929 г. — даты вступления в силу этой статьи — быть ликвидировано в силу постановлений этой статьи, т. е. может ли эта статья в целом иметь обратное действие.

Между тем, в деле Матесон-Лимитед установлено, что общество, учрежденное по иностранному закону, является обществом, не зарегистрированным в смысле ст. 338. До 1929 г. было вынесено решение, что такое общество может быть ликвидировано в соответствии с законом 1862 г., постановления которого по этому пункту заменены ст. 338 § «д» закона 1929 г. даже в случае, если бы оно было распущено до вступления в силу закона. Все, таким образом, сводится к тому, чтобы выяснить, является ли дополнение в 1929 г. § 2 к ст. 338 новой законодательной мерой, цель которой заключалась в том, чтобы изменить тот смысл, который в суде придавался содержанию того, что является ныне § «д» ст. 338.

Чтобы определить, к чему сводились намерения Парламента, мне кажется необходимым изучить позицию, занятую нашими судами незадолго до закона 1929 года по отношению к русским обществам (т. е. обществам, учрежденным на основании русского закона и осуществляющим свою деятельность у нас), в связи с

различными декретами русского правительства. Эта позиция совершенно ясно определена в одном месте речи лорда Сумнера в деле. . . . . .«Вы установили в прошлом году, что декреты советского правительства, текст которых перед вами, не влекут за собой в отношении банковских учреждений роспуска самого общества, а попросту означают безвозмездное отчуждение их актива и присвоение их клиентуры путем установления государственной монополии банковской деятельности, а также отобрание у акционеров их акций.

Мне кажется, что правильно отстаивался тот взгляд, что § 2 добавлен к ст. 338 (которая в основном не видоизменена в новом законе) вследствие затруднений, возникших здесь в связи с обществами, учрежденными по русским законам. Если, как мне кажется, такова действительно цель, этого дополнения, то, по моему мнению, законодатель не имел в виду изменить в какой-либо мере те правовые положения, которые вытекали из законов 1862 и 1908 гг.

Таким образом, с моей точки зрения, хотя общество и было распущено до 1 ноября 1929 г., оно может быть ликвидировано в соответствии с положениями § «д» ст. 338.

Однако, «Имперская корпорация Лимитед» в качестве кредитора протестует против удовлетворения ходатайства, утверждая, что претензия является спорной и не может, таким образом, явиться основанием для ходатайства.

В отношении самого принципа у меня отсутствуют какие-либо сомнения, однако, истцы находятся в довольно странном положении. В 1927 году они обратились в суд для признания их претензии, не могли этого добиться в виду решения по делу Русско-Английский банк против бр. Беринг Брозер и К°, из которого явствует, что Русско-английского банка более не существует. В этих условиях истцы как будто лишены возможности что-либо предпринять иное, чем ходатайствовать о ликвидации. Тот факт, что на этот счет будет выдан судебный приказ, отнюдь не предоставит им прав кредитора. Лишь ликвидатор будет иметь правомочие определить их право и в случае надобности отклонить их требование. Мне кажется, что общее правило, которое воспрещает, чтобы спорная претензия служила основанием для ходатайства о ликвидации, не может быть здесь применено, поскольку истцы не имеют возможности действовать каким-либо иным путем.

В этих условиях, поскольку приказ о ликвидации не может нанести кому-либо ущерба и поскольку и те кредиторы, которые заявили протест, сами заинтересованы в ликвидации, я отклоняю их отвод и выношу постановление о принудительной ликвидации общества».

БЕЛЬГИЯ

ДЕЛО «ДЕСПА» ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР

Постановение 3-й Палаты от 20 февраля 1931 г.

Принимая во внимание, что коммерческий суд в Верье признал подлежащим разбору судебное дело, представленное ему Союзом Социалистических Советских Республик по иску Торгового Представительства, контора которого находится в Париже, улица Рю де ла Вилль Эвек 25, против общества «Деспа С-я» по поводу поставки, произведенной этой фирмой.

Что заключения, принятые как в первой инстанции, так и в апелляции, также поданы от имени СССР.

Принимая во внимание, что иностранное государство имеет доступ в Бельгийский суд только в том, случае, если его правительство официально признано Бельгийским правительством, которое только и имеет право сделать это; что по принципу гражданского права исключительная прерогатива признания государства принадлежит только исполнительной власти, а судебная власть имеет по данному вопросу только право констатировать фактическое положение, установленное Правительством ее страны (Де Паэп — очерки по гражданской подсудности по отношению к иностранным государствам, стр. 29 № 5).

Принимая во внимание, что Советское Правительство не было признано Бельгийским Правительством, что отказ от признания иностранного государства со стороны исполнительной власти является отказом во всякой юридической правоспособности (С. С. 3 марта 1930 г., см. Апелляцию Главного Прокурора г. Брюссель В. V, стр. 273 и сл.).

Ввиду того, что принятое судебное решение основывается на том, что фактически Торговое Представительство, имеющее свое место пребывания в Париже, заключило спорную сделку с фирмой «Деспа»: ввиду того, что по самому признанию Советов их Торговое Пр-ство во Франции не является организацией, отдельной от Государства СССР и что, действительно, в доводах, которые они представили Апелляционному Суду в Париже (см. постановление от 19 ноября 1926 г., газета дю Палэ 15/I—27 № 15) СССР об'ясняет, что внешняя торговля в СССР представляет собою монополию государства, которая осуществляется властью Народного Комиссара при посредстве различных правительственных организа-

ций, в число которых фигурируют и Торговые Пр-ва, в иностранных государствах, добавляя что последние сами находятся при дипломатических представительствах или посольствах, которые СССР имеет в тех странах, с которыми он возобновил официальные отношения, что вследствие этого, его Торговое Пр-во является ничем иным, как самим Советским Правительством.

Принимая во внимание, что, если Французские судебные органы нашли возможным признать за Торговым Пред-вом СССР право пред'являть иски во Франции, так как СССР признан Французской Республикой 28 октября 1924 г., что правительство, занимающееся торговлей, не действует в силу присущей ему полной власти и является подсудным коммерческому суду.

Принимая во внимание, что в Советской России государство является единовременным суб'ектом торговли и промышленности.

Принимая во внимание, что решение первой судебной инстанции является недействительным и не может превалировать над руководящими принципами права.

По этим мотивам, суд, не взирая на те или иные заключения, присоединяется к мнению Генерального Прокурора Луазо, аннулирует решение, и присуждает истца к уплате судебных издержек по обеим инстанциям.

ГЕРМАНИЯ

ИСК К ТОРГОВОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ СССР В ГЕРМАНИИ О ВЫПЛАТЕ ОБЛИГАЦИЙ ЗАЙМОВ СССР

Решение Государственного Трудового Суда от 31 декабря 1932 г.

а) Содержание дела.

18 советских граждан, сотрудников Торгового Представительства СССР в Германии, будучи отозваны в СССР, отказались вернуться и вчинили Торговому Представительству СССР в Германии иск о возвращении им сумм удержанных из их заработной платы, в порядке выплаты ими облигаций займа.

б) Решение суда.

Истцы, русские граждане, были направлены несколько лет тому назад своим правительством для работы в Торговом Представительстве, являющемся в данном деле ответчиком. С тех пор они работали в этом представительстве в качестве сотрудников. В 1929—1931 гг. они были уволены ответчиком. Во время работы в представительстве они коллективно подписались на заем «Индустриализации», выпущенный русским государством. Часть истцов кроме того подписалась на заем «Пятилетка в 4 года». Погашение производилось путем вычета известного процента из их заработной платы. Ответчик удержанные таким путем суммы, вносил в Московский Государственный Банк. После увольнения истцы, несмотря на свое ходатайство, не смогли получить облигации, ни добиться возвращения удержанных сумм. В настоящее время они предявили в судебном порядке требование о возвращении сделанных вычетов с процентами, ссылаясь на то, что подписка на заем противоречит германскому закону о выпуске ценных выигрышных бумаг и поэтому является недействительной. Кроме того, они утверждают, что поведение ответчика является безнравственным и что он должен возвратить полностью сделанные ими взносы, на которые они, впрочем, вынуждены были согласиться только из-за боязни быть уволенными, если они не подпишутся на заем. Ответчик оспаривает утверждение истцов. Кроме того, он отрицает компетентность германского суда, в частности германских трудовых судов в разбирательстве данного спора. Он стоит на той точке зрения, что в

данном случае необходимо применять русское право и что вследствие этого ответчики не могут обосновывать свою претензию нормами германского права.

Трудовой суд первой инстанции отклонил иск. Апелляционный суд в свою очередь отклонил апелляционную жалобу. Тогда истцы подали коллективно кассационную жалобу

Часть истцов взяла свою жалобу обратно. Эти истцы, в силу §§ 557, 575, абзац 3 германского процессуального уложения, утратили право на обращение к суду, что влечет за собой возложение на них издержек по судебной процедуре. Что касается остальных истцов, то кассационный суд разделяет мнение суда первой инстанции о том, что ответчик в данном споре подчинен юрисдикции германского суда. Он основывает свое мнение главным образом на советско-германском договоре от 12 октября 1925 г., в частности, на ст. ст. 4 и 7 Экономического Соглашения, а также на заключительном протоколе, представляющем часть вышеуказанного договора. Поскольку апелляционный суд отрицает экстерриториальность, на которую претендует ответчик, причем отказывается присоединиться к толкованию ответчика о том, что ст. 7 касается внешеторговых сделок и что для всех остальных отношений, в особенности для отношения внутреннего характера, которым является настоящий спор, германская юрисдикция исключается, надлежит признать означенное мнение апелляционного суда правильным. Достаточно указать на решение высшего государственного трудового суда (т. 7, стр. 301), в котором этот суд, на основании того же Экономического Соглашения и заключительного протокола к нему, признал, что ответчик, как таковой, не пользуется экстерриториальностью и все совершенные им в Германии правовые действия, за исключением некоторых привилегий, о которых в данном случае не идет речь, подлежат германской юрисдикции. Трудовой суд прав, когда он утверждает компетентность трудовых судов в разрешении спора и подсудности ответчика. Во-первых, очевидно, что и отмечает оспариваемое решение, что кроме жалобы, касающейся претензии на выплату жалования, существует также спор о трудовых взаимоотношениях, или, как утверждает жалоба, имеется нарушение добрых нравов, причем за это испрашивается возмещение, поскольку возникает частно-правовой спор, вытекающий из недозволенных взаимоотношений в области труда. Ввиду того, что речь идет именно о таких претензиях, признание германской подсудности правильно.

По существу дела высший государственный трудовой суд равным образом присоединяется к мнению суда первой инстанции. Он обращается к русскому праву и отклоняет выдвинутое истцами утверждение о том, что их отношения к ответчику, согласно ст. 7 Экономического Соглашения, должны регулироваться по нормам германского права. Текст этой статьи и сама цель Соглашения ясно определяют, как это, впрочем, и указано в обжалуемом решении, что германское право применяется только к экономическим

отношениям между немцами и ответчиком; что же касается области внутренних правоотношений между ответчиком и русскими сотрудниками, то ни в ст. 7 ни в другом месте Соглашения на этот счет нет никакого специального указания. Вопрос о праве, который следует применять к этим взаимоотношениям, как это вытекает из решения Высшего Государственного Трудового Суда по делу № 557/30 от 17 ноября 1930 г., разрешается на основании норм международного права в области личного статута, причем здесь надлежит также принять во внимание волеиз'явление сторон. Если здесь решающим является право места исполнения договора, то тем не менее в данном случае налицо имеются и такие особые обстоятельства, как общее гражданство истца и ответчика. При этих обстоятельствах было бы неправильно применять во взаимоотношениях между истцом и ответчиком иное право, нежели право их родины. Таким образом, абсолютно никакого значения не имеет тот факт, где был заключен трудовой договор: в Берлине или в Москве.

В своей кассационной жалобе истцы оспаривают эту позицию апелляционного суда. Для обоснования германской подсудности, в жалобе повторяются доводы, фигурирующие в прежней инстанции и в частности дословно говорится следующее: «даже в том случае, если бы пришлось согласиться с тем, что трудовой договор, заключенный между сторонами, регулируется на основании норм русского права, то все же заключенный в Германии договор о вычете стоимости облигации из заработной платы, должен быть рассмотрен по нормам германского права. Таким образом, вновь оспаривается применение советского права к правовым отношениям между сторонами, что являлось в первой инстанции основным спорным моментом. Однако, это оспаривание неправильно.

Утверждение апелляционного суда о том, что истцы были отправлены своим правительством к ответчику может несомненно служить для кассационного суда доказательством того, что трудовой договор между сторонами был заключен в Москве, независимо от его формы, и несмотря на то, что некоторые пункты его были в дальнейшем уточнены в Берлине. Если принять во внимание, что дело идет о русских гражданах, которые работали в учреждении, хотя и не экстерриториальном, но во всяком случае государственном, то, в силу предполагаемого волеизъявления сторон, договорные отношения между истцами и ответчиком подлежали бы регулированию на основании норм русского права. Это, разумеется, не значит, что это право должно применяться ко всем, без исключения, практическим последствиям данного трудового договора в Германии. Это право непосредственно не применяется к тем результатам, в отношении которых между заинтересованными правительствами имеется особая договоренность. Такая договоренность нашла свое выражение в статьях 6, 7 Советского Германского Экономического Соглашения от 12 октября 1925 г., соглашения, заключенного в развитие ст. 13 советско-германского соглашения

1922 г. Истцы полагают, что они могут обосновывать свою претензию о применении в данном случае не русского, а германского права ссылкой на указанные выше акты. Ссылка эта, однако, не имеет под собой никакой почвы. Верно лишь то, что ст. 6 и ст. 7 этого Соглашения предусматривают, что «совершенные в Германии обязательные для СССР правовые действия торгового представительства и их хозяйственные результаты будут трактоваться по германским законам и подлежат германской юрисдикции» и что в силу заключительного протокола к этим статьям «под правовыми действиями», не считая здесь преимуществ, не относящихся к данному вопросу — разумеются все действия с правовыми последствиями». Как это указывается в вышеупомянутом судебном решении, означенный заключительный протокол оставляет место для «широчайшего толкования». В силу того же протокола, Торговое Представительство обязано соблюдать нормы германского права. Как раз последние предложения этой части заключительного протокола и содержащиеся в ст. 7 слова «их правовые последствия» показывают, что германское право не имеет неограниченного применения ко всем действиям ответчика, и к сотрудникам русского гражданства, направленным в Германию Народным Комиссариатом Внешней Торговли СССР. Поэтому нельзя оспаривать позицию апелляционного суда, когда он, основываясь на тексте и целях Экономического Соглашения, ограничил применение германского права исключительно к экономическим взаимоотношениям между ответчиками и германскими гражданами. С другой стороны, возможность широкого применения германского права, обусловленного в ст. ст. 6 и 7 Экономического Соглашения и в заключительном протоколе, приводит к мысли о том, что в данном случае решающее значение должны иметь принципы германского международного права, иными словами, что исключительно на основании этих принципов должен быть разрешен вопрос, какое право должно иметь применение — русское или германское. В силу германского международного частного права, как это установлено юриспруденцией и наукой и что равным образом учтено апелляционным судом при исках, вытекающих из обязательственных отношений, аналогичных данным отношениям, решающим при определении того права, какое должно быть применено, является волеизъявление сторон. В данном случае, это говорит в пользу применения русского права. Возражения истцов о том, что подписка на заем была оформлена в Германии, едва ли может что-либо изменить, равным образом как и ссылка на решение суда по делу торгового представительства против Опивака от 8 октября 1929 г. Для отвода первого возражения достаточно сослаться на судебные решения от 18 января и 27 августа 1930 г. В решении, на которое ссылаются истцы, суд лишь мельком затронул вопрос о том, какое право должно быть изменено. Причем решение базировалось совсем на других соображениях. Достаточно указать, что в этом деле истец не был направлен советским правительством к ответчику на работу,

а проживал с 1931 г. в Германии и здесь же поступил на работу к ответчику.

Возможность применения русского права была бы тем не менее исключена, если бы оно противоречило добрым нравам или содержанию какого-либо германского закона. Истцы собираются использовать и этот аргумент, утверждая, что подписка на заем противоречит закону о держателях выигрышных ценных бумаг от 8 июня 1871 г. Ссылаясь на действующее в Германии законодательство, истцы в жалобе утверждают, что распространение иностранных займов на территории германской империи запрещено и наказуемо. Однако, здесь имеет место другое положение, ибо займы, о которых идет речь в данном случае, не были выпущены на территории германской империи, на основании германского имперского закона, а в СССР, т. е. в советском государстве на основании его законов и для его надобностей. При этом подписка истцов на заем вовсе не преследовала целей распространения или продажи в Германии на биржах, или в других местах, ценных бумаг, что именно предусмотрено германским законом. Таким образом, закон от 8 июня 1871 года не может ни в какой степени служить основанием для запрещения подписки в Германии на выигрышные займы, выпущенные за границей. Равным образом, совершенно правильны рассуждения апелляционного суда по поводу утверждения истцов о том, что поведение ответчика противоречит добрым нравам. Вопрос о противоречии добрым нравам должен быть рассмотрен об'ективно и с учетом всех обстоятельств.

Даже некоторое давление со стороны ответчика по отношению к своим сотрудникам, русским гражданам, не может рассматриваться как нечто предосудительное. Напротив, можно даже говорить о моральной обязанности истцов подписаться на заем, выпущенный их родиной. Надо также иметь в виду, что истцы, получая крупную заработную плату, выплачивали в погашение займа небольшой процент этой своей заработной платы. Впрочем, допрос свидетелей отнюдь не доказал, что в данном случае ответчиком была пущена в ход формально или молчаливо угроза увольнения. Предположения о том, что в случае отказа от подписки на заем, истцы могли бы ожидать каких-либо неприятностей у себя на родине, не имеют под собой почвы. Если это предположение и верно, то факт этот мог бы быть объяснен теми особыми условиями и обстановкой, которое имеет место у них на родине. Таким образом, если внимательно изучить все обстоятельства дела, то отнюдь нет оснований характеризовать поведение ответчика как в каком-либо отношении безнравственное. Все эти мотивы суда не могут быть опровергнуты истцами.

Что касается применения русского права, то оспариваемое решение говорит по этому поводу, что истцы не могли привести ни одного законодательного постановления своего государства, которое доказывало бы, что в области трудовых взаимоотношений может применяться иностранное право. Их ссылка на ст. 66 рус-

ского кодекса законов о труде и на ст. 36 гражданского кодекса РСФСР неверна. Можно даже сомневаться в том, запрещает ли затронутая статья кодекса выплату заработной платы облигациями или временными свидетельствами. Также не имеет под собой почвы ссылка на ст. 36 гражданского кодекса. Согласно имеющимся данным, в данном случае не может быть речи о конкретной угрозе или применении силы. Истцы не привели ни одного аргумента, доказывающего недействительность или уязвимость подписки на заем. Следовательно, их утверждение о недопустимости подписки на заем, в силу норм советского права, должно быть отвергнуто.

В кассационной жалобе это положение совершенно напрасно оспаривается. Ст. 7 русского гражданского процессуального кодекса 1923 г., допускающая, по мнению истцов, применение германского права, гласит следующее (Макаров, русское международное частное право, журнал «Ост Рехт» 1926, стр. 39): «при рассмотрении судом совершенных за границей договоров и актов принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах которого они совершены».

Можно согласиться с Макаровым, что на основании такой нормы правило «Локус регит актум» относится не только к форме договоров и актов, но также и к их содержанию. Но этой нормой, которая, повидимому, рассчитана исключительно для применения ее русскими судебными инстанциями, нельзя руководствоваться здесь, поскольку в данном случае вопрос о том праве, какое должно быть применено, должен быть разрешен на основании норм германского международного частного права, которое гласит, что в настоящем споре должно быть применено русское право. В соответствии с этим обжалуемое решение правильно, поскольку оно исходит в данном случае из ст. 66 русского кодекса законов о труде и ст. 32 гражданского кодекса. Статья 66 гласит следующее: «Уплата вознаграждения производится деньгами, и, поскольку это оговорено в трудовом или коллективном договоре, натурой (предоставление помещения для жилья, продовольствием, предметами личного потребления). Условия выдачи вознаграждения натурой и порядок ее расценки устанавливается договором». Статья 32 гражданского кодекса гласит: «Лицо совершившее сделку под влиянием обмана, угроз, насилия или вследствие злонамеренного соглашения его представителя контрагентом, или вследствие заблуждения, имеющего существенное значение, может требовать по суду признания сделки недействительной полностью или в части».

Соображения, высказанные апелляционным судом в этой части, в кассационной жалобе не опровергнуты. Здесь также нельзя усмотреть нарушения, предусмотренного ст. 32 гражданского кодекса.

Во всяком случае в этой части вопрос не относится к компетентности кассационного суда. То же надлежит сказать и в отношении

вопроса о неосновательном обогащении и невыполнении трудового договора, каковыми доводами истцы хотят воспользоваться, ссылаясь на нормы русского права. В обжалуемом решении установлено, что суммы, удержанные из заработной платы истцов были переведены в Государственный Банк.

По всем изложенным соображениям, кассационная жалоба остальных истцов оставляется без последствий».

ГРЕЦИЯ

ДЕЛО А. СУССАНИСА ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ГРЕЦИИ [1])

Решение суда I инстанции гор. Афины 10 июля 1929 г.

Сущность дела.

Истец греческий гражданин Апостол Суссанис вчинил в греческом суде иск против Торгпредства СССР в Греции об уплате ему 1.425.487 драхм и требовал принятия охранительных мер по отношению к имуществу ответчика. Речь шла о наложении исполнительного ареста на участок земли, расположенный в Афинах и принадлежащий СССР. В своем исковом заявлении истец указывал, что 12 мая 1921 года он продал Новороссийскому Отделению Внешторга «чьим представителем в Греции является Торпредство СССР» 8.718 клг цейлонского чая, подлежащих сдаче сиф Новороссийск по прибытии туда п/х «Вельхерс». Цена чая была обусловлена в 11,40 франков клг. Сделка кроме того предусматривала срок уплаты стоимости чая и производства Полпредством СССР в Турции окончательных расчетов по этой сделке с продавцом. Истец утверждает, что чай был им своевременно сдан ответчику, но что последний не уплатил его стоимости, удержав таковую для удовлетворения своих встречных требований. Ответчик оспаривает подсудность этого спора греческой юрисдикции и просит об отмене ареста на земельный участок, ссылаясь на то, что этот участок принадлежит суверенному государству — СССР.

Правовая сторона.

Истцом представлены в обоснование своей претензии следующие документы: 1) Акт о приемке чая; 2) судебное определение о наложении ареста на участок. Из этого последнего документа явствует, что участок принадлежит российскому государству в лице Советского Полномочного представительства и был приобретен этим государством в 1913 году (еще до большевизма). Далее из дела явствует, что истец вступил в 1921 году в непосредственные договорные отношения с органами Российского Государства. Между тем иск обращен не к органам фиска этого государства, представленным в Греции Советским Посланником, а к Торговому Предста-

[1]) Решение суда, как неправильное и противоречащее как договорным отношениям между СССР и Грецией, так и началом, принятым в международной практике, обжаловано. Окончательного решения еще не вынесено.

вительству. Истец утверждает, что согласно точного смысла ст. 7 закона, которым была ратифицирована конвенция между Россией и Грецией о торговле и мореплавании, Торговое Представительство представляет российский фиск во всех его коммерческих действиях и отношениях с греческими гражданами, к числу которых принадлежит и истец, и в отношении тех действий, которые имели место до вступления в силу этой конвенции. С этим толкованием нельзя не согласиться. Из этого следует, что истец ищет с Торгового Представительства на законном правовом титуле.

Следует однако, руководствуясь принципами, признанными международным правом и основанными на независимости иностранного государства и уважении к его суверенитету, принципами, нашедшими свое выражение в ст. 26 нашего гражданско-процессуального кодекса, в силу которой неподсудны греческой юрисдикции лица, пользующиеся правами экстерриториальности, — сделать тот вывод, что иностранное государство не подчиняется юрисдикции другого государства. Однако, в то же время нельзя не признать, что этот принцип применяется лишь по отношению к тем действиям суверенного государства, которые являются выражением его политического суверенитета и независимости. Подчинение этих действий государства иностранной юрисдикции повело бы к умалению прерогатив государственной власти и, вступило бы, таким образом, в противоречие с указанным выше принципом. Между тем спорная сделка, которая послужила основанием для иска, отнюдь не может рассматриваться, как действие, осуществленное в порядке суверенитета и независимости российского государства. Наоборот, эта сделка является частно-правовым действием, в котором российское государство-ответчик выступает в качестве фиска, то есть, как субъект частного права. Если иностранное государство выступает в таком качестве, то оно подчиняет себя юрисдикции судов другого государства, в частности юрисдикции греческих судов и должно рассматриваться в силу доктрины и принципов, применяемых в международном праве в качестве надлежащего ответчика по иску, возбужденному греческим гражданином перед греческим судом. Выступая в гражданском обороте в качестве субъекта частного права, государство ни в какой степени не испытывает умаления своей независимости или суверенитета и не может в этих случаях ссылаться на экстерриториальность, предусмотренную вышеприведенной статьей 26 нашего кодекса. При этих обстоятельствах отвод о неподсудности, заявленный ответчиком, не может быть уважен.

С другой стороны конвенция между Россией и Грецией о торговле и мореплавании, ратифицированная законом 1929 года, вовсе не имеет в виду устанавливать некомпетентность греческих судов в том, что касается взаимоотношений, возникших между греческими гражданами и российским государством до заключения этой конвенции. Хотя в конвенции говорится о взаимоотношениях, возникших после ее заключения, из этого отнюдь не следует, что гре-

ческие суды некомпетентны обсуждать взаимоотношения, которые, подобно настоящему, возникли, до ее заключения. С этой точки зрения аргументы, доказывающие обратное, не могут быть признаны обоснованными.

Также должен быть отведен и аргумент об истечении по этой претензии в силу норм русского права сроков давности, поскольку, во-первых, истечение давности не доказано и поскольку, во-вторых, правовые вопросы, связанные с этой сделкой, должны регулироваться законами места ее исполнения, то есть турецкими законами.

Что касается определения о наложении ареста на земельный участок, то определение это надлежит аннулировать, поскольку речь идет о недвижимости, находящейся в распоряжении иностранного дипломатического представительства, из этого в силу принципа экстерриториальности, из действия местной юрисдикции. Этот принцип исходит из фикции того, что помещения иностранных представительств продолжают как бы оставаться на иностранной территории и, таким образом, не подчиняются местной юрисдикции не только в силу общепринятых принципов международного права, но и в силу правил, установленных нашей гражданско-процессуальной практикой и законодательством.

По существу же претензий: поскольку ответчик — российское государство — оспаривает ее обоснованность, истцу надлежит всеми доступными средствами, в том числе свидетельскими показаниями, доказать, что он действительно передал чай органам российского государства и потерпел в связи с этой операцией ущерб, возмещения которого он требует в настоящем исковом производстве.

Рассмотрение дела в этой части, суд переносит до представления истцом указанных доказательств, для чего ему предоставляется 90-дневный срок».

ГОЛЛАНДИЯ

ИСК ДЕ-ФРОЭ ПРОТИВ СССР

Решение Амстердамского Трибунала от 11 января 1932 г.

«Эдуард Де-Фроэ, адвокат и стряпчий, проживающий в Амстердаме, выступающий в качестве куратора наследства Иоганна Карла Лаутербаха 25/II-31 г. против ответчика, Русского Государства, именуемого ныне Союз Советских Социалистических Республик, не обладающего в королевстве ни домицилием, ни известным местом жительства, но фактически находящегося в Москве.

Русское Государство на судебное следствие не явилось.

Суд, учитывая неявку ответчика и, ознакомившись с материалами, устанавливает, что истец, как это он указал в своем исковом заявлении, назначен куратором наследства Лаутербаха определением районного амстердамского суда, при чем сам Лаутербах проживал в Амстердаме, Дворцовая ул., 108 и скончался там 23 января 1931 года.

Из инвентарной описи, составленной 9 июня 1931 г. нотариусом М. Клювером, явствует, что в актив этого наследства входит, помимо прочего, облигация государственного консолидированного русского займа 1880 г., 6-го выпуска № 40240, причем эта облигация процентная из 4% в год на номинальную сумму 125 руб. золотом.

Эта облигация, согласно указания в ее тексте, выходит в тираж, причем в этом случае стоимость ее возмещается суммой в 125 руб. золотом.

Эта облигация вышла в тираж в мае 1917 г. и с этого момента ее стоимость подлежала выплате банку Лимпан-Розенталь и К-о, находящемуся в Амстердаме.

Общеизвестно, что, начиная с 1 декабря 1917 г. и с этого момента беспрерывно ответчик, который ныне именуется Союз Советских Социалистических Республик, прекратил и отказывается возмещать стоимость облигаций, аналогичных той, которая является предметом спора.

Вследствие этого истец требует уплаты:

а) 125 руб. золотом, составляющих стоимость указанной облигации, вышедшей в тираж в мае 1917 года, и с этого момента подлежавшей погашению;

б) процентов по этой облигации из расчета 4% годовых в Нидерландской валюте.

Истец ходатайствует, чтобы суд присудил ответчику уплатить истцу 125 руб. золотом или эквивалент этой суммы в нидерландской валюте плюс проценты и судебные издержки.

В своем исковом заявлении истец пространно доказывает, что суд компетентен разбирать этот спор.

Действующее процессуальное право устанавливает правило, в силу которого в случае неявки ответчика, надлежащим образом извещенного о судебном заседании, утверждения истца должны быть признаны бесспорными, лишь бы только сам суд не нашел их несправедливыми и необоснованными. Это правило не освобождает судью от обязанности решить вопрос о том, компетентен ли он, принимая во внимание предмет спора, рассмотреть таковой.

В данном случае, исковое заявление содержит требование о присуждении с ответчика, который является Русским Государством, именуемым в настоящее время Союз Советских Социалистических Республик, возмещения в капитале и процентах облигации русского консолидированного займа 1880 г. 6-го выпуска № 402540, стоимостью в 125 руб. золотом плюс 4% годовых, облигации, которая в силу относящихся к этому правил вышла в мае 1917 года в тираж, подлежала с этого момента возмещению банку Липман и Розенталь в Амстердаме, но осталась невыплаченной, так как ответчик отказался произвести этот платеж.

Как это формально предписывает ст. 13 общих положений королевского законодательства, юрисдикция судьи ограничивается изъятиями, установленными в международном праве, и что следует рассмотреть, не имеется ли здесь такое изъятие.

Хотя нет единства в вопросе о том, может ли в принципе суверенное государство, не выразив на это своего согласия быть подсудно суду другого государства, можно считать установленным, правда, по различным основаниям, что привлечение недопустимо в тех случаях, когда, как это имеет место здесь, истец настаивает на правах, вытекающих из государственных займов, размещенных путем публичной подписки.

Вследствие этого суд должен заявить себя некомпетентным рассмотреть данный иск.

Признавая уважительной неявку ответчика, суд признает себя некомпетентным рассматривать данный иск и присуждает истца к уплате судебных издержек.

ИТАЛИЯ

ДЕЛО ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ИТАЛИИ ПРОТИВ НЕВОЗВРАЩЕНЦА Г. СЛОМНИЦКОГО

Решение Кассационного Суда от 17 февраля 1933 г.

«Сущность дела.

Генрих Сломницкий, советский гражданин, проживающий в Италии, был 29 января 1929 г. принят на работу в Торгпредство СССР в Италии (Милан) в качестве специалиста по торговле шелком.

1 июля 1932 года он вчинил перед трудовой магистратурой Миланского суда иск к названному Торгпредству. Исходя из того, что 8 января 1932 года он был уволен без предупреждения и соответствующей компенсации. Сломницкий требовал, чтобы ответчик был на основании действующего в Италии трудового законодательства присужден к уплате ему 1012,5 ам. долларов в качестве вознаграждения за увольнение без предупреждения, за выслугу лет, за недополученную заработную плату и за неиспользованный отпуск. Торгпредство, ссылаясь на некомпетентность итальянского суда, поскольку итальянское трудовое законодательство не может применяться к трудовым отношениям Торгпредства и его сотрудников, просит иск отклонить. Трудовая магистратура согласилась с отводом, заявленным ответчиком. Сломницкий решение это обжаловал в Миланскую судебную палату, которая удовлетворила его жалобу, признав дело подсудным итальянской юрисдикции и подлежащим разбору на основании норм итальянского трудового законодательства.

Торговое представительство в свою очередь просит Королевский Кассационный суд кассировать это решение Миланской Палаты.

Правовая сторона.

Кассационный Суд отменяет решение Миланской Судебной Палаты по следующим мотивам:

Решение трудовой магистратуры Миланского Суда правильно признает, что русское государство является одним из субъектов спорного правоотношения и что торгпредство в Италии, вступая в это правоотношение, действовало как орган этого государства и от имени последнего.

Следовательно, должен быть безусловно отвергнут противоположный юридический тезис истца о том, что торгпредство пред-

ставляет собой юридический субъект, отличный от русского государства, самостоятельное юридическое лицо, действующее исключительно в сфере частного права и могущее таким образом создавать только частные правоотношения.

Подобный тезис сильно противоречит статье 4-й упомянутого Итало-Советского договора, который прямо говорит о юридических сделках, заключенных правительством Союза «через его торгпредство в Италии». Отсюда с достаточной очевидностью вытекает, что вышеуказанные сделки должны рассматриваться, как заключенные непосредственно русским государством и что торгпредство является просто органом, через посредство которого такие сделки заключаются.

В виду всего этого можно с уверенностью утверждать, что один из субъектов, между которыми было заключено разбираемое служебное отношение, носит характер публично-правовой, и к тому же международно-правовой личности; органами публично-правовыми несомненно являются поэтому те органы, посредством которых русское государство устанавливает вышеуказанное правоотношение.

Итало-Советский договор содержит в себе прямое признание как торгпредства Союза в Италии, так и его органов, и чтобы подчеркнуть, что в них содержится прямое выражение международно-правовой личности иностранного государства, части состава торгпредства представлен кроме того дипломатический иммунитет, за торгпредством и его органами признано право на шифр.

Из сказанного следует сделать вывод, что акты посредством которых Русское Государство производит организацию своего торгпредства и зависящих от него органов, хотя и совершенные на территории иностранного государства, поскольку эти акты направлены на обеспечение потребностей международного порядка, являются выражением политической власти. Эти акты, таким образом, входят в число тех, которые могут быть совершены только субъектом публичного права и поэтому неправильно утверждение суда, что они могут быть совершены любым лицом.

2. Кроме того, публичный характер имеют и те функции, которые торгпредство Русского Государства собиралось обеспечить через посредство своих служащих и для выполнения которых в Италии эти служащие были предназначены. Судебное решение в этом отношении не обратило внимания на то, что на торгпредство и его органы возложено по договору не только осуществление от имени и за счет Союза внешней торговли в Италии, но и другие довольно важные задачи, в постоянном иммунитетном публичном характере которых не может возникнуть никакого сомнения.

В самом деле, торгпредство имеет своей задачей также: а) представлять интересы Союза и его граждан в области внешней торговли; б) регулировать внешнюю торговлю и товарообмен между Союзом и Италией, согласно законам Союза, поскольку они не находятся в противоречии с законами Италии; в) содействовать развитию

торговых отношений между правительством Союза и Италии путем взаимной информации и другими мерами.

Значит и служба в торгпредстве относится не только к осуществлению внешней торговли, но и к остальным функциям.

С другой стороны, Миланская судебная палата в своем решении признает, что функции торгпредства, поскольку они относятся к внешней торговле, могут быть сведены к чистому и простому частному осуществлению торговой деятельности, которая целиком может быть приравнена к деятельности любого купца.

Это мнение также представляется неправильным и подлежащим критике с различных точек зрения.

И функции торгпредства, касающиеся осуществления внешней торговли, также не сводятся к простому заключению торговых сделок купли-продажи, найма, договоров, экспедиции, перевозки и т. д. Торгпредство должно заниматься и другого рода деятельностью — изучением, подготовкой, контролем, т. е. актами, которым чуждо всякое представление о торговом акте, но которые входят в число государственных функций, которые ему специально представлены в этой области.

С другой стороны, тот факт, что торгпредство и его органы уполномочены на совершение на нашей территории и в осуществление внешней торговли своего государства актов, которые с точки зрения наших законов и в отношении третьих лиц должны рассматриваться как общие сделки частных лиц, никоим образом сам по себе не оправдывает того вывода, к которому пришел Миланский трудовой суд, а именно, что вся деятельность этого органа и все ее последствия должны рассматриваться, как частно-правовые и приравниваться к обычной торговой деятельности.

Представление органу публичного права возможности совершать и торговые сделки не меняет особого характера функций, преимущественно свойственных этому органу согласно его внутренней конституции.

А между тем осуществление внешней торговли русским государством в своей совокупности представляет собой функцию по существу публично-правового характера, являясь таковой согласно внутреннему строю этого государства: в силу его конституции (ст. 1), установлен в этом отношении новый политический режим, осуществляемый соответственным Народным комиссариатом.

Эта функция должна считаться публично-правовой и по отношению к итальянскому государству, которое заключило для сего соответственный договор с Русским Государством, исходя из того, что монополия внешней торговли принадлежит государству «и для предоставления возможности» торгпредству и его органам выполнять на территории Италии функции, возлагаемые на это представительство правительством Союза».

Таким образом, по этому договору имелось в виду сделать возможным для торгпредства осуществление тех его функций, которые требуются от него, согласно конституции страны происхождения,

т. е. функций публичных и государственных; чтобы предоставить Русскому Государству осуществление торговли в Италии под видом простого частного лица, для этого не было бы необходимости в признаниях и разрешениях, так как для этого достаточно было бы применения ст. 3 нашего гражданского кодекса, которая предоставляет всем иностранным юридическим лицам осуществление гражданского права.

Если затем по причинам чисто случайным и в силу непреодолимой необходимости сообразоваться с нашим законодательством, советское торгпредство вынуждено было в деле осуществления внешней торговли Русского Государства подчиниться в некоторых отношениях нормам нашего частного права, то логически нельзя отсюда вывести, что его характерная государственная функция от этого прекратилась и что от соприкосновения с нашими законами она совершенно изменилась, превратившись в чистую и простую коммерческую деятельность.

Таким образом, явствует, что, вступив в служебное отношение, которое здесь разбирается, Русское Государство имело целью осуществление публичных функций. Следовательно, и с этой точки зрения полностью падает вся та особая юридическая концепция, которую усвоил себе суд, исходя из предпосылки, что функции, которые должен был выполнять истец, входят в область частного права.

3. В судебном решении содержится также утверждение, что разбираемое служебное отношение должно рассматриваться, как акт акцессорный к торговле, осуществляемой торгпредством в Италии. Это утверждение также не выдерживает критики. Мнение, усвоенное Миланской палатой, является несостоятельным, так как функция, направленная на создание органов государства, предназначенных для осуществления определенных задач публично-правового характера, не может явиться акцессорной и субсидарной для другой деятельности чисто торгового характера, которая в последствии может осуществляться через посредство этих органов.

4. Наконец, Миланская палата не отметила того факта, что в данном случае мы имеем дело с трудовым отношением, стороной в котором выступает публично-правовой институт, наделенный качествами суб'екта международного права, получивший на этом основании в силу специального договора разрешение на осуществление своей деятельности на нашей территории. Преобладающая доктрина и последняя практика Верховного Суда придерживается того мнения, что при рассмотрении трудовых отношений следует полностью оставлять в стороне вопрос о характере осуществляемых в порядке трудового найма функций, но что в то же время нельзя проводить грани, между работниками умственного и физического труда, между руководителями и исполнителями.

Доктрина и юриспруденция считают, что в публичных отношениях найма не могут усматриваться свойства обычного частно-правового трудового договора. Эти отношения должны напротив рас-

сматриваться, как односторонний акт, который вступает в силу, независимо от принятия его другой стороной. Эти отношения входят в понятие сделок публичного права.

Эти принципы, находящие свое применение в тех случаях, когда стороной в таком трудовом отношении выступает Итальянское Государство нельзя игнорировать в том случае, когда стороной выступает иностранное государство, в особенности, когда речь идет о публичных функциях этого государства, осуществление которых на нашей территории разрешено специальным договором...».

... Верховный Суд кассирует решение Миланской Судебной Палаты и отсылает дело в трудовую магистратуру суда в Брешии на новое рассмотрение».

ДЕЛО ОБ ИМУЩЕСТВЕ ПАЛЕСТИНСКОГО О-ВА В БАРИ

Содержание дела.

В 1882 г. в России было образовано «Палестинское Православное Об-во». Задачей Общества являлась пропаганда православия. По существу, Об-во являлось одним из каналов проведения экспансии царизма на Востоке. Академическая сторона деятельности Об-ва — разработка и изучение археологии Востока — была второстепенной задачей. Разумеется, Об-во после революции подверглось реорганизации: вначале при временном правительстве, а затем после октября 1917 г., Об-во было освобождено от чуждых Октябрю целей и ему был придан исключительно академический характер историко-археологического Об-ва по изучению Ближнего Востока при Академии Материальной Культуры в Ленинграде.

Будучи юридическим преемником б. православного Об-ва, Об-во по своей реорганизации занялось собиранием принадлежащего ему огромного имущества за рубежом, расхищаемого разного рода проходимцами, бежавшими от революции и присвоившими себе имущества о-ва в Италии, Палестине и Сирии.

Печатаемые в настоящем сборнике решения Итальянского суда отражают борьбу правления Об-ва в Ленинграде за свое имущество в Италии. Процесс, несмотря на очевидность прав Об-ва еще не закончился.

Передача имущества законному собственнику наталкивается на сопротивление клерикальных кругов, поддерживающих остатки разгромленного Октябрем «православия» в Италии. Имущество о-ва в Бари, состоящее из земельного участка и целого ряда построек, находится формально под судебным секвестром, но фактически в руках б. служащих О-ва.

В сборнике приводятся решения апелляционного суда г. Бари от 2/VIII-29 г. и кассационного суда в Риме от 11/III-30 г.

Тексты решений даются в основных выдержках.

Решение Апелляционного суда в Бари

«Принимая во внимание, что Рос. Пал. О-во утверждает, что является тем же Об-вом, вначале называвшимся правос. Пал. О-вом,

а впоследствии импер. правосл. О-вом и что оно только изменило наименование и устав.

1. На это приводится возражение, что для того, чтобы с этим согласиться, необходимо было бы, чтобы эти изменения были результатом решения общего собрания членов, созванных надлежащим образом, согласно ст. 38 предыдущего устава.

Это неверно, потому что преобразованное О-во было признано в России, откуда вывод, что здесь не нужно было новое признание со стороны итальянского государства, потому что действительное признание со стороны государства происхождения не подлежит оспариванию.

2. Все дело, следовательно, в вопросе — нужно ли здесь новое признание со стороны итальянского государства или нет.

Наш гражданский кодекс, упомянув в ст. 1 о предоставляемом гр-ну пользовании гражданскими правами, и в ст. 2 о таком же пользовании, предоставляемом законнопризнанным юридическим лицам, рассматриваемым как физические лица, в ст. 3 постановляет: «иностранцу предоставляются гражданские права, признаваемые за гражданами».

Это слово «иностранец», взятое как имя существительное и без ограничения, допускает распространение его как на иностранный индивидуум, так и на юридическое лицо...».

«...Величайшей заслугой итальянского законодателя является то, что он безоговорочно ставит иностранца в равное положение с итальянским гражданином в отношении пользования гражданскими правами.

Если бы в упомянутой ст. 3 следовало подразумевать, что речь идет не об иностранном юридическом лице, то последнее, при отсутствии всяких других постановлений, в силу нашего кодекса, было бы совершенно исключено из пользования гражданскими правами, которыми напротив пользуется, хотя и с ограничениями в силу большинства всех прочих законодательств менее либеральных, чем наше.

И, таким образом, то, что является самой великой заслугой в области прогресса частных международных отношений для итальянского законодателя превратилось бы в нечто принижающее его. Поэтому логическое истолкование его мысли, если исходить из цели рассматриваемого положения, приводит к признанию того, что это положение относится как к физическому иностранному лицу, так и к юридическому.

Ст. 2 гражд. кодекса говорит о законно-признанных юридических лицах, но ничего не говорит, каково должно быть это признание и еще меньше говорит об этом в отношении иностранных юридических лиц.

Остается только, следовательно, применить к ним ст. 6 вводных постановлений, в которой говорится:

«Положение и правоспособность лиц... регулируется законом нации, к которой они принадлежат».

Как видно, здесь говорится о лицах вообще, без различия или ограничений, и непонятно, почему из этого положения следует исключать юридические лица. Таким образом, иностранное юридическое лицо считается и в Италии законопризнанным, если только было признано государством его происхождения.

3. По вопросу о необходимости нового признания приводится закон 5/VI 1850 г.

Но этот закон только требует правительственного разрешения в случае дарения или наследства.

Вследствие этого напрасно ссылается Жевахов на декрет 4 I 1912 года, которым как раз на основании вышеупомянутого закона разрешается в виде льготы приобретение участка земли в Бари под постройку русской церкви и русского убежища, приобретенного импер. правосл. Пал. О-вом на основании договора о купле-продаже, по нотариальному акту Леони 27/VII 1911 г.

Вышеприведенный декрет должен был бы послужить для доказательства того, что старое общество, за представителя которого выдает себя Жевахов, получило надлежащее признание со стороны итальянского правительства, в то время как такого признания не имеется, якобы, у нового О-ва, представителем которого выступает проф. Членов.

Отсюда ясно, что декрет, о коем идет речь, принимает заявление русского юридического лица, которое, будучи признанным в России, считается все же учрежденным в надлежащем порядке и допускается к пользованию гражданскими правами в нашей стране.

Естественно, что до выдачи разрешения необходимо было рассмотреть цели приобретения, чтобы удостовериться, совместимы ли эти цели с нашими законами и не противоречат ли они соображениям публичного порядка. В самом деле, у нас имеется ст. 12 вводных постановлений к гражд. кодексу, в силу которой законы, акты и решения иностранного государства и частные постановления и конвенции (речь идет о тех, которые касаются иностранцев) ни в коем случае не могут идти в разрезе с запретительными законами Италии, относящимися к лицам (здесь разумеются также и юридические лица).

Эта статья доказывает, кроме того, что итальянское государство сумело бы найти оружие защиты против возможной вредной деятельности иностранных юридических лиц, что делает неосновательными опасения, выставляемые теми, кто поддерживает мысль о необходимости нового предварительного признания вышеупомянутых лиц.

4. Но то, что Рос. Пал. О-во было признано Союзом ССР явствует из удостоверения, выданного Посольством Союза в Италии от 24 IX 1926 г., которым свидетельствуется «что Правительство Союза признало общественную полезность деятельности Рос. Пал. О-ва (бывш. Правосл. Пал. О-ва) и одобрило его устав, согласно проек-

та, представленного этим О-вом в Минвнудел Российской Республики в 1917 г. при Временном Правительстве.

Известно также, что устав был зарегистрирован под № 77 при Адморгчасти Наркомвнудела, ст. 1 которого гласит: «Рос. Пал. О-во, которое было основано в 1882 г. под названием Прав. Пал. О-во, и изменило впоследствии это название в Имп. Правл. О-во, продолжающее с 1917 г. свою деятельность под настоящим наименованием имеет нижеследующие цели и т. д.

Таким образом, нет сомнения в том, что речь идет о том, же О-ве, которое приобрело имущество в Бари и которое изменило свое наименование и устав.

И так как бесспорно, что устав, учреждая юридические лица, обладает также силою для упразднения их и тем более для преобразования, то нельзя отрицать, что указанное О-во в теперешнем своем преобразованном виде имеет все права на то, чтобы быть признанным также в Италии в качестве собственника имуществ.

6. По этому последнему поводу приводится не к месту абзац 7 вводных постановлений, в котором говорится, что недвижимое имущество подчиняется законам страны, где они находятся.

7. Говорится, наконец, о том, что русское правительство конфискует имущество, принадлежащее частному О-ву, но говорится это неосновательно, потому что здесь речь идет наоборот о том, чтобы вернуть Рос. Пал. О-ву имущество, которое ему принадлежит по итальянскому закону соответственно закону русскому.

По этим мотивам суд, заслушав поверенных сторон, высказавшись по поводу апелляции Рос. Пал. О-ва, выдвинутой актом от 1 мая 1928 г., против решения Трибунала в Бари 16—27 марта того же года, против князя Николая Жевахова, Александра Алексеева и Владимира Каменского принимает вышеупомянутую апелляцию и в изменение оспариваемого решения Суда постановляет нижеследующее:

1. Отменяет судебный секвестр, разрешенный председателем Трибунала в Бари распоряжением от 11/IV 1922 г.

2. Постановляет передачу апеллирующему Рос. Пал. О-ву имуществ, бывших предметом вышеупомянутого секвестра, а именно:

а) участок земли,

б) строений, существующих на этих участках.

3. Приказывает Николаю Жевахову, Александру Алексееву и Владимиру Каменскому сдать отчет каждый в части к нему относящейся в управлении и заведывании указанным имуществом, по нормам закона и в трехмесячный срок со дня извещения об этом.

4. Присуждает князя Николая Жевахова к уплате в пользу Рос. Пал. О-ва издержек.

Так решено 2 августа 1929 г., в помещении Гражданского Отдела Суда в Бари.

«Апелляционный Суд в Бари, исключив необходимость признания со стороны Итал. П-ва, поскольку Российское О-во было признано Советским Пр-вом, признал, что из документов явствует, что новое О-во является продолжением старого; и на основании этого отменил секвестр и приказал выдать имущество последнему.

Против этого решения выступил с жалобой кн. Жевахов, требуя кассации по 6 доводам: Рос. О-во возражает против недопустимости жалобы как потому что Жевахов не раз'яснил выступает ли он в качестве доверенного Правосл. О-ва или же в качестве хранителя секвестрованного имущества, так и потому, что он незаконно присвоил себе звание представителя О-ва.

Первый из доводов жалобы стоит особняком, так как касается пропущенного упоминания в оспариваемом решении об обстоятельном и особом дополнительном заключении, предетавленном защитою Жевахова; остальные же могут быть разбиты на две группы, а именно: первые (2, 4 и по существу также и 3 доводы) обращены против утверждения апелляц. суда, будто иностранное юридическое лицо, получившее признание со стороны своего правительства, не нуждается ли в каком «placet» для пользования гражданскими правами в королевстве: а другие (5 и 6 и в некотором отношении также 3) содержат жалобу на то, что они были отвергнуты без мотивировки и что были обойдены молчанием основные доводы в пользу признания существования старого О-ва и отсутствие факта законного преобразования его в новое; в неправоспособности последнего, на основании советского законодательства владеть на правах собственника недвижимостью и, следовательно, требовать возвращения ему ее, как собственнику.

Вопросы, к которым относятся доводы 1 группы, хотя и считаются главными обеими сторонами и даже судом в действительности, по настоящему делу имеют второстепенное значение. Два иностранных юридических лица пред'являют притязания на собственность на находящееся в Италии имущество, собственность, которой одно из них в прошлом безусловно обладало вследствие приобретения с надлежащего разрешения Итал. Пр-ва, и которую другое лицо считает принадлежащей ему, как продолжателю предыдущего лица с измененным именем и с несколько ограниченными целями. Таким образом, существенным здесь является вопрос об идентичности обоих Обществ: ибо, если бы второе не явилось продолжением лица первого, то его выступление в процессе было бы недопустимым, совершенно независимо от отсутствия факта признания его Итальянским Пр-вом. Верховный суд считает, что если даже держаться по этому поводу самого крайнего мнения, то эту крайность нельзя доводить до того, чтобы считать необходимым новое признание при каждом изменении, которому подвергается иностранное юридическое лицо после допущения его в Италии.

Но здесь следует пойти еще дальше в этом направлении, т. е.

исключить необходимость нового признания, даже если речь идет о радикальных изменениях, потому что в Италии к пользованию гражданскими правами допускаются на основании общего принципа ст. 3 Гражд. Код., иностранные юридические лица без необходимости признания их личности итал. государством.

Что касается второго возражения, то на него нетрудно ответить тем, что нельзя приписывать универсального или сверхнационального значения закону страны происхождения юридического лица, когда для определения законного существования его делается ссылка на этот закон, также точно как нельзя придавать ему универсального значения, когда, напр., его об'являют регулятором правоспособности и состояния этих лиц, где бы ни протекала их деятельность (ст. 6 вводных постановлений).

Еще одно возражение делается в том смысле, что недопустимо, чтобы государство отказалось от контроля законности уставных целей иностранного лица до тех пор, пока это лицо не допущено к пользованию в королевстве гражданскими правами наравне с юридическими лицами, получившими в Италии законное признание. Но опасение, что, освобождая иностранные юридические лица от обязанностей получить в Италии подтверждение их личности, этим самым создается риск в том смысле, что это влечет за собой необходимость терпимо относиться к вредной деятельности нежелательных учреждений, — неосновательно, ибо против опасности государство вооружено как возможностью применения полицейских мер, предписываемых законом против иностранцев, забывающих свой долг по отношению к приютившей их стране, так и его правом отрицать на основании ст. 12 вводных постановлений и изложенных в ней соображений, деятельность их личности и их устава, признанных за ними за границей.

Таким образом, доводы первой группы отвергаются: по совершению другого отношения заслуживают доводы второй группы.

Суд в Бари признал собственником спорных имуществ Российское Палест. О-во, считая его «тем самым О-вом, которое приобрело (в 1911 г.) эти имущества, изменив только его наименование и устав».

Суждение об идентичности этого О-ва с Правосл. Палест., очевидно, не есть суждение чисто фактическое, потому что предполагает правовую оценку о преемственности, каковое обстоятельство, естественно, и оказалось поводом к переносу дела в кассационный суд. Таким образом, нельзя сомневаться в допустимости выдвигаемой по этому поводу критики. К этому нужно прибавить еще, что нельзя подвергать серьезному сомнению также и основательность этой критики.

Преобразование юридического лица происходит только по его же собственному почину или по постановлению, принятому в порядке, определяемом его уставом и допускаемом тем законом, который устанавливает его правоспособность; или же по постановле-

нию как общему, так и особому компетентных органов общественной власти.

По этому поводу суд утверждает, что в данном конкретном случае преобразование состоялось, но только суд не указывает, откуда, собственно, он заимствует это свое убеждение; он и не заботится о том, чтобы разузнать, было ли это преобразование вызвано постановлением самого О-ва или распоряжением правительства, как будто бы это совсем не важно. Суд здесь даже впадает в противоречие, потому что, ссылаясь в одном месте на удостоверение Посольства СССР в Италии, свидетельствующее, неизвестно с какой степенью компетенции, что Правительство Союза признало общественно-полезной деятельность Российского О-ва бывш. Правосл. Палест. О-ва и утвердило его устав по проекту, представленному упомянутым О-вом Министерству Внутренних Дел Российской Республики в 1917 г. при временном правительстве, подразумевая под этим преобразование, предпринятое по воле самого О-ва, — почти не замечает с другой стороны, что «государство, имея власть создавать юридические лица может также и упразднять их и тем более преобразовывать, чем показывает, что преобразование прежнего О-ва в новое вызвано было правительственной мерой. В самом деле, в решении не приводятся ни какого-либо постановления, которое было по этому поводу вынесено О-вом, ни государственный акт о преобразовании.

И, конечно, отсутствие точных ссылок не может быть восполнено неопределенным указанием на «представление со стороны О-ва проекта нового устава, принятого в 1917 г. при временном правительстве» и утверждением того, что «новый устав был зарегистрирован под № 77 при Административно-Организационном Отделе НКВД», даже если оставить в стороне полную неопределенность дат этих фактов.

А) В самом деле, относительно первого из них неизвестно, даже как он произошел, потому что в апелляционном суде не сочли нужным, повидимому, и полезным установить, когда и кем было постановлено обновить устав, в то время как Жевахов в отношении Правосл. О-ва (подкрепляя свое изложение свидетельствами дипломатических, консульских и церковных властей, которые относясь хронологически ко времени, предшествовавшему признанию де-юре Советского правительства, не могли быть обойдены огульно молчанием без всякого об'яснения того, почему они считаются имеющими значение), утверждал, что последнее законное собрание О-ва имело место 21 мая 1917 г., когда председательница его великая княгиня Елизавета Федоровна подала в отставку и была замещена на этом посту кн. Алексеем Ширинским-Шихматовым, при чем никаких изменений в устав О-ва не было внесено. Правда, оспариваемое решение считает старое О-во прекратившим свое существование, но выводится это из обстоятельств, которые, конечно, не могут служить доказательством намерения: как напр., бегство за границу Ширинского-Шахматова, отсутствие вестей от дру-

тех членов старого совета администрации; впрочем, не говорится в нем также ничего и о том, что это относится ко времени, предшествующему дате изменения устава.

Можно, однако, и даже должно допустить, что революционное правительство имеет полное право изменять наименование и самые цели Правосл. О-ва, и что состоявшееся по его распоряжению преобразование О-ва должно иметь и в Италии действие в смысле передачи имуществ старого О-ва новому, но нельзя допустить, чтобы при жизни Правос. О-ва и при наличии его административных и решающих органов, посторонние лица и во всяком случае не имеющие законной власти по своему произволу заступили место этих органов, изменили статут О-ва и претендовали на то, что они являются продолжением О-ва. Бесспорно, что в силу вышесказанного с признанием Советского правительства Российское О-во приобрело «законное существование»; но здесь речь идет не о персонификации Российского О-ва, а об идентификации его с Правосл. О-вом.

Б) Чего нельзя заключить и еще менее считать установленным в силу другого факта, а именно, регистрации Росс. О-ва в неопределенное время под № 77 регистра юридических лиц СССР. Ничего нельзя заключить ни из спорного решения ни из меморандума возражающей стороны, каково точное юридическое действие регистрации: можно, впрочем, предположить, что она идет не дальше признания личности и не является равносильным преобразованию путем государственного акта, так как согласно заявлениям обжаловавшей стороны она содержит в себе только простое утверждение устава, выработанного О-вом, а не принуждение к принятию нового устава. Но еще другая, не менее важная ошибка содержится в мотивировке решения суда Бари. Выступление Рос. О-ва против Алексеева и Каменского имеет значение требования возвращения имущества; в отношении же Правосл. О-ва, его представителя Жевахова, выступление это носило скорее характер акта установления или об'явления его прав на спорное имущество. Будь то акт ревендикации или же акт установления этих прав он возлагал на Росс. О-во обязанность представления доказательств своих прав на существующее в Бари имущество. Однако, Жевахов отметил, что в декрете 23/I 1918 г. (т. е. более позднее, чем дата признания нового устава О-ва), опубликованном в номере 18 Бюллетеня Советской Юстиции того же года об'являлось народной собственностью все достояние, находящихся в России религиозных союзов.

И так как правоспособность лиц по ст. 6 вводных постановлений регулируется их национальным законом, то он пришел к заключению, что Росс. О-во не имело права владеть в качестве собственника и вследствие этого не могло предпринимать актов, основанных на отстаивании своего права собственности на недвижимость. Росс. О-во не оспаривало существования и содержания цитированного советского декрета, но утверждало, что СССР во

многих случаях не считал нужным осуществлять свое право национализации имущества учреждений с целями научными и культурными: к таким именно учреждениям и принадлежит настоящее О-во. Этими возражениями суд Бари совершенно не интересовался.

И посему суд

принимая во внимание ст.ст. 541, 542 Код. Гр. Судопр. кассирует спорное решение, переносит дело для нового рассмотрения в Римский Апелляционный Суд который распорядится также относительно издержек по настоящей судебной инстанции».

ДЕЛО ФИРМЫ ПИКАРДИ ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ИТАЛИИ

Решение Неаполитанского гражданского суда от 7 июля 1930 г.

В декабре месяце 1929 г., фирма бр. Пикарди закупила у Торгпредства в СССР сала на сумму 84.000 лир. Товар этот, однако, был признан не соответствующим договорным условиям; ввиду этого покупателем принят не был и в ожидании результатов химического исследования был сложен на складе экспедитора Этторе Чинкве.

Ввиду того, что к этому времени истекал срок векселя (24 марта 1930 г.), фирма 20 числа того же месяца обратилась с ходатайством в Неополитанскому Претору и добилась наложения секвестра в сумме 84.000 лир с правом производства такового также у третьих лиц.

31 марта 1930 г. т-во возбудило ходатайство о немедленной отмене секвестра, наложенного в явное нарушение торгового договора между СССР и Италией 7/III—24 г.

По мнению суда, нельзя утверждать, что воспрещение судебных мер предупредительного характера, предусматриваемое договором между Италией и СССР, распространяется на денежную наличность, помимо товаров. Ст. 3 договора, о котором идет речь, освобождает от применения судебных мер лишь эти последние.

В самом деле, статья эта гласит, что Правительство Союза берет на себя ответственность за все сделки, заключенные Торговым Представительством в Италии. Следовательно, «товары», относящиеся к этим сделкам, не могут быть подвергнуты судебным мерам предупредительного характера.

Из того факта, что Союз берет на себя ответственность за все сделки, заключаемые его Торговым Представительством, не может вытекать вопреки смыслу закона, что запрещение может коснуться всякого предмета или движимости, не являющихся «товаром» в техническом смысле этого слова.

Являясь исключением из общего правила, норма эта не может быть распространена с предусмотренного случая на случай непредусмотренный. Это привело бы к нарушению статьи 4 вводных

постановлений к Гражданскому Кодексу относительно интерпретации и опубликования закона вообще. Необходимо, следовательно, сохранить толкование в границах естественного значения слова, вытекающего из текста договора, во избежание нарушения закона.

Итак, если ст. 3 Итало-русского договора говорит лишь о товарах и сюда невозможно включить также и деньги, — деньги служат орудием обмена и мерилом ценностей и лишь в том случае, если они являются непосредственным предметом обмена или юридических взаимоотношений, они представляют собой род товара — сумма, на которую наложен секвестр, нисколько не является предметом сделки, на которую может быть распространено испрашиваемое запрещение применения судебных мер превентивного характера. В самом деле, многократно цитировавшаяся статья 3 гласит, что судебным мерам предупредительного характера не могут «подлежать» товары, которые относятся к сделкам торгпредства, т. е. к сделкам, по которым Союз берет на себя ответственность. Это, очевидно, означает, что лишь к вещам, явившимся предметом договора, не могут быть применены судебные меры предупредительного характера. Впрочем, такое толкование, основанное на смысле закона, не представляет затруднений и еще менее противоречит интерпретации, вытекающей из намерений законодателя. Действительно, факт, который мог внушить Правительству Союза беспокойство, заключался в том, что при применении к товарам мер предупредительного характера могли возникнуть препятствия к сбыту и обращению товаров, не считая значительного убытка от возможной порчи или гибели таковых.

Существенный интерес, следовательно, заключался лишь в том, чтобы у Торгового Представительства в Италии имелась во всяком случае свободная наличность товаров, дабы избежать всего экономического ущерба, обычно являющегося неизбежным следствием применения судебных мер вышеуказанного характера. Равным образом, следуя духу закона, можно об'яснить, почему изъятие, предусматриваемое ст. 3 договора, желательно было ограничительно применить лишь к товарам.

В отношении же других предметов или юридического имущества льгота, представляемая итальянским законом не имела бы смысла и не могла бы найти оправдания в практическом и конкретном интересе противной стороны.

Неправильно также то, что при таком толковании закона создается противоречие между первой и последней частью заключительного абзаца ст. 3 договора.

Первая часть содержит обоснование частного случая, предусмотренного в последней части и, следовательно, если договаривающиеся стороны нашли нужным ограничить применение предупредительных судебных мер лишь в отношении товаров, то при внимательном рассмотрении никакого противоречия не усматривается в том, что в согласии с вышеуказанной статьей, Правитель-

ство Союза, даже взяв на себя ответственность по всем действиям, совершенным в Италии его Торговым Представительством, потребовало и добилось в соответствии с этим освобождения от применения превентивных судебных мер лишь в отношении товаров.

Скорее, следовательно, принятым толкованием ограничивается применение принципа к одному только случаю, но ни как не создается указанным ограничением противоречие с принципом ответственности, принятой на себя Правительством Союза.

Тем менее может найти свое оправдание отмена секвестра в Законе от 30 августа 1925 г., № 1621, ибо текст названного закона видоизмененный в силу закона от 19 июля 1926 г., за № 1263, гласит что «без разрешения Министра Юстиции секвестр и вообще исполнительные меры не могут быть применены к движимому и недвижимому имуществу, судам, кредитным бумагам, ценностям и всяким другим предметам, принадлежащим иностранному государству», и из этого постановления ясно следует, что это последнее не может найти применения в рассматриваемом случае, в котором, не оспариваются, что имущество принадлежит иностранному государству, но что речь идет о суммах принадлежащих русскому торговому представительству на основании сделки, в отношении которой Правительство СССР взяло на себя лишь ответственность, что, очевидно, означает нечто иное.

Следует к этому добавить, что применение этого декрета подчинено принципу взаимности и в рассматриваемом случае не видно, чтобы равноценная норма существовала также в отношении Итальянского Государства [1]). Но, с другой стороны, очевидно, что по существу предварительный секвестр не может быть утвержден.

Такая мера обеспечения, по точному указанию, может быть применена в пользу лишь того кредитора, который имел бы обоснованные мотивы подозревать в бегстве своего должника и опасаться потери своего кредита или потери гарантии своего кредита. Но в данном случае не имеет места ни одно из этих предположений, ибо как уже об этом выше упоминалось, Правительство Союза ССР приняло на себя по договору, получившему силу закона, ответственность за все торговые сделки, заключаемые в Италии его Торговым Представительством, и, следовательно, в отношении сделки, заключенной между Торг. Представительством и фирмой братья Пикарди несомненно существует гораздо более полная гарантия, чем та, которую обычно в состоянии предоставить частная торговля.

В действительности, из текста договора явствует, что ведение торговли в иностранных государствах Правительство СССР считает атрибутом своего суверенитета. Итальянское правительство признало, что торговое Представительство Союза составляет даже интегральную часть полномочного представительства.

---

[1]) Эта взаимность установлена обменом нот между СССР и Италией от 26/VII 1930 г. (см. VI сб. действ. договора СССР).

Поэтому в силу неоднократно упоминавшейся ст. 3 Правительство СССР определенно приняло на себя ответственность за все торговые операции, совершаемые его Торговым Представительством в Италии, следовательно, в данном случае отсутствует одно из основных условий, без коего секвестр не может иметь места, т. е. отсутствует тот резонный мотив, который мог причинить потерю гарантии собственного кредита и, следовательно, необходимо признать, что секвестр не может быть оставлен в силе, ибо отсутствует какое-либо основание для его применения.

Соображения и выводы, выставляемые фирмой братья Пикарди, не имеют силы при том установленном и неоспоримом факте, что в отношении заключенной ею торговой сделки существует гарантия со стороны СССР, находящегося в настоящее время в дипломатических отношениях с Итальянским Государством и в силу названной гарантии добившегося даже того, что товары, относящиеся к торговым сделкам, заключенным на территории страны, на которой находится его Торговое Представительство, были освобождены от применения судебных мер превентивного характера.

Декрет о секвестре должен быть поэтому отменен тем более, что потребовавшая и добившаяся названного секвестра фирма, не указала конкретно и не уточнила, в чем именно заключается опасность потери гарантии ее кредита, в то время как в действительности положение ее должника ничуть не изменилось с момента заключения им контракта на куплю-продажу сала.

С другой стороны, фирма бр. Пикарди в настоящих условиях не может даже доказать, что она является кредитором Торгового Представительства, ибо наличие ее кредита зависит от того решения, которое будет принято в отношении основных статей дела, в силу какового решения она может даже проиграть процесс.

Затруднения, могущие возникнуть при реализации ее кредита, ввиду особого характера должника, не имеют такого значения, чтобы они могли обосновать оставление в силе секвестра.

Ввиду отклонения требования об утверждении секвестра, расходы по этой тяжбе должны быть отнесены на счет проигравшей стороны.

Что же касается убытков, Торговому Представительству предоставляется право требовать их возмещения в отдельном порядке [1]).

---

[1]) Суд, отменивши решение неаполитанского претора о наложении предварительного ареста, допустил вместе с тем неправильное толкование ст. 3 торгового договора между СССР и Италией от 7/II 1924 г. Эта статья имеет в виду освобождение от применения судебных мер предварительного характера не только товаров, но и об'ектов сделки вообще, т. е. и денег и т. п., поскольку пр-во СССР признает свою ответственность за всякого рода сделки, заключенные т-ом. Суд также исказил смысл ст. 3 договора, допустив утверждение, что правило о неприменении предварительных мер введено в договор исключительно из соображений сохранности товаров от порчи и, наконец, суд неправильно разделяет имущество государства от имущества т-ва, которое, якобы, имеет какую-то особую природу. На эти неправильности в толковании договора было обращено внимание в дипломатическом порядке.

ДЕЛО ФИРМЫ «МАРИНО КВЕРЧИ» ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ИТАЛИИ

Решение Генуэзского трибунала от 15 июля 1933 г.

Обстоятельства дела

«Повесткою от 14 июля 1932 г. Марино Кверчи, проживающий в Генуе, в качестве владельца и законного представителя генуэзской фирмы «Марино Кверчи» вызвал к настоящему суду Представительство Союза Советских республик по внешней торговле в Италии, в лице его законного представителя Михаила Левенсона, служебная контора которого находится в Милане, заявляя:

Что 14 октября фрахтовый отдел Представительства СССР (Союза Советских Социалистических Республик) по внешней торговле в Италии зафрахтовал за счет Экспортхлеба-Москва у названной фирмы «Марино Кверчи» судно «Колляци»:

что когда пароход этот находился в Николаевском порту, капитан «Колляци» получил извещение от фрахтователей быть готовым к отплытию, с предупреждением за 6 часов;

что для того, чтобы быть готовым к отплытию с таким предупреждением, капитан был вынужден держать пароход все время под парами, с большой затратой топлива для котлов;

что такое положение вещей длилось 17 дней, вызвав расходы в сумме около 18 360 лир;

что, кроме того, фрахтователи должны истцу сумму в 17150 лир за то, что использовали в Николаевском порту пароход «Колляци», как склад и 1026 лир за передвижки, по их указаниям, парохода в названном порту;

что истец, фирма «Кверчи» делала безуспешные попытки получить дружеским путем указанные суммы и поэтому, для защиты своих законных прав, сочла себя вынужденной обратиться к судебной помощи.

Исходя из всего этого, фирма «Кверчи» просила присудить Представительству СССР по внешней торговле в Италии уплатить ей сумму в 36 541 лир или большую сумму, какая может быть выявлена в ходе дела с законными процентами и с судебными и за ведение дела издержками с предварительным исполнением судебного решения.

Вступивши в дело, ответчик сделал преюдициальное возражение, что договор фрахтования, о котором идет речь в настоящем деле, был заключен не представительством СССР по внешней торговле в Италии, а Экспортхлебом-Москва через посредство фрахтового отдела Представительства, и поэтому потребовал быть устраненным из этого процесса, а затем, субсидиарно, касаясь существа дела, на случай отклонения его преюдициального возражения, оспаривал — с фактической и юридической точки зрения — требования, выставленные истцом, и просил об отказе в иске.

Истец, в дальнейшем, отказался от некоторых требований своего иска и настаивал только на требовании платежа 18 360 лир

убытков, причиненных ему фрахтователями «Колляци», вследствие приказа капитану парохода, стоявшего на якоре в Николаеве, держать машины под паром и быть готовым к отплытию с предупреждением за шесть часов и оставления его в таком положении в течение 17 дней, чем было вызвано потребление топлива на вышеуказанную сумму.

Ответчик, оставаясь при своем возражении об устранении его из процесса, заявил при разборе дела, что, в случае отклонения этого его возражения, он не станет возражать против допущения представления доказательств...

Мотивы суда

Трибунал считает, что должно быть принято преюдициальное возражение, выставленное ответчиком, и что, следовательно, он должен быть освобожден от иска, пред'явленного истцом.

В самом деле, Трибунал полагает, что истец впал в тяжкую ошибку, не делая никакого различия между Представительством СССР по внешней торговле в Италии и Экспортхлебом-Москва ошибку, которая побудила его вызвать в настоящий суд первое вместо последнего, как если бы они были тождественны между собою.

Истец утверждал, что так как СССР воспрещено юридическим и физическим лицам прямое осуществление торговли с заграницей и так как эта торговля осуществляется исключительно Народным Комиссариатом СССР, то Представительство СССР по внешней торговле в Италии, не являясь дипломатическим Представительством этого государства в Италии, поскольку оно имеет отношение к торговле, обладает активной и пассивной правоспособностью представлять Русское государство, и что всякий договор, заключенный русскими юридическими или физическими лицами с иностранными, в данном случае, с итальянскими гражданами, должен рассматриваться, как заключенный с СССР, а последний должен рассматриваться, как прямой контрагент, связанный таким договором, со всеми юридическими последствиями. Здесь, конечно, не место разбирать все законодательство СССР. Из текстов законов, представленных ответчиком и в частности из Гражданского Кодекса, введенного в действие на основании постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 11 ноября 1922 г. явствует, что в этом государстве за физическими лицами (ст. 5) признаны, среди прочих прав, также право покупать, продавать, вступать в обязательства, открывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех предписаний, регулирующих промышленную и торговую деятельность направленных на охрану труда и допускаются (ст. 19) предприятия, подконтрольные государству (государственные) с автономным ведением дел и обладающие самостоятельным юридическим лицом без всякой связи с казною и, следовательно, за которые СССР не несет никакой ответственности.

Таким образом, установлено, что на территории СССР физические лица могут заниматься торговлей, открывать промышленные предприятия; равным образом на той же территории могут быть образованы торговые предприятия, контролируемые государством, причем последнее никоим образом не является обязанным по сделкам, им контролируемым.

Указанное рассуждение было необходимо, дабы притти к выводу, что хотя Экспортхлеб является торговым предприятием (Обществом), он обладает юридической личностью, независимой от казны СССР и, следовательно, по его сделкам Русское Государство не является обязанным. Но истец возражает против этого; что в СССР воспрещена торговля с заграницей юридическим и физическим лицам, каковые могут осуществлять эту торговлю только через посредство Народного Комиссариата Внешней Торговли, и что поэтому Народный Комиссариат, представляющий собою одну из крупных правящих отраслей Русского Государства и имеющий своего представителя в Италии, в лице ответчика, обязан отвечать по обязательствам, заключенным русскими юридическими лицами, в частности и Экспортхлебом.

В подтверждение своего мнения истец цитирует ст. 17 Гражданского Кодекса СССР: «Во внешнем торговом обороте все пребывающие в пределах РСФСР лица, юридические и физические, участвуют лишь через посредство государства в лице Народного Комиссариата Внешней Торговли. Самостоятельные выступления на внешнем рынке допускаются не иначе, как в случаях, особо указанных в законе, и не иначе, как под контролем Народного Комиссариата Внешней Торговли».

И, не довольствуясь этим, для подкрепления своих аргументов истец приводит ст. 3 Договора о торговле и мореплавании между Италией и СССР (вступившего в силу 14 марта 1924 г.): «Считая, что монополия внешней торговли в Союзе Советских Социалистических Республик принадлежит государству, Итальянское Правительство предоставит Торговому Представительству Союза и его органам возможность выполнять на территории Италии функции, возлагаемые на это представительство Правительством Союза, а именно:

«а) ведать интересами Союза и его граждан в отношении внешней торговли;

б) регулировать внешнюю торговлю и товарообмен между Союзом и Италией согласно законам Союза, поскольку они не находятся в противоречии с законами Италии;

в) осуществлять внешнюю торговлю Правительства Союза и содействовать развитию торговых сношений между Правительствами Союза и Италии путем взаимной информации и другими мерами.

Трибунал, однако, вопреки мнению истца, считает, что приведенные тексты весьма далеки от того, чтобы подтверждать его мнение. В самом деле, Трибуналу представляется, что ни ст. 17 Граж-

данского кодекса СССР, ни ст. 3 Договора между Италией и Русским государством не позволяют считать СССР ответственным по обязательствам, вытекающим из договоров торгового характера, заключенных между русскими торговыми предприятиями и итальянскими гражданами.

Ни ст. 17 Гражд. Код., ни ст. 3 Договора, говоря о том, что русские физические и юридические лица не могут свободно торговать с заграницей, не обязывают СССР по торговым договорам, заключенным русскими с итальянцами. К тому же ст. 17 русского Гражд. Кодекса должна быть, по мнению суда, истолкована не в смысле, указываемом истцом, а именно, что Русское государство продает прямо за границу за свой счет и от своего имени товары, которые произвели в России физические лица и торговые предприятия, а в том смысле, что оно является посредником («через посредство государства в лице Народного Комиссариата внешней торговли»), в продажах и торговле, регулирует товарообмен с заграницей и ведает интересами государства и граждан в отношениях с заграницей, но не принимает на себя обязательств по указанным сделкам иначе, как в определенных случаях, по установленной форме и условиям.

Необходимость защищаться внутри страны и за границей приводит к тому, что СССР знакомится с ввозом в страну и вывозом из нее товаров и таким образом в целях политических и финансовых контролирует — как посредник при соответствующих договорах — ход рынка и, выполняя эту свою функцию защиты своей политической и финансовой неприкосновенности, регулирует товарообмен, идущий из его собственной и на его собственную территорию, но эта функция посредника в договорах не делает его контрагентом, а посему он и не отвечает по таким договорам.

И необходимо считаться со следующим. Ст. 8 Постановления от 11 ноября 1922 г., приведенного выше и введшего в силу русский гражданский кодекс гласит: «Право граждан иностранных государств, с которыми РСФСР вступила в то или иное соглашение, регулируются этими соглашениями».

Следует поэтому обратиться к итало-русскому договору для решения спора о том, в каких случаях и через посредство кого СССР становится обязанным по договорам, относящимся к внешней торговле.

Не стоит большого труда увидеть, именно в ст. 3 Договора, что «Торговый Представитель и члены Совета Торгового Представительства, число которых будет установлено впоследствии соглашением между договаривающимися сторонами, будут составлять нераздельную часть Полномочного Представительства и будут пользоваться личной неприкосновенностью, экстерриториальностью своих контор и другими привилегиями и иммунитетами, присвоенными членам дипломатических миссий».

А далее, кроме того, в этой же статье сказано: «Правительство

Союза берет на себя ответственность за все сделки, заключаемые его Торговым Представительством в Италии».

Таким образом, отвергая тот взгляд, что, в силу контроля, осуществляемого СССР над внешней торговлей и запрета всем физическим и юридическим лицам осуществлять торговлю с заграницей иначе как через государство, СССР обязывают договора по названной торговле, заключенные какими-либо русскими предприятиями или физическими лицами с итальянскими гражданами, СССР, однако, является ответственным по договорам, относящимся ко внешней торговле и заключенным его Торговым Представительством в Италии. И, следовательно, так как нет сомнения в том, что договор, заключенный истцом с Экспортхлебом, есть договор торгового характера, то остается рассмотреть этот договор и присоединенное к нему добавление, чтобы увидеть, были ли они заключены Торговым Представительством СССР в Италии, ибо в таком случае Русское государство отвечало бы по этому договору и, следовательно, являлось бы надлежащим ответчиком, в противном же случае — нет.

Вывод может быть только отрицательный.

Из договора вытекает, что он был заключен Экспортхлебом-Москва через посредство фрахтового отдела русского торгового представительства. Это первое обстоятельство исключает, таким образом, возможность того, чтобы договор возник между истцом Кверчи, с одной стороны, и Русским Торгпредством, — с другой, и этого одного было бы достаточно, чтобы решить, что Русское Торговое Представительство не приняло участия в этом договоре и, стало быть, не обязало СССР.

Но идя дальше, следует задать вопрос: «Кем был подписан договор и может ли подписание договора этими лицами обязать Русское Торговое Представительство и Союз, который оно собою представляет».

Договор и добавление к нему были подписаны, кроме владельца фирмы — истца, некоими Ефимовым и Гарманом только в качестве агентов в договоре, в качестве уполномоченных фрахтователей — в добавлении.

Таким образом, исходя из того, что договор и добавление к нему были заключены между истцом через г. Марино Кверчи, владельца фирмы и Экспортхлебом-Москва, представленными, названными Ефимовым и Гарманом через фрахтовый отдел СССР, — это обстоятельство в свою очередь говорит против того, что Русское Торговое Представительство приняло участие в договоре и тем обязало русское государство.

Фрахтовый отдел в данном случае контролировал операцию, относящуюся к внешней торговле хлебом из территории СССР, как того требует ст. 17 русского гражданского кодекса, но не фигурировал в качестве контрагента; контрагентами же были, с одной стороны, истец, а с другой — Экспортхлеб-Москва, а за этот последний — его агенты Ефимов и Гарман.

И с другой точки зрения нельзя сказать, что Ефимов и Гарман заключили контракт от имени СССР, так как последний отвечает только по договорам, заключенным его Русским Торговым Представительством, а представленные ответчиком при разбирательстве дела номера официальной газеты Королевства от 13 июля 1931 г., 16 сентября 1931 г., 3 октября 1931 г. и 12 ноября 1931 г. говорят против того, что в момент заключения договора и добавления к нему Ефимов и Гарман входили в состав Русского Торгового Представительства в Италии и были уполномочены заключать договора, обязывающие СССР.

Приведенные соображения должны повлечь за собою отказ истцу в его иске; и к другому решению Трибунал не может притти, исходя из буквы решения II секции Генуэзского апелляционного суда от 6—16 мая 1930 г. по делу Торгового представительства СССР против Чибрарио и др., так как обстоятельства дела, по которым состоялось это решение, совершенно отличаются от обстоятельства дела фирмы Кверчи и Торгового Представительства СССР.

По указанным соображениям

ТРИБУНАЛ:

«... освобождает ответчика — Представительство СССР (Союз Советских Социалистических Республик) по внешней торговле в Италии от иска, предъявленного к нему истцом — фирмой «Марино Кверчи» и присуждает последнюю к уплате в пользу ответчика судебных и за ведение дела издержек».

ЕГИПЕТ

ДЕЛО ТОРГПРЕДСТВА СССР В ТУРЦИИ (УГОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ) ПРОТИВ ОБЩЕСТВА «ЛЕВАНТ И КРАСНОМОРСКАЯ УГОЛЬНАЯ К°, МОРИЦ И БЕНИН И К°»

Решение смешанного коммерческого суда в Александрии от 20/III 1933 г.

Суд вынес решение следующего содержания:

а) Ответчик заявляет, что, поскольку Советское Правительство не признано Египтом, истец, который является никем иным, как Российским Государством, не может выступать в качестве стороны перед египетскими судами.

Суд в данном случае, когда Русское Государство выступает не в качестве публично-правового субъекта, а в качестве субъекта гражданских правоотношений не согласен с этим мнением.

И, действительно, государство, правительство которого не признано другим государством, не находится в отношении последнего в положении публичной власти.

По отношению к другим государствам оно черпает свой суверенитет лишь в признании своего правительства ими; лишь после признания государство может противопоставить свой собственный суверенитет суверенитету другого государства.

Как бы само собой разумеется, что когда государство хочет противопоставить свой суверенитет, свой публично-правовой порядок другому государству, последнее может допустить это, лишь если оно того желает, т. е. если оно признало правительство другого государства.

Если прибегнуть к классическому различию, то нужно сказать, что право пользования суверенитетом принадлежит государству с того момента, как оно возникло, но право на осуществление этого суверенитета по отношению к другим государствам допустимо лишь с момента признания.

Совершенно иначе обстоит дело в отношении непризнанного государства, выступающего как частное лицо.

Таким качеством государство обладает в силу того факта, что существует само государство, причем это положение имеет силу по отношению ко всем другим государствам.

Признание или, непризнание его правительства другими государствами не может ни увеличить, ни сократить объем прав государства, как субъекта гражданских прав.

Поскольку государство существует, оно неизбежно существует и в качестве субъекта частных прав и обязательств, который может действовать по отношению ко всем третьим лицам и даже выступать в судах государств, которыми его правительство не признано.

Существование государства в качестве частного лица ни в чем не стесняет государство, не признавшее его правительство, не противопоставляет его суверенитета суверенитету другого государства и не затрагивает публично-правового порядка последнего, поскольку, наоборот, оно (государство) обращается само к закону и судьям этого государства.

Из того факта, что выступая в качестве субъекта публичного права, равным образом как и частного права, государство представлено своим правительством, неизбежно вытекает тот вывод, что по отношению к тем государствам, которыми оно не признано, правительство не может представлять государство в качестве частного лица, так как это признание относится лишь к правительству, представляющему суверенное государство, а не к правительству, выступающему в роли органа, представляющего государство, как субъекта частных прав.

Можно лишь выдвинуть условие о том, чтобы государство имело бесспорное существование и чтобы оно было представлено правительством, обладающим достаточной стабильностью и жизнеспособностью.

Если государство не имеет определенного существования, то таковым свойством оно не будет обладать в качестве субъекта частного права; необходимо также, с другой стороны, иметь в виду, что не вызывает сомнений, что правительство имеет право представлять государство, выступающее в роли частного лица.

В данном случае Российское государство имеет бесспорное существование, и правительство Советов, которое стоит у власти в течение больше 15 лет, признано де-юре и де-факто большинством держав и призвано участвовать на международных конференциях, созываемых для изучения наиболее серьезных проблем текущего момента.

Оно является бесспорным представителем русского государства.

Таким образом, это первое возражение ответчика должно быть отведено.

Впрочем, вынесение иного решения, явилось бы своего рода отказом в правосудии, поскольку во всех случаях также, как и в случае с Советами и Египтом, государство, чье правительство не признано, допущено к коммерческой деятельности на территории другого государства; запретить ему доступ к судам означало бы свести на нет ту терпимость, которую проявило по отношению к нему то государство, которому подчинен судья.

б) Второе возражение ответчиков сводится к тому, чтобы об'явить неприемлемым иск русского государства в силу того мотива, что, установив у себя законодательный, экономический и консти-

туционный режим, противоречащий египетскому публично-правовому порядку, оно не может иметь доступа в египетские суды.

Это возражение целиком не обосновано.

Чтобы отвести его достаточно обратить внимание на то, что этот суд не только не может войти в рассмотрение тех форм управления, которые государство-истец нашло необходимым избрать, и основных законов этой власти, но то, что нет никакого интереса это делать, так как русское государство, каково бы ни было различие между его конституцией и конституцией Египта, вовсе не претендует на то, чтобы его судили по его собственным законам, а наоборот, подчиняет себя действию египетской юрисдикции.

Возражение ответчика могло бы остановить внимание суда, лишь если бы оно содержало в себе указание на то, что публично-правовой порядок в России исключает взаимность и что, таким образом, при существующем в настоящее время в России режиме оказалось невозможным для иностранца искать в русском суде при том условии, чтобы спор рассматривался на основании русского закона.

Однако, ответчик как будто не выдвигает такого соображения.

Ответчик говорит, правда, что создается «неравенство» положений между ним и истцом, так как эвентуальное исполнение решения, вынесенного в его пользу против русского государства, окажется невозможным в России. Однако, здесь речь идет об обычном неравенстве, часто встречающемся на практике, поскольку исполнение решения допускается обычно против государства.

Принимая во внимание, что судебное разбирательство ограничилось рассмотрением возражений, возбужденных ответчиком, и что нет оснований устанавливать срок для рассмотрения спора по существу, и что этот вопрос следует предоставить усмотрению сторон, суд находит, что иск подсуден местной египетской юрисдикции.

ПЕРСИЯ

ДЕЛО МЕШЕДИ НАМЕДИ ПРОТИВ МОР. АГЕНТСТВА КАСПИЙСКОГО ПАРОХОДСТВА.

Решение суда первой инстанции г. Гиляна от. 8 мая 1932 г.

«Рафаил Агабабов, действующий по доверенности Мешеди Ахмеда Надеми», ищет с Морского Агентства Каспийского Пароходства Совторгфлота 38.000 туманов, составляющих стоимость парусной шхуны «Москва» и арендную плату за пользование в течение нескольких лет этой шхуной. В обоснование своего иска он представляет заверенную копию купчей крепости, из которой явствует, что шхуна эта была перепродана б. собственником ее Кербалай Мамед Заде истцу.

Представитель ответчика сделал на судебном заседании заявление о том, что общество Совторгфлот организовано в 1926 году, между тем как предъявленные истцом документы относятся к к 1920 г. Далее заявил, что действия, имевшие место до учреждения этого общества, не имеют к нему никакого отношения и оно не несет за них ответственности.

Представленные истцом письменные объяснения были направлены судом на изучение. В результате их изучения суд приходит к следующим выводам:

Установлено, что шхуна, на оплату стоимости которой настаивает истец, была национализирована Правительством Советских Республик. Установлено также, что общество Совторгфлот не имеет никакого отношения к этой национализации. В представленной в суд в копии ноте от 21 марта 1928 года, ноте не подлежащей сомнению, совершенно точно указано, что шхуна была национализирована органами упомянутого выше Правительства и что Совторгфлот не может рассматриваться ответственным за действия, совершенные правительством в порядке осуществления им своего суверенитета. Во всяком случае истец не представил каких-либо доказательств того, что Совторгфлот несет ответственность за эти действия.

По изложенным соображениям суд признает иск необоснованным и отклоняет его».

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ДЕЛО О СОВЕТСКОМ ЗОЛОТЕ

(Иск «Банка Франции» против «Чейз Нейшенел Банк» и «Эквитебл Трест Компани»)

Впервые дело было заслушано в Окружном суде США Южного округа Н.-Йорка от 5 июня 1931 года [1]).

Сущность дела: В начале 1928 г. Государственный банк СССР отправил в США для расплаты по сделкам золото в слитках. Золото было депонировано у нью-йоркских банков «Чейз Нейшенел Банк» и «Эквитебл Трест К°».

«Банк Франции» вчинил иск, в котором доказывал, что золото принадлежит ему и что оно было до революции сдано им на хранение дореволюционному Государственному банку в Петербурге.

В решении окружного суда Н.-Йорка от 5 июня 1931 г. имеют большой принципиальный интерес рассуждения американского суда по второму вопросу (из трех поставленных перед судом), а именно — по вопросу об аргументах, «основанных на так наз. международном праве».

Судья нашел, что «Признание де-юре советского правительства республикой Франции передвинуло вопросы, связанные с этим процессом между Банком Франции и Советским Госбанком, который был частью советского правительства, из сферы судебного спора и перенесло их неизбежно в область дипломатии».

«Со времени признания новому русскому правительству стали присущи все те аттрибуты суверенитета, одним из обычным свойств которого является неподсудность правительства по искам третьих лиц».

Анализируя обмен нот между СССР и Францией, состоявшийся при возобновлении дипломатических отношений между СССР и Францией, судья приходит к следующему выводу.

«Независимо от того, как мы расцениваем основание иска, кото-

---

[1]) См. «Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам». М. А. Плоткина и В. Г. Блюменфельда в издании Ин-та монополии внешней торговли, стр. 57.

рый истец мог бы иметь в отношении России, — в отношении Русского Госбанка, считаем ли мы основанием такого иска право собственности или же договорное право, назовем ли мы его правом, приобретенным при прежней администрации, или же будем рассматривать его, как право, которое приобретено после 1914 г. против существующего Русского правительства, — независимо от всего этого, правильное истолкование ноты сводится к тому; что этот вопрос был бесспорно отложен до соглашения между обоими правительствами».

Переходя к вопросу об отношении суда к СССР, как государству, в связи с отсутствием между СССР и США дипломатических отношений, судья отмечает: «Хотя и не состоялось признание правительством Соединенных Штатов того, что было названо советским режимом, ни как правительство де-юре, ни как правительство де-факто, этот режим в действительности все-таки представляет собою правительство де-факто. И мы только прячем наши головы в песок, подобно, страусам, если мы не хотим признать этого». Перечислив целый ряд признаков, свидетельствующих о наличии государства, конституции и т. п., судья заключает, что: «Правительство России во всяком случае есть правительство де-факто и ряд судебных учреждений Американских Штатов нашли то же самое». Отсюда судья делает вывод, что «... Если акты, подобные тем, которые мы сейчас обсуждаем, произошли при администрации, которая составляет часть правительства, позднее признанного нашим правительством, или... если бы оказалось, что такие акты были совершены правительством, которое является только правительством де-факто и которое еще не пользуется признанием де-юре, то равным образом судебное учреждение С. Штатов не должно было считать их недействительными с точки зрения взаимных отношений между правительством де-факто и затронутыми в этих актах или этими актами лицами». Упомянутым решением суда в иске «Банка Франции» было отказано с возложением на истца издержек.

По апелляционной жалобе «Банка Франции» дело было вторично заслушано в Верховном суде штата Н.-Йорк. Решением В. Суда было утверждено решение Окружного суда от 5 июня 1931 г. В новом решении не приводится каких-либо новых принципиальных соображений. Оно остается, таким образом, целиком на базе решения Окружного суда, поскольку его аргументация не изменена или отменена.

Решение этой инстанции может быть обжаловано в федеральный суд С. Штатов лишь под углом зрения нарушений федеральной конституции, а не с точки зрения существа иска.

Жалоба в федеральный суд до издания настоящей книги не была подана.

ДЕЛО Б. СОБСТВЕННИКОВ НЕФТЯНЫХ ПРОМЫСЛОВ В БАКУ К СТАНДАРТ ВАКУУМ-ОЙЛЬ КОМПАНИИ

Решение апелляционного суда в Нью-Йорке. Февраль 1933 г. [1])

Судья Мерреллъ.

«Сущность дела сводится к следующему:

Иск вчинен 11 русскими акционерными компаниями, 1 русским товариществом и 6 русскими физическими лицами. Истцы утверждают, что они являются собственниками или арендаторами нефтяных промыслов, расположенных в России в Бакинском районе. В своем исковом заявлении они требуют от Стандарт-Ойля выплаты им стоимости нефти, которая по их утверждению, была добыта нынешним советским правительством на их промыслах и продана ответчику. Далее они утверждают, что в ноябре 1917 года все их имущество в России, состоящее из промыслов, строений, установок, оборудования, баков и нефтепроводов было незаконномерно захвачено указанным советским правительством на основании декрета о национализации или конфискации всех нефтеносных земель и нефтяной промышленности в России и, что означенное правительство с тех пор неправомерно, незаконно и в принудительном порядке удерживает и продолжает распоряжаться указанными землями, промыслами и пр. без согласия на то собственников и лиц законным образом управомоченных владеть ими, в том числе и истцов, при чем советское правительство добыло на принадлежащих истцам нефтеносных землях значительное количество нефти и продало ее ответчику. Истцы также утверждают, что ответчик приобрел и получил в Батуме или из Батумского порта «от советского правительства для себя значительное количество нефтяных продуктов, заведомо зная о правах истцов. Истцы требуют от ответчика отчета в купленной у советского правительства нефти и «возмещения каждому из истцов стоимости нефти, полученной ответчиком и добытой на принадлежащих истцам нефтяных промыслах».

Мы того мнения, что истцы по этому иску не приводят фактов, могущих послужить основанием для иска против ответчиков. Основания иска базируются на утверждении, что захват советским правительством собственности истцов на основании декретов о национализации, изданных советским правительством, был незаконным и подлежащим разбору в наших судах. Истцы обосновывали это утверждение тем, что существующее в России советское правительство никогда не было признано Соединенными Штатами.

Хотя и верно, что правительство Соединенных Штатов по причинам, которые ему кажутся достаточными, до сих пор не установило дипломатических отношений с существующим в России совет-

[1]) Решение вынесено до возобновления дипломатических отношений между СССР и США.

ским правительством и не признало это правительство, как правительство «de-jure», тем не менее оно признало существование «de-facto» русского советского правительства. Общеизвестен факт, что существующее в России правительство функционирует, как таковое, с ноября 1917 г.; издает и проводит в жизнь законы, управляющие русскими гражданами; поддерживает мир и порядок; заботится о национальной обороне; поддерживает международные сношения со многими другими государствами и все время выполняет все обязанности цивилизованного и упрочившегося правительства, способного заставить подчиняться своим законам и декретам, если необходимо, вооруженной силой. Один тот факт, что Соединенные Штаты не сделали шагов к признанию существующего в России правительства, не имеет никакого значения, поскольку речь идет о внутренних делах этой страны. В целом ряде решений наших судов прямо высказано, что существующее русское советское правительство является режимом, в настоящее время осуществляющим правительственные функции в русском государстве.

В деле французского банка против Эквитебль Треста судья Геддард заявил: «что имеется правительство в России, суверенное в пределах собственной территории, — это не может игнорироваться и отнюдь не игнорируется нашей собственной страной, хотя она и не признала этого правительства».

В деле Веренчика было выставлено утверждение, что некие свидетельства о рождении не соответствуют требованиям акта о вознаграждении рабочих, т. к. они удостоверены чиновниками Советской России, не признанной Соединенными Штатами Америки. Суд по этому делу признал удостоверение удовлетворительным заявив:

«Непризнание нынешнего русского правительства не должно повлечь за собой отклонение этого доказательства. Судами было признано, что в России фактически существует правительство, суверенное в пределах собственной территории (дело русского о-ва Перестрахования против Стодарта; дело русского правительства против Лехай Валей Р. К°; дело Вульфсона против Российской Республики)».

В деле русского О-ва Перестрахования против Стодарта, судья Леман заявил:

«Падение правительства и замена его другим правительством, ныне господствующим, способным поддерживать свои требования вооруженной силой, пользующимся повиновением со стороны народа, которым он правит, — должно глубоко затрагивать все акты и обязанности, все отношения тех, кто живет в пределах территории, которой правит новое правительство. Его правление может быть лишено законного основания, но все равно, законное или незаконное, — его существование является фактом, и этот факт не может быть уничтожен судебными рассуждениями».

Среди соображений, высказанных судьей Леманом, находилось и следующее:

«Русское государство управляется в настоящее время Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Это правительство там существует, оно обладает властью поддерживать свой авторитет в пределах своей собственной территории; ему повинуется народ, которым он управляет; оно способно осуществлять обязанности и выполнять обязательства независимой власти и может поддерживать свои требования вооруженной силой».

Чтобы мы ни стали говорить об особенностях и о справедливости изданных русским Советским правительством декретов о национализации, — эти декреты были изданы правительством де-факто этой страны, имеют там полную силу и обязательны для всех русских граждан.

Насколько мы могли усмотреть, нет ни одного решения нью-йоркских судов, в котором утверждалось бы, что декреты и законы советского правительства необязательны для русских граждан. Вопрос, здесь поставленный, касается силы декретов о национализации и советского закона о собственности русских граждан и о сделках, целиком совершенных в России. По нашему мнению, согласно прочно установленным началам международного права и в согласии с решениями наших судов, советские законы и декреты должны иметь внутреннюю силу в этой стране. Собственность, упоминаемая в этом иске, вся была расположена в России. Продажа и сдача нефти, в отношении которой истцы требуют отчета, была целиком совершена в России. Это была собственность русских граждан.

В деле Вульфсона против Российской республики, собственник пушнины, которая была арестована в России и конфискована советским правительством, подал иск о неправильном распоряжении (конвершен) этой пушниной. Было признано, что против советского правительства нельзя предъявлять исков в наших судах. Во вступлении к решению по данному делу указано, что русское советское правительство, «есть существующее де-факто правительство России, что таково заявление ответчика, что факт этот признан апелляционным отделением суда, как нечто всем известное и признанное самим истцом».

Далее, в решении апелляционного суда сказано:

«Поэтому спор об имуществе, хотя и расположенном в пределах юрисдикции наших судов, не подлежит рассмотрению, если результат зависит от оценки, какая должна быть дана акту какого-либо иностранного правительства».

И по тому же делу апелляционный суд говорит:

«К самому правительству предъявлен иск по поводу осуществления им своего суверенитета в пределах собственной территории со ссылкой на то, что если бы подобное действие было совершено каким-нибудь отдельным лицом, это было бы правонарушением с точки зрения наших местных законов. Делается заявление, что иск может рассматриваться по причине непризнания Соединенными Штатами. Нет связи между посылкой и выводами... Мы

имеем существующее правительство, суверенное в пределах собственной территории. Его юрисдикция по необходимости является исключительной и абсолютной. Она не подлежит никакому ограничению, которое оно само на себя не наложило. Это вытекает из его независимости. Можно согласиться с тем, что его акты должны соответствовать естественной справедливости. Однако, если они не таковы, то наши суды не компетентны ревизовать их».

Апелляционный суд утверждает далее, что признанное иностранное правительство не может быть привлечено к ответу без его согласия и что оно не подчинено нашим законам и что то же правило должно применяться и к непризнаному иностранному правительству, и в этой связи апелляционный суд заявляет:

«В обоих случаях руки государственного департамента были бы связаны. Поневоле он увидел бы себя вовлеченным в споры, которые он счел бы безрассудными. Это не надлежащий метод исправления ущерба, причиненного гражданину Соединенных Штатов. Вопрос этот политический и входит в компетенцию не судов, а другого департамента правительства. Всякий раз как акт, совершенный сувереном, как таковым, подвергается сомнениям, он делается предметом переговоров или репрессалий или войны».

В деле Российской республики против Чтбрарио апелляционный суд заявил:

«Кто является сувереном на данной территории, это вопрос политический. В данном случае, когда этот вопрос является предметом спора, суды обязаны решением, исходящим от этих департаментов (дело Джонса против САСШ; дело Лютера против Сегора). Не судам решать вопрос о том, должны или не должны быть признаны нынешние правительства России, Мексики или Великобритании. Они существуют или не существуют. Только такой вопрос можем мы разбирать».

Из дела Соколова против Нэшионал Сити Банк явствует, что утверждение, будто все акты и декреты непризнанного правительства не имеют никакой силы, не может быть поддержано.

Ни в одном из решений наших судов подсудность не была признана за исключением случаев, когда дело касалось какого-либо экстерриториального акта советского правительства, либо же договорных отношений с гражданами нашей страны. Ни в одном из напечатанных решений нью-йорских судов, насколько мы могли усмотреть, внутренняя сила законов и декретов, принятых советским правительством, не подвергалась оспариванию.

В данном деле перед нами поставлен вопрос о праве собственности на имущество русских граждан, целиком расположенного в России и отнятого в согласии с законами и декретами, изданными де-факто функционирующим в России правительством. Мы полагаем, что выходит за компетенцию наших судов отрицание действительности законов и декретов этого иностранного государства. Мы не можем сказать, что указанные декреты не подлежат там применению. Основное начало права гласит, что юрисдикция сущест-

вующего правительства, все равно признано ли оно или не признано нашей страной, является исключительной и абсолютной в пределах собственной территории.

У Витона, Международное право (6-е изд.), установлены следующие правила:

«Суверенитет—это высшая существующая в государстве власть, которой это государство управляется... Внутренний суверенитет государства ни в коей мере не зависит от его признания другими государствами. Новое только что возникшее государство не нуждается в признании других государств для подтверждения своего внутреннего суверенитета. Существование государства де-факто достаточно в этом отношении для установления его суверенитета де-юре. Оно — государство, ибо оно существует».

. . . . . .

Из всех вышеприведенных решений вытекает, что тот факт, было ли существование иностранного государства признано, или не признано нашей страной, не имеет большого значения, когда дело идет об исполнении или об осуществлении законов, входящих в иностранную юрисдикцию, и когда иностранное государство фактически существует и функционирует, как таковое, в пределах своих границ, — его законы должны иметь полную силу и действие. Поэтому наши суды некомпетентны объявить акт конфискации имущества истцов в согласии с русским законом, — актом грабежа, не порождающим в пользу правительства права на взятое им во владение на основании декретов этого правительства имущества истцов.

Мы, далее, того мнения, что истцы не могут установить, что на основании законов России, где произошли акты, на которые жалуется истцы, — эти акты являются подлежащими судебному рассмотрению правонарушениями. Этот иск имеет иностранное основание и должен регулироваться законом того иностранного государства, где произошли заявленные (истцами) незаконные акты. Разумеется, истцы не могли бы поддерживать настоящий иск в России. При существующих (там) законах захват имущества истцов советским правительством не является правонарушением, и если не возникло право на иск в том месте, где правонарушение, согласно заявлению, было совершено, то ни в каком другом государстве не может быть удовлетворен иск, основанный на таких правонарушительных актах...

. . . . . .

Со стороны истцов нет никакой попытки доказать, что какие-либо законы России запрещают ответчикам покупать и перевозить нефть, которую они покупали у советского правительства, или же, что имеются в России какие-либо законы, предписывающие ответчикам давать истцам тот отчет, которого те требуют. Очевидно, что истцы не могут сослаться на нарушение какого-либо закона России в деле продажи ответчикам нефти, о которой идет речь.

Русское императорское или царское правительство было нис-

провергнуто революцией, и в марте 1917 года было образовано так называемое Временное правительство России. Последнее в свою очередь было ниспровергнуто нынешним Советским правительством. Нынешнее правительство было сначала известно, как временное рабоче-крестьянское правительство РСФСР. Затем нынешнее Российское Советское Федеративное правительство образовалось путем союза десяти существующих советских социалистических республик. И режим русского императорского или царского правительства и режим временного правительства России, последовавший за первым, приказали долго жить и не имеют в настоящее время власти нигде в России. Наша страна признала Временное правительство России, а наш государственный департамент признал, что ни царского, ни Временного правительства нет и что они в настоящее время не имеют политического существования. В виду прекращения существования обоих предшествующих правительств, нынешнее правительство было признано судами нашего Штата, и никакое обязательство, созданное тем или иным из указанных (прекративших свое существование) правительств, не подлежит теперь принудительному исполнению [1]).

---

[1]) Приведенное решение было обжаловано в высшую судебную инстанцию штата Нью-Йорк, которая отклонила иск б. собственников и утвердила это решение своим постановлением от 12 июля 1933 г.

ШВЕЦИЯ

Г. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНК ПРОТИВ ГЕТЕБОРГСКОГО БАНКА

(Выписка из протокола Стокгольмского Ратгаузского суда от 10 декабря 1929 года)

I

«По данному делу в надлежащей мере выяснено, что истец, Русский Торгово-Промышленный Банк, основанный в России в 1889 году с местопребыванием центрального руководства банка, а именно его правления и наблюдательного совета в С.-Петербурге, вследствие 2-х изданных в этом городе декретов, одного — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом от 14 декабря 1917 г., другого — Советом Народных Комиссаров от 26 января 1918 года, согласно каковым декретам банковское дело в Российской Федеративной Советской Республике объявлялось государственной монополией и капитал частных банков конфисковался, и каковые декреты проводились в жизнь в России по мере того, как Советская Республика расширяла свою сферу власти в стране,— перенес согласно принятому его правлением и его наблюдательным советом решению свое местопребывание из С.-Петербурга в другие не находившиеся под властью Советской Республики города России, в один за другим, наконец, в Ялту в Крыму и что банк в 1920 году, наконец, был вынужден прекратить свою деятельность в России.

По этому делу также выяснено, что правление банка и его наблюдательный совет в заседании 21 января 1920 года в Ялте решили избрать местопребыванием банка Париж, где этот банк еще до начала мировой войны в 1914 г. основал свое отделение, куда он и был переведен, и что правление и наблюдательный совет после перевода в Париж продолжали руководство Отделением Банка и занимались банковской деятельностью во Франции, что банк властями данной страны был признан юридическим лицом и вел перед судебными инстанциями там дела, а также что переведенное в Париж правление являлось представителем банка перед властями и судебными инстанциями Франции.

Далее следует также признать по настоящему делу выясненным, что как утвержденный для этого банка устав продолжает

применяться в той мере, как только это допускается для банка изменившимися условиями, так и то обстоятельство, что функционирующие в настоящее время правление и наблюдательный совет банка состоят частью из лиц, которые были избраны членами правления и наблюдательного совета на последнем общем собрании акционеров 6 мая 1917 г. и которые на основании положений устава продолжают функционировать в качестве таковых, частью же также из лиц, которые этими членами на основании положений устава были избраны членами правления и наблюдательного совета.

На основании вышеприведенного, несмотря на прекращение деятельности банка в России, следует признать, что он продолжает существовать в качестве юридического лица и, следовательно, имеет право в Швеции выступать перед судебными инстанциями в качестве истца и ответчика.

А так как, согласно устава банка, доверенность последнего, чтобы иметь силу, должна быть подписана тремя членами правления; представленная же по данному делу доверенность, на которую ссылается банк, подписана тремя членами функционирующего ныне правления;

и банк, следовательно, по данному делу в настоящей мере представлен;

то Раттаузский Суд отклоняя возражение ответчика, Акционерного О-ва Гетеборгского Банка, находит правильным дальнейшее разбирательство дела и вменяет в обязанность ответчику отвечать перед судом.

С этим решением, выражавшим мнение, как председателя Ратмана. Плумон, так и гражданского ассесора Сандель, не был согласен Ратман Тротциг, который был особого мнения и заявил следующее:

«Ввиду того, что по настоящему делу выяснено, что банковское предприятие, основанное на акциях, носящее название Русский Торгово-Промышленный Банк, от имени которого адвокат Рихард Гандин предъявил иск, основано в России и, согласно действующих там постановлений, а при таких условиях этот банк следует считать находящимся в распоряжении русских государственных властей;

так как и по данному делу также выяснилось, что упомянутые власти постановили, что банковское дело является государственной монополией и что все частные акционерные банки должны быть соединены с Русским Государственным банком, к которому должны перейти актив и пассив подлежащих ликвидации предприятий, а также учредили известные коллегии для проведения в жизнь предписанной таким образом «национализации»;

и кроме того, вообще по данному делу выяснено, что те лица, доверенность которых Гандин приводит, как основу своего права пред'явить иск от имени банка, вследствие вышеприведенных по-

становлений русских государственных властей, не имеют права являться представителями банка;

в виду всего этого я нахожу, что все приведенное Гандином по данному делу, а также и его требования не могут рассматриваться судом;

а потому я вменяю в обязанность Гандину возместить Акционерному О-ву Гетеборгский Банк его расходы по данному делу в размере двухсот крон, и кроме того, то, что ответчик заплатил в виде сбора по протоколу Суда по данному делу».

II

Решение Королевского Гофгерихта Свеа по делу между русским Торгово-Промышленным Банком, с одной стороны, ниже именуемым Русским Банком, и Акционерным Обществом Гетеборгский Банк, ниже именуемый — Гетеборгским Банком, с другой стороны, 18 марта 1930 г.

«Ссылаясь на доверенность, выданную ему Я. Торгевским, Х. Валицким и В. Алевским от Русского Банка, адвокат Рихард Гандин, от имени последнего банка, после вывоза в Ратгаусский суд, потребовал, чтобы, ввиду того, что на счету вышеуказанного банка в Гетеборгском Банке находится сумма, вместе с процентами на 1 июля 1928 г., составляющая — 141.796 крон и 46 эре. Гетеборгский Банк был присуждон выплатить означенную сумму Русскому Банку, вместе с процентами из расчета 5% в год с 1 июля 1928 года по время выплаты.

Ввиду того, что Гетеборгский Банк, ссылаясь на прекращение существования Русского Банка и на то, что Гандин ни в каком случае не является правомочным преставлять означенный банк, оспаривал принятые дела на рассмотрение, то Ратгаузский суд, своем решении от 10 декабря 1928 года высказался следующим образом:

«По данному делу в надлежащей мере выяснено, что Русский Торгово-промышленный банк, основанный в Росссии в 1889 году с местопребыванием центрального руководства банка, а именно его правления и наблюдательного совета, в С.-Петербурге, вследствие 2-х изданных в этом городе декретов, одного — Всероссийским Центральным Исполнительным Комтетом от 14 декабря 1917 года, другого — Советом Народных Комиссаров от 26 января 1918 года, согласно каковым деркретам банковское дело в Российской Федеративной Советской Республике об'являлось государственной монополией и капитал частных банков конфисковался, и каковые декреты проводились в жизнь в России по мере того, как Советская Республика расширяла свою сферу власти в стране, — перенес согласно принятому его правлением и его наблюдательным советом решению свое местопребывание из С.-Петербурга в другие не находившиеся под властью Советской Рес-

публики города России в один за другим, наконец, в Ялту в Крыму и что банк в 1920 году, наконец, был вынужден прекратить свою деятельность в России.

По этому делу также выяснено, что правление банка и его наблюдательный совет в заседании 21 января 1920 года в Ялте решили избрать местопребыванием банка Париж, где этот банк еще до начала мировой войны в 1914 году основал свое отделение, куда он и был переведен, и что правление и наблюдательный совет после перевода в Париж продолжали руководство отделением Банка и занимались банковской деятельностью во Франции, что банк властями данной страны был признан юридическим лицом и вел перед судебными инстанциями там дела, а также, что переведенное в Париж правление являлось представителем банка перед властями и судебными инстанциями Франции.

Далее следует также признать по настоящему делу выясненным, что как утвержденный для этого банка устав продолжает применяться в той мере, как только это допускается для банка изменившимися условиями, так и то обстоятельство, что функционирующие в настоящее время правление и наблюдательный совет банка состоят частью из лиц, которые были избраны членами правления и наблюдательного совета на последнем общем собрании акционеров 6 мая 1917 года и которые на основании положений устава продолжают функционировать в качестве таковых, частью же также из лиц, которые этими членами на основании положений устава были избраны членами правления и наблюдательного совета.

На основании вышеприведенного, несмотря на прекращение деятельности банка в России, следует признать, что он продолжает существовать в качестве юридического лица, и, следовательно, имеет право в Швеции выступать перед судебными инстанциями в качестве истца и ответчика.

А так как согласно устава банка доверенность последнего, чтобы иметь силу, должна быть подписана тремя членами правления, представленная же по данному делу доверенность, на которую ссылается банк, подписана тремя членами функционирующего ныне правления;

и банк, следовательно, по данному делу в настоящей мере представлен,

то Ратгаузский суд, отклоняя возражения ответчика Акционерного Общества Гетеборгский Банк, находит правильным дальнейшее разбирательство дела и вменяет в обязанность ответчику отвечать перед судом».

«Ратгаузский суд, к которому обе стороны обратились с требованием о возмещении судебных издержек, затем в своем постановлении высказал следующее:

«Ввиду того, что Гетеборгский Банк признал, что он в результате операций, которые он имел с Русским Торгово-Промышленным Банком по местонахождению в С.-Петербурге, согласно к делу при-

соединенного контокоррентно, является должным уплатить названному Русскому Банку сумму, на 1 июля 1928 года, достигающую 141.796 крон и 45 эре, а также ввиду того, что из разбирательства дела явствует, что Русский Торгово-Промышленный Банк, по местонахождению в Париже, продолжавший деятельность, ведущуюся ранее Русским Банком во время пребывания в России, является носителем прав русского банка — то Ратгаузский суд нашел справедливым обязать Гетеборгский Банк, привлеченный к суду по этому делу 21 июня 1928 года, выдать немедленно Русскому Торгово-Промышленному Банку, находящемуся в Париже, под расписку сумму из расчета 5% годовых с 1 июля 1928 года до времени выплаты. Ввиду обстоятельств дела обе стороны должны будут каждая уплатить свои судебные издержки.

Обе стороны апеллировали об изменении решения Ратгаусского суда. Гетеборгский Банк добивается изменения решения Ратгаузского суда от 10 декабря 1928 года. От обеих сторон также поступило требование о возмещении связанных с настоящим делом судебных издержек.

Королевский Гофгерихт рассмотрел относящиеся к данному делу обстоятельства.

Гофгерихт находит установленным по данному делу, что Торгевский, Валицкий и Алевский являются правомочными сообща представлять признанное во Франции, как юридическое лицо, и там действующее предприятие по имени Русский Торгово-Промышленный Банк и постановляет вследствие этого законно утвердить решение, которое принял Ратгаузский суд в своем постановлении от 10 декабря 1928 года.

Что касается сущности дела, то Гофгерихт находит, что упомянутые выше изданные русскими властями 14 декабря 1917 г. и 26 января 1918 года декреты, которые, нужно предположить, были проведены полностью в России, заключают в себе упразднение всех до того существовавших русских банковых акционерных обществ, и, следовательно, и упомянутого в настоящем деле, основанного в России, банкового Акционерного Общества «Русский Торгово-Промышленный Банк», а также, что настоящее предприятие, как русское общество, вследствие этого не может рассматриваться далее здесь в Швеции в качестве такового.

Напротив, поскольку упомянутые декреты предусматривают, что имущество банковых Акционерных Обществ об'явлено русской государственной собственностью, и также предусматривают ликвидацию банковых акционерных обществ для упомянутой цели, то их действие не может быть признанным простирающимся на имущество, находящееся вне пределов русской территории и, следовательно, и в отношении этого имущества должна иметь место отдельная ликвидация. Поэтому с этой целью согласно существующих в Швеции правовых норм, означенное имущество должно быть взято в управление для передачи надлежащему правому собственнику.

Из рассмотрения дела явствует, что действующее во Франции предприятие Русский Торгово-Промышленный Банк, о происхождении которого в связи с прекращением существования русского банка подробнее указывается в решении Раттаузского суда и каковое предприятие, как было установлено, взяло на себя блюсти интересы вышеозначенного банка вне пределов России, — управляет разным принадлежащим банку имуществом и старается удовлетворять его старые заграничные обязательства, а также таким образом действует между прочим по ликвидации прежней деятельности русского банка вне пределов России.

На основании этого и так как, поскольку явствует, что другого управителя имущества, о котором идет речь, упраздненного банка не имеется, то Королевский Гофгерихт считает справедливым утвердить решение Раттаузского суда в этой части дела.

Что же касается издержек по данному делу при Раттаузском суде, то Королевский Гофгерихт не находит оснований к изменению в этом отношении решения Раттаузского суда.

Обе стороны должны нести самостоятельно каждая свои судебные издержки по настоящему делу».

ФРАНЦИЯ

ДЕЛО ШНЕЙДЕР И К° ПРОТИВ ЖОДОНА

Решение Парижской палаты от 24 марта 1933 г.[1]

«Шнейдер и К° заключили в 1917 году договор с российским императорским правительством о поставке артиллерийского снаряжения.

В виде аванса по этой поставке Шнейдер и К° получили от указанного правительства 20 428.600 франков.

Во исполнение этой поставки общество успело изготовить снаряжения на бесспорную сумму в 16.158 400 франков. Затем общество по распоряжению французского правительства, ввиду русской революции, прекратило производство и поставку этого снаряжения России.

К этому моменту общество являлось дебитором российского императорского правительства на сумму в 4.270.200 франков.

На основании определения г. Председателя Гражданского Трибунала Сены, вынесенного по предложению прокуратуры 22 октября 1922 г., Жодон был назначен временным администратором над всеми правами, имуществами и интересами, зарегистрированными или управляемыми Русской ликвидационной комиссией или известными ей и иными того же происхождения и характера, которые остались без надзора в силу революционных обстоятельств, причем Жодон получил в силу этого определения самые широкие полномочия в целях обеспечения сохранности и управления указанными имуществами.

Судебное решение, которое Шнейдер и К° обжаловали в апелляционном порядке, определяет, что общество должно передать сумму в 4.207.200 франков плюс проценты, исходя из 5% со дня платежа Жодону, который наложит на нее секвестр за счет того, кому она причитается, с вычетом расходов, ответственность за которые несет в отношении этой поставки российское правительство.

Шнейдер и К° утверждает что правомочия администратора по секвестру, которые предоставлены Жодону, не находят обоснования ни в одном из действующих законов.

---

[1]) В тот же день палатой было вынесено четыре аналогичных решения по другим таким же делам.

На этом основании они просят отказать ему в праве на иск, поскольку для этого отсутствует необходимый юридический титул.

Определение, которым Жодон назначен администратором по секвестру, вынесено по инициативе прокуратуры.

В гражданских делах, в силу ст. 46 закона от 20 апреля 1810 г. прокуратура действует ex officio в случаях, предусмотренных законом и при обстоятельствах, когда публичная власть непосредственно заинтересована.

Права прокуратуры в данном случае вытекают из факта признания де-юре Правительства СССР Французским Правительством в том виде, в каком это признание имело место в дипломатическом соглашении от 28/29 октября 1924 г.

Французское Правительство заявило, что оно признает Правительство СССР в качестве правопреемника предшествующих русских правительств, однако, в то же время между обоими правительствами было условлено, что впредь до благополучного исхода этих переговоров договоры, конвенции и соглашения, существовавшие между Францией и французскими гражданами и Россией, не должны иметь силы; правовые взаимоотношения между русскими и французами, возникшие до установления советской власти, продолжают регулироваться теми же нормами; равным образом будет отсрочена ликвидация расчетов между обоими государствами, причем все меры охранительного порядка во Франции или уже приняты или будут приняты.

Эта оговорка была принята Советским Правительством, и договоренность обоих правительств по всем пунктам, предусмотренным в обмене телеграммами от 28/29 октября 1924 г. составляет международное соглашение, заключенное Французским Правительством на основании тех конституционных прав, которыми оно обладает, соглашение, которое надлежит уважать на тех же основаниях, что и закон.

Выражения, которыми в этом соглашении оговаривается право французского Правительства принять охранительные меры, носят общий и категорический характер.

Правительство СССР не заявляет претензии на суммы, причитавшиеся бывшему российскому государству, место которого оно заступило.

В частности это правительство не заявило какого-либо требования на суммы, причитающиеся с Шнейдер и К°.

Если бы дебиторы б. российского государства и собирались бы погасить свои обязательства, они не знали бы куда обратиться, чтобы сделать соответствующий платеж.

Таким образом, имущество б. российского государства, часть которого составляет и настоящей долг Шнейдер и К°, находится во Франции без надзора, и публичная власть заинтересована в том,

чтобы были приняты и сохранены в силе все меры, которые будут способствовать охране прав и интересов, о которых идет речь.

Задача, возложенная на Жодона определением от 22 октября 1922 г. составляет именно одну из этих мер.

Поскольку речь идет о правах и интересах, которые французское Правительство обязалось на основании международного соглашения сохранить, постольку эта сохранность может быть обеспечена и сделаться эффективной лишь в результате вмешательства прокуратуры, каковая только и имеет право действовать, когда на карту поставлены интересы публичной власти.

Таким образом, вмешательство это прямо предусмотрено самим соглашением 28/29 октября 1924 г.

Соглашение это имеет ту же силу, что и закон и служит юридической базой для того поручения, которое дано Жодону.

Шнейдер и К° противопоставляют требованию Жодона встречное требование, основанное на претензиях, которые они могли бы иметь против русского государства, не делая при этом различия между претензиями, которые относились бы к бывшему императорскому правительству и претензиями, относящимися к Правительству СССР.

Что касается первых, то обжалуемое судебное решение их право предусмотрело.

Что касается Правительства СССР, то они заявляют претензию на крупную сумму, составляющую стоимость, изъятых у них в порядке национализации, декретированной этим правительством, имуществ, ценных бумаг и пр.

Однако, Жодон не представляет Правительство СССР. Он лишь представитель правосудия, действующий в интересах публичной власти, которой не могут быть противопоставлены возражения, сформулированные против третьей стороны, не участвующей в данной судебной инстанции.

В силу п. 7 договора, заключенного между Шнейдером и К° и российским императорским правительством последнее имело право требовать возврата выданных авансов в размерах, соответствующих стоимости недополученных к 15 июня 1919 г. плюс проценты, исходя из 5% годовых со дня выдачи аванса, причем эти авансовые суммы подлежали возвращению в течение 15 дней со дня письменного предупреждения об этом Шнейдер и К° российским военным атташе во Франции.

Со стороны б. российского правительства такого требования не последовало.

Таким образом, Шнейдер и К° обязаны платить проценты лишь со дня пред'явления иска Жодоном.

Исходя из указанных соображений, Палата подтверждает решение первой инстанции и об'являет отклоненной жалобу Шнейдер и К°, как не обоснованную, присуждая общество к уплате судебных издержек».

ДЕЛО ГЕРЦФЕЛЬДА ПРОТИВ «РУССКОГО ГОСУДАРСТВА»

Решение кассационного суда во Франции от 11 апреля 1933 г.

«Решением высшей инстанции английского суда по отделу королевской скамьи от 28 мая 1925 года русское общество «Доброфлот» было присуждено к уплате Герцфельду 9.140 ф. ст. в основном и 1.276 ф. ст. в качестве процентов. Герцфельд возбудил перед трибуналом Сены иск против «Доброфлота» и СССР о признании исполнительной силы за этим решением как в отношении СССР, так и «Доброфлота», причем Парижская палата выдала экзекватуру против общества «Доброфлот» и отказалась выдать таковую против СССР.

Согласно кассационной жалобы экзекватура должна быть выдана и против СССР, поскольку последний является универсальным правопреемником общества «Доброфлот» которое он поглотил, чей актив он принял и в соответствии с чем за чей пассив он должен отвечать.

Однако, обжалуемое решение справедливо определяет, что эта претензия подлежала бы рассмотрению в основной инстанции, перед которой был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности русского государства и не может быть предметом рассмотрения в инстанции, которая занимается лишь рассмотрением вопроса о выдаче экзекватуры по иностранному судебному решению, в котором СССР никогда не фигурировал.

И, действительно, французские судьи, перед которыми возбуждено ходатайство о выдаче экзекватуры по иностранному судебному решению, неправомочны разрешать какие-либо споры между сторонами. Они должны ограничиться лишь выдачей экзекватуры. Если допустить, что они имеют право входить в рассмотрение решения по существу, то это рассмотрение допускает лишь выдачу или невыдачу экзекватуры, при этом они неправомочны что-либо добавить к тому решению, которое было вынесено, но не принимать решения по вопросу о том, была ли или не была присужденная сторона поглощена другой, обязанной принять решение к исполнению.

Из изложенного следует, что протест необоснован. По этим соображениям кассационная жалоба отклоняется».

ДЕЛО ГЕРЦФЕЛЬДА [1])

Решение гражданского трибунала Сены от 9 X 1933 г.

«Постановлением от 19 февраля 1931 г. парижский апелляционный суд признал подлежащим исполнению во Франции решение,

[1]) См. «Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам» М. А. Плоткина и В. Г. Блюменфельда. Внешторгиздат, 1932, стр. 83.

вынесенное 28 мая 1925 г. высшим английским судом по отделению королевской скамьи в пользу Гарри Герцфельда против русского о-ва «Доброфлот». Это постановление отменило решение гражданского трибунала Сены в части признания английского судебного решения, имеющим исполнительную силу в отношении русского государства в лице Народного Комиссара Внешней Торговли.

Иностранное решение присуждает «Доброфлот» к платежу Герцфельду основной суммы в 9.140 ф. ст. и 1.276 ф. ст. в качестве проц. 28 октября 1931 г. Герцфельд через парижского судебного исполнителя вчинил иск в гражданском трибунале Сены против Союза Советских Социалистических Республик. В своем исковом заявлении он просит: 1) признать, что СССР подменил собою «Доброфлот» и отвечает за долги последнего, 2) присудить СССР к уплате сумм, причитающихся истцу от «Доброфлота» — во исполнение английского решения с начислением проц., начиная с 28 мая 1925 г., т. е. даты этого решения.

Ввиду того, что истец скончался во время судебного производства, Бруно Герцфельд — его универсальный правопреемник, именующий себя русским беженцем без гражданства и проживающий в Стокельсдорфе (Германия), заявил о том, что он выступит в этом процессе вместо Гарри Герцфельда, что и было признано определением 25 апреля 1933 г.

В связи с извещением Гарри Герцфельда СССР возбудил перед судом вопрос о неподсудности, ссылаясь на свое качество суверенного государства.

Герцфельд прежде всего оспаривает, что СССР может претендовать в данном деле на неподсудность, так как по его словам, это иностранное государство в предшествующей судебной инстанции, в которой стоял вопрос об экзекватуре, отказалось ссылаться на свой судебный иммунитет.

Однако, вопрос об экзекватуре получил свое окончательное разрешение в определении апелляционного суда от 19 февраля 1931 г. В противоречие с тем, что доказывает Бруно Герцфельд, не существует какой-либо связи между той судебной процедурой, которая имеет место в настоящее время в первой инстанции, и апелляционной инстанцией, в которой судебное разбирательство закончилось за несколько месяцев до вчинения настоящего иска. Если и может создаться впечатление, что юридическая сторона обоих исков одна и та же, тем не менее мотивы, выдвинутые защитой, должны быть рассмотрены лишь в рамках настоящей инстанции, без какой-либо связи с какой-либо предшествующей инстанцией, в которой вопрос получил окончательное разрешение

К тому же, судебный иммунитет, основанный на независимости и суверенитете государства, является принципом международного публично-правового порядка, и, в соответствии с этим, отказ от использования этого иммунитета может для государства вытекать

лишь из определенного и правильного акта, чего в данном случае не имеется.

Резюмируя, необходимо признать, что Бруно Герцфельд не имеет основания утверждать, что отвод о неподсудности, заявленный СССР, необоснован.

Для того, чтобы оспорить принцип о судебном иммунитете, Б. Герцфельд должен был бы доказать, что СССР имеет обязательства в отношении Г. Герцфельда и что в момент принятия на себя этих обязательств русское государство отказалось совершенно определенным образом от этого иммунитета; либо что в силу коммерческого характера сделки принцип иммунитета не может получить применения в данном деле.

Однако, из решения английского суда вытекает, что 24 декабря 1920 г. в Стамбуле (Турции) между Гарри Герцфельдом, в то время русским гражданином, и двумя администраторами о-ва «Доброфлот» был заключен договор фрахтования п/х «Владимир», принадлежащего этому о-ву, и что в результате невыполнения этого договора «Доброфлот», являющийся единственным ответчиком по иску, вчиненному перед британской юрисдикцией, был присужден к уплате Гарри Герцфельду 9.140 ф. ст. с процентами.

Повидимому, для обоснования компетентности французских судов Г. Герцфельд не ссылается на этот первоначальный договор, заключенный вне французской территории и между лицами, из которых ни одно не обладало французской национальностью, но ссылается на соглашение, состоявшееся 20 сентября 1922 г между представителями обоих правлений «Доброфлота».

И действительно, в указанную дату некий Князев, проживающий в Париже и присвоивший себе звание председателя правления «Доброфлота», заключил от имени так наз. «парижского правления» соглашение с неким Ржевусским, именующим себя членом «московского правления» «Доброфлота».

В этом соглашении, перевод которого фигурирует на судебном заседании, не указано место, где оно заключено. Но из того факта, что оно составлено на английском языке и в качестве свидетелей скреплено стенографами Делле и Кенна, проживающими на Линденхолстрит без указания города, можно сделать вывод, что оно заключено в Англии, причем вряд ли в Лондоне. Если даже и оставить в стороне вопрос о неподсудности по титулу иностранного гражданства сторон, то не безынтересно констатировать, что и это второе соглашение было заключено за границей между лицами иностранного гражданства.

В силу этого соглашения — если допустить, что оно аутентично — г. Князев, представитель «Парижского Правления» взял на себя перед г. Ржевусским, представителем «Московского Правления» обязательство передать последнему все имущество Русского добровольного флота («Доброфлота»), расположенное вне России и все права, которыми обладало «Парижское Правление» на условиях и в порядке, специально предусмотренных. Параграф 3 (абзац

А) этого соглашения устанавливал, что специальный представитель, назначенный по обоюдному соглашению Парижского и Московского правлений, будет уполномочен в первую очередь «уплатить все бесспорные долги и обязательства «Доброфлота», которые касаются его зарубежного имущества и возникшие в момент существования Парижского Правления и являющиеся результатом управления последним зарубежным имуществом «Доброфлота» за исключением дальневосточного имущества».

В этом документе указывается что «Московское Правление управомочено на основании декрета СНК СССР от 11 января 1922 года собирать имущества «Доброфлота» где бы таковое ни находилось».

Однако, из текста соглашения от 30 сентября 1922 г. отнюдь не вытекает, что СССР выступало стороной в нем. Означенное государство фигурирует в нем лишь в качестве лица, выдавшего в административном порядке «Московскому Правлению» разрешение на собирание имущества и что, таким образом, юридически СССР не тождественен с «Доброфлотом» в отношении прав и обязательств последнего. Резюмируя и пользуясь выражениями истца надлежит сделать вывод, что ничто не устанавливает, что «Доброфлот» нового режима», который заменил «Доброфлот» старого режима» является какой-либо эманацией СССР. В соответствии с этим Герцфельд не имеет оснований оспаривать, ссылаясь на договорные обязательства вытекающие для русского государства из соглашения 30 сентября 1922 года, отвод о неподсудности последнего данной юрисдикции.

Герцфельд кроме того утверждает, что поскольку русское государство национализировало 26 января 1918 года все судоходные предприятия и, таким образом, захватило актив «Доброфлота» постольку оно должно отвечать по долгам последнего, сделавшись по отношению к «Доброфлоту» — по выражению истца — его универсальным правопреемником.

Однако, в своих объяснениях СССР не признавал и не оспаривал этой национализации. Если даже допустить, что эта национализация имела место, то мы здесь имеем дело с действием публичной власти, осуществленной суверенным государством, мерой, на которую компетенция французских судов не распространяется.

Надлежит констатировать, что, с одной стороны, Доброфлот не является французским обществом и что, с другой стороны, СССР в данном деле вовсе не претендует на то, чтобы обеспечить во Франции исполнение этой меры (национализации), каковая в этом случае могла бы быть признанной нарушающей французский публично-правовой порядок. СССР ограничивается справедливым утверждением, что национализация не является коммерческим действием, которое сделало бы это государство подсудным иностранной юрисдикции.

По всем изложенным мотивам, отвод о неподсудности, заявлен-

ный СССР, надлежит признать обоснованным и отклонить все субсидиарные возражения Герцфельда.

Ввиду изложенного суд

признает за Бруно Герцфельдом право на возобновление судебного спора в качестве правопреемника Гарри Герцфельда.

Считает обоснованным отвод о неподсудности, заявленный СССР и признает свою некомпетентность.

Предоставляет Б. Герцфельду право обжаловать в установленном порядке настоящее решение и присуждает его к судебным издержкам по данной судебной процедуре» [1]).

ДЕЛО КУЛЬС ПРОТИВ БЕССЕЛЬ [2]).

Решение Парижского апелляционного суда от 12 декабря 1931 г. (9-я камера).

«Суд вынося решение по апелляции бр. Бессель на приговор, вынесенный заочно 10 декабря 1930 года.

Принимает эту апелляцию к рассмотрению и по существу ее постановляет следующее:

Принимая во внимание, что тщетно Василий и Александр Бессель заявляют о том, что им принадлежит исключительное право на оперу «Борис Годунов» — произведение русского композитора Модеста Мусоргского и, исходя из этого, упрекают судей первой инстанции в том, что они объявили Кульса невиновным в деликте контрафакции и ввозе во Францию произведения, подвергшего-

---

[1]) Решение это обжаловано Герцфельдом.

[2]) Бр. Бессель, б. собственники дореволюционного музыкального издательства в России, прилекли к уголовной ответственности гр-на Кульса по обвинению в контрафакции, выразившейся в распространении во Франции партитуры оперы Мусоргского «Борис Годунов».

Иск был вчинен в исправительном трибунале департамента Сены, который решением от 20 декабря 1929 г. отверг выдвинутое против Кульса обвинение в контрафакции и объявил, что истец не обосновал своего обвинения. Значение этого решения, в силу которого французский суд признал, что «действующая в СССР регламентация литературной и художественной собственности не находится в коллизии с публичным порядком Франции» было ослаблено решением гражданского суда департамента Сены по делу бр. Бессель против О-ва французских драматургов и композиторов от декабря 1930 г. По этому делу Бессель требовали, чтобы О-во было присуждено к регулярной выплате им поспектакльного вознаграждения за постановку произведений Мусоргского и Римского-Корсакова. Суд признал, что советский закон от 26 ноября 1918 г. «объявляющий произведения Мусоргского, Римского-Корсакова и других достоянием русского государства, собственностью, национализированной без всякого возмещения... находится в противоречии с французским публичным и социальным порядком». Суд присудил О-во драматургов и композиторов к уплате бр. Бессель авторского вознаграждения.

Решение исправительного трибунала д-та Сены от 20 декабря 1929 года было обжаловано бр. Бессель в парижский апелляционный суд (9-ая камера), который 12 декабря 1931 г., отклонивши жалобу, вынес решение, приведенное в настоящем сборнике.

ся контрафакции, деликтах, предусмотренных и караемых ст. ст. 2 и 3 декретов от 28 и 30 марта 1852 года и 425 и 426 Уг. Код.

Принимая во внимание, что в действительности Василий и Александр Бессель не представили никакого серьезного обоснования своих прав; что они не представили текстов соглашений, которые были заключены 31 января 1874 года между Мусоргским и Василием Бесселем — их дедом; что они ссылаются лишь на выписку из документа, составленного в С.-Петербурге 8 февраля 1913 г., копия которого депонирована у парижского нотариуса Шевана 4 июня, следующего содержания:

«Выписка из договора, заключенного между Василием Васильевичем Бесселем, владельцем т/д «Вильям Бессель и К°», и музыкальным композитором Модестом Петровичем Мусоргским 31 января 1874 года; § 3: — Я, Мусоргский, сохраняю за собой исключительные авторские права в пределах России и я, Бессель, приобретаю издательские права для всех стран для т/д «В. Бессель и К°», § 4: в случае исполнения оперы... Я, нижеподписавшийся Павел Федоровский, публичный нотариус при с.-петербургской бирже, подтверждаю, что надпись и подписи на русском языке означают, что эта выписка соответствует оригиналу.

Иван Васильевич Бессель, статский советник, владелец торгового дома «Бессель», и кроме того, я удостоверяю, что эта надпись и подписи сделаны в моем присутствии Иваном Васильевичем Бессель... согласно нотариального реестра № 371».

Принимая во внимание, что эта выписка содержит лишь заявления, исходящие от самого Ивана Бесселя и ограничивается лишь двумя отдельными параграфами — 3-м и 4-м — взятыми наугад из договора для целей специального дела и в личных интересах в то время, как он, Бессель, имея в своем распоряжении подлинный договор, не нашел тем не менее возможным сообщить его содержание, и что текст их (§§) не засвидетельствован в качестве достоверного нотариусом.

Принимая во внимание, что второй документ от 7 мая 1913 года, составленный на 3 месяца позже, которым тот же нотариус Федоровский удостоверяет, что «выписки на русском языке из договоров, заключенных между М. Мусоргским и В. В. Бессель — владельцем Торгового Дома «В. Бессель и К°» 31 января 1874 года, касающиеся оперы «Борис Годунов», ст. ст. 3 и 4...» и др. перечисленные в дальнейшем, соответствуют договорам, кои ему представлены, но относятся исключительно к «документам, перевод которых удостоверяется им 18 января 1913 года и 26 апреля 1913 года, согласно нотариальной книге под регистровыми номерами 156—1039 и 1040», а отнюдь не к представленной выписке, перевод которой удостоверяется 8 февраля за реестровым № 371.

Принимая во внимание, таким образом, что суд не имеет возможности оценить как по существу, так и по форме действитель-

ность соглашений, на которые ссылаются, с точки зрения требований русского закона, и высказаться определенно по вопросу о природе, пределах и сроках уступленных прав.

Принимая во внимание, что бр. Бессель представляют в первый раз в суд третий документ от 26 июня 1913 года, из которого явствует, что тот же нотариус Федоровский удостоверяет, что «г. Иван Бессель, статский советник, владелец торгового дома «В. Бессель и К°» является единственным собственником музыки, слов и либретто следующих опер: Мусоргский «Борис Годунов» и др...» на основании договоров, представленных ему в подлиннике.

Но, принимая во внимание, что этот документ, с точки зрения участия в нем официального лица, каковым является нотариус, представляет собой лишь личное подтверждение и толкование им представленных ему договоров, что тем более в данном случае не имеет силы, что сделано это было в тот период, когда г. Ивану Бессель для обоснования своих прав достаточно было лишь предъявить самые договоры — либо в подлиннике, либо в дубликатах, либо в копиях, так как цель, которой он добивался, казалась необычной и двусмысленной.

Принимая во внимание, в соответствии с этим, что поскольку бр. Бессель не установили, в силу определенного титула, своих прав на оперу Мусоргского «Борис Годунов», их иск в том виде, в каком он заявлен, подлежит отклонению.

По этим мотивам, каковые не противоречат выводам судей первой инстанции, суд находит, что бр. Бессель не обосновали своей апелляции, и оставляет таковую без последствий; подтверждает целиком и полностью решение первой инстанции, отменяет арест, наложенный полицейским комиссаром на экземпляры партитуры оперы «Борис Годунов», находившиеся в магазине «Эшиг и К°» и присуждает бр. Бессель к судебным издержкам».

ДЕЛО ШАЛЯПИНА ПРОТИВ СССР, БРЕННЕРА и К°

Дело впервые слушалось в коммерческом трибунале департамента Сены 9 февраля 1931 г.[1]).

Сущность дела: В 1931 г. фирма Бреннер в своем магазине в Париже продала несколько экземпляров книги Шаляпина «Страницы моей жизни» (издание «Прибой» Ленинград). Экземпляры были куплены Бреннером у а/о «Международная Книга». Шаляпин вчинил иск к советскому государству, «торгующему в лице Торгпредства», и к фирме Бреннер по обвинению в контрафакции и нанесению ему ущерба. Все это оценивалось Шаляпиным в круглую сумму в 2 млн. фр.

В решении суда имеет принципиальный интерес та часть его, которая относится к рассмотрению заявленного Торгпредством СССР отвода о неподсудности. Как и в деле Нефтесиндиката, суд,

[1]) См. решение, помещенное в сб. Плоткина М. А. и В. Г. Блюменфельда на стр. 80, изд. И-та монополии внешней торговли.

искусственно сопоставляя функции Торгпредства, как органа монополии внешней торговли, и коммерческие операции «Международной Книги», приходит к тому выводу, что Торгпредство и «Международная Книга» находятся в организационной коммерческой связи и что Торгпредство осуществляя коммерческие функции, отвечает за действия «Международной Книги». «На коммерческие же сделки по экспорту принцип суверенитета государства не распространяется, прежде всего в силу добровольного отказа от него. Не может быть и речи о приравнивании этих операций к актам государства, как такового, действующего в пределах осуществления правительственных прерогатив».

Суд присудил в пользу Шаляпина лишь 10.000 фр. солидарно с Торгпредства, «Международной Книги» и Бреннера. В настоящем деле, таким образом, не материальная сторона дела служила основанием для обжалования Торгпредством решения, а неправильное принципиальное решение суда по вопросу о статусе и об ответственности Торгпредства.

В решении Парижского апелляционного суда от 28 июля 1932 г. были подтверждены в основном выводы коммерческого трибунала д-та Сены от 9 февраля 1931 г. [1]).

Оставляя в стороне детальный разбор судом фактических обстоятельств дела, процитируем лишь те части решения, которые касаются принципиальных вопросов. упомянутых выше.

«...Издательство «Прибой» является русским государственным издательством. как это указано в заголовке издаваемых им книг и как это вытекает из постановления от 19 декабря, в силу которого это изд-во сливается с Госиздатом РСФСР. Вопрос этот совершенно бесспорен. Речь. идет, таким образом, об издании, выпущенном государственной типографией.

Изданные в России экземпляры «Страницы моей жизни» ввезены во Францию и проданы третьим лицам издательством Бреннер. которое получило их от государственной организации, коей поручен ввоз и вывоз печатных произведений.

Внешняя торговля в России социализирована и монополизирована по смыслу ст. 17 русского гражданского кодекса.

Об-во Бреннер, получая какую-либо книгу из русских книжных хранилищ, должно было вступить в контакт с коммерческими организациями советских республик.

Лицо, входящее в состав Торгового Представительства СССР в Париже. которому поручено осуществлять контроль и наблюдение за книжными операциями, является, таким образом, ответственным за все коммерческие сделки, происходящие во Франции в этой области.

Совершенно бесспорно, что экземпляр издания «Страницы моей жизни», являющиеся контрафакцией и не переданные Бренне-

---

[1]) См. сборник судебн. решений М. В. Плоткина и М. Блюменфельца в изд. Ин-та монополии внешней торговли, стр. «80».

ру и К°, исходили от русского коммерческого предприятия, — осуществляющего торговлю книгами за границей, корреспондентом которого в Париже является, как это указано в циркуляре от 11 февраля 1929 г. № 26, Торговое Представительство СССР во Франции».

«...Инкриминируемые Шаляпиным Торгпредству действия ни в какой степени не вытекают, как это правильно нашли судьи первой инстанции, из действий суверенной власти Российского государства и являются коммерческими действиями, подсудными французской юрисдикции...».

«...А'о «Международная Книга» является отделением Госиздата РСФСР...»

«...Изданные без разрешения Шаляпина изд-вом «Прибой» экземпляры были отправлены Бреннеру непосредственно организацией «Международная Книга», которая является своего рода конторой для осуществления монополии внешней торговли в области книжного дела в России и корреспондентом которой во Франции является торговый представитель Советов...».

«...Суд находит, что экземпляры произведения Шаляпина под названием «Страницы моей жизни», на которые автор сохранил все свои права с точки зрения русского права, явились предметом контрафакции в России со стороны государственной организации Русского государства, коей поручено осуществление экспорта книг в коммерческих интересах...»

«...Суд находит, что Торговое Представительство СССР в Париже, представляющее эту организацию, ответственно за ущерб, вытекающий из его действий, в том, что касается произведений, ввезенных во Францию...»

«...Суд находит, что Торговое Представительство СССР привлечено к ответственности во Франции перед коммерческим трибуналом Сены на законном основании...»

«...Суд находит, что в данном случае Торговое Представительство СССР, которое осуществляет торговые действия на территории Франции, не может заявлять против иска Шаляпина отвода о неподсудности...»

Во всем остальном суд подтверждает решение коммерческого трибунала Сены.

В нашей литературе много раз и детально освещалась подобная неправильная установка французского суда. С заключением 11/I-34 г. Временного Торгового соглашения между СССР и Францией эта установка официально отвергается. Ст. 4 соглашения прямо устанавливает, что «Торговые сделки... заключенные любым государственным органом СССР, иным чем тор-во во Франции, пользующимся, согласно советскому закону, правами самостоятельного юридического лица, обязывает лишь упомянутый орган».

ИСК БАНКА АРНЮС И ОБ-ВА «ПЕТРОЛЕС ПОРТА ПИ» К ТОРГОВОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ СССР ВО ФРАНЦИИ И К НЕФТЕСИНДИКАТУ

Дело впервые было заслушано в коммерческом трибунале департамента Сены, который вынес свое решение 16 марта 1931 г.

Сущность дела сводится к следующему: по договору от 11 августа 1925 года, Нефтесиндикат передал исключительное право продажи своих нефтяных продуктов в Испании, Португалии и в их колониях «Банку Арнюс». До истечения срока действия договора Нефтесиндикат вследствие учреждения в Испании монополии на продажу нефтяных продуктов вынужден был расторгнуть договор и вступить в договорные отношения с испанской нефтяной монополией (КАМПСА). Последняя гарантировала Нефтесиндикату убытки, которые могли бы последовать для него в результате расторжения договора с «Банком Арнюс».

Иск «Банка Арнюс» был вчинен на сумму 100 млн. фр.

В настоящем деле принципиальный интерес имеет вопрос об ответственности Торгпредства СССР во Франции, за сделку, заключенную Нефтесиндикатом. Суд признал доказанным, что Торгпредство, являлось стороной в договоре, «поскольку оно его подписало как для обеспечения его действительности, так и для гарантии его выполнения». Суд нашел, что Нефтесиндикат «должен рассматриваться, как одно из звеньев Торгпредства СССР, которое в свою очередь является торговым органом монополии, осуществляемой торгующим советским государством».

Из того факта, что на договоре имеется виза Торпредства, разрешающая заключение договора, суд делает вывод, что «подпись Торгпредства СССР поставлена... рядом с подписью Нефтесиндиката СССР».

Таким образом, факт наличия на сделке визы Торгпредства, действовавшего в качестве органа государственной монополии внешней торговли, судом квалифицируется, как оперативное участие в договоре на стороне Нефтесиндиката. В этом решении апелляционный суд департамента Сены повторяет неправильные концепции коммерческого трибунала об ответственности Торгпредства за действия самостоятельных юридических лиц СССР.

Ввиду того, что суд признал правильным требования нефтесиндиката о гарантии и присудил КАМПСУ к возмещению Нефтесиндикату сумм, уплаченных ими Банку Арнюс, решение не принесло СССР материальных убытков, но с принципиальной стороны это решение является сугубо неправильным.

Решение коммерческого трибунала от 15 марта 1931 г. было обжаловано обеими сторонами, причем Торгпредством СССР и Нефтесиндикатом по соображениям принципиального порядка, а Банком Арнюс — ввиду сокращения судом исковой суммы.

Дело было рассмотрено парижским апелляционным судом

(1-я камера) 18 февраля 1932 г., причем апелляционая жалоба была оставлена без последствий.

В отношении привлечения в качестве ответчика Торгового Представительства, апелляционный суд подтвердил решение коммерческого трибунала, не приведя какого-либо разъяснения. Суд нашел, что «... для доказательства своей неподсудности по данному спору Торговое Представительство СССР претендует на то, как это и было сделано в первой инстанции, что оно представляет собою юридический институт, отличный от Нефтесиндиката и, что более того, было специально условлено во время заключения спорных сделок, что никакое государственное учреждение и в частности правительство СССР не может быть привлечено в связи с этими сделками, но что апелляционный суд отверг этот довод по категорическим соображениям, к каковым палата присоединяется».

В остальном решение суда не вносит чего-либо нового в принципиальную сторону дела, и мы не приводим поэтому этого решения.

Неправильность позиции французского суда в деле Нефтесиндиката подтверждается временным Торговым соглашением между СССР и Францией от 11/I-34 г., ст. 4 которого прямо устанавливает, что торговые сделки, заключенные без гарантии Торгпредства СССР во Франции любым государственным хозяйственным органом СССР, иным чем Торг-во СССР во Франции, пользующимся, согласно советскому закону, правами самостоятельного юридического лица, обязывает лишь упомянутый орган, и исполнение по ним может быть обращено лишь на его имущество. Ответственность по ним не будет падать ни на Пр-во СССР, ни на Торг-во СССР во Франции, ни на какой-либо другой государственный хозяйственный орган СССР. В ст. 5 точно устанавливается, что понимается под гарантией Торг-ва, даваемой последним по договорам, заключенным между хозяйственными организациями СССР и французскими обществами.

О-ВО «ТЕФИМО» «ПРОТИВ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР ВО ФРАНЦИИ, ТОРГПРЕДСТВА СССР ВО ФРАНЦИИ И НАРКОМПРОСА РСФСР [1])

Решение Французского коммерческого суда департамента Сены от 27 августа 1929 г.

«Общество с ограниченной ответственностью «Тефимо», с одной стороны, и

---

[1]) Общество «Тефимо» (общество современных театральных и кинематографических постановок, ссылаясь на соглашение от 5 июня 1928 г., в силу которого один из ответчиков (Наркомпрос РСФСР) якобы, обязался организовать художественное турне академического еврейского театра по Европе и Америке, вчинило иск во Французском коммерческом Трибунале д-та Сены, требуя уплаты понесенных им убытков 200.000 марок. Решением от 7 августа 1929 г. трибунал, приняв во внимание, что ответчик (Наркомпрос, Пол-во и Торг-во Франции), являются органами иностранного государства, признал себя некомпетентным разбирать настоящее дело.

1) Посол Союза Советских Социалистических Республик в качестве представителя во Франции Союза Советских Социалистических Республик.

2) Торговое Представительство Союза Советских Социалистических Республик во Франции в качестве представителя торговых интересов Союза ССР во Франции.

3) Народный комиссариат просвещения в лице Народного Комиссара просвещения в Москве, с другой стороны.

Фактические обстоятельства дела

Согласно заявления от 16 июля 1929 г., зарегистрированного в Париже 17 июля 1929 г. судебным приставом и оплаченного установленным гербовым сбором, общество-истец привлекает к судебной ответственности ответчиков и вызывает явиться 27 августа 1929 г. в 12 часов на судебное заседание для рассмотрения следующего дела.

В силу устного соглашения от 5 июня 1928 г. истец взял на себя обязательство организовать художественное турнэ Московского еврейского театра по Европе и Америке. Театр этот находился в непосредственном ведении Правительства Союза ССР и должен был ставить в соответствии с указаниями общества-истца, спектакли по всей стране в том же самом ансамбле, под тем же руководством и с тем же персоналом, что и в Берлине.

Было условлено, что если Московский еврейский академический театр не сможет по той или иной причине отправиться в Америку, то общество-истец имеет право на получение в виде компенсации неустойку в размере 100 000 германских рейхсмарок. По распоряжению правительства СССР поездка этой театральной труппы в Америку была отменена как раз в тот момент, когда она должна была иметь место; таким образом, требование о присуждении Посла СССР, как представителя интересов государств во Франции, торгового представительства СССР во Франции как представителя торговых интересов СССР во Франции и Народного Комиссариата Просвещения к выплате обществу-истцу указанной неустойки представляется вполне обоснованным.

С другой стороны, Правительство СССР дало распоряжение об отправке из Берлина театра еще до окончания спектакля и декораций и сняло г-на Грановского с должности директора этого театра. Далее в ущерб интересам общества-истца в многочисленных газетах различных стран появились заметки, касающиеся разногласий между этим театром и правительством СССР, причем благодаря этому даже в Европе отпала возможность устроить какой-либо ангажемент этому театру.

В соглашении от 5 июня 1928 г. было условлено, что в случае, если одна из сторон не выполнит своих обязательств, то другая будет иметь право на одно еще дополнительное возмещение в размере 100.000 герм. марок. В данном случае, поскольку это условие наступило, вполне обоснованным является требование обще-

ства-истца о присуждении с ответчиков Посла СССР, Торгпредства СССР и Наркомпроса СССР еще 100.000 марок.

По изложенным соображениям истец просит суд вынести решение против Посла СССР и Народного Комиссариата Просвещения СССР, поскольку оба они солидарно являются ответственными за интересы СССР во Франции...

Правовая сторона дела

Возникает вопрос, надлежит ли суду признать правильными доводы, выдвинутые защитой. В противном случае удовлетворить требования истца и присудить ему сумму иска.

Возникает также вопрос о том, на кого возложить судебные издержки.

Обсудив на основании действующего закона, стоящую перед ним проблему.

Суд, принимая во внимание, что лица, привлеченные к суду, являются представителями иностранной державы и в качестве таковых неподсудными данному суду, объявляет себя некомпетентным разбирать настоящее дело».

ИСК ПО ДЕЛУ ВДОВЫ ЛАЛАНД К б. РУССКОМУ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ БАНКУ

Решение коммерческого трибунала Сены от 29/VI 1932 г.

«Вдова Лаланд, выступая в качестве акционера Русского для внешней торговли Банка, именуемого в дальнейшем Русский Банк, просит суд вынести определение о том, что русские банки вследствие законодательства СССР утратили качества юридического лица и что, поскольку во Франции их положение должно обсуждаться по их национальным законам, их необходимо признать прекратившими существование.

Истица утверждает также, что всякий созыв акционеров Банком сделался невозможным и что администрирование общественного капитала находится ныне в руках правления, полномочия которого не представляется возможным ни контролировать, ни возобновлять; указанные администраторы нанесли самый серьезный ущерб Русскому Банку, создав на фонды этого последнего Генеральный Банк для внешней торговли, именуемый дальше Генеральный Банк, который поглотил все коммерческие фонды Русского Банка, благодаря чему этот последний обречен на полную бездеятельность.

Вдова Лаланд, кроме того, заявляет, что подписка на капитал Генерального Банка была неправомерна и что Генеральный Банк должен рассматриваться неправомерно учрежденным ввиду отсутствия общей подписки на его капитал; что, наконец, условия, в которых администраторы Русского Банка учредили Генеральный Банк, делают совершенно очевидным, что они обобрали в свою пользу акционеров Русского Банка, присвоив себе по Генеральному Банку все привилегированные акции и доли участия.

В этих условиях вдова Лаланд ходатайствует перед судом об объявлении прекратившим существование Русского Банка для внешней торговли и распущенным ликвидационное управление как одного, так и другого; о присуждении с администраторов Русского Банка, а именно Давыдова, Новицкого, Кестлина и Доброго суммы в 1.000.000 фр. в порядке обеспечения иска, субсидиарно об объявлении распущенными хотя бы учреждений Русского Банка, находящихся во Франции; далее, субсидиарно же — о назначении администратора-секвестратора в отношении этих учреждений и активов, расположенных вне территории СССР.

Новицкий утверждает, что иск необоснован; остальные ответчики мотивированным образом отрицают обоснованность иска; в порядке встречного иска они предъявляют требование к Генеральному Банку о выплате им по 50.000 фр. каждому плюс 10.000 фр. для каждого, — все это вместе взятое в качестве возмещения убытков за привлечение их к ответственности; Кестлин, кроме того, ходатайствует о том, чтобы суд отметил, что он с 1925 года перестал быть администратором Русского Банка.

Кроме того, Добрый, Давыдов, Кестлин, Бауэр-Маршал и К° и Бауэр предъявляют требование об их допущении в качестве акционеров Русского Банка к судебной процедуре, возбужденной вдовой Лаланд; вдова Лаланд в своем мотивированном заключении ходатайствует о признании необоснованными указанных встречных требований и ходатайства о вступлении в процесс.

По основному требованию суд находит, что просить о признании несуществующим какое-либо юридическое лицо могут лишь лица, доказывающие, что они заинтересованы в таком мероприятии.

В отношении иска, предъявленного против Генерального Банка, Суд находит, что вдова Лаланд не может обосновать своего качества ни акционера, ни кредитора означенного Банка;

что бесспорно, что с Генеральным Банком она никогда не состояла в договорных отношениях.

В соответствии с этим ее требование в той мере, в какой оно направлено против Генерального Банка, должно быть признано не подлежащим рассмотрению.

В отношении же иска, предъявленного против Русского Банка и его администраторов, суд находит:

Вдова Лаланд ссылается для обоснования своего требования о признании несуществующим Русского Банка на советское законодательство, а именно на декреты от 26 декабря 1917 г. и 26 января 1918 г., а также на неправильное учреждение Русским Банком в феврале 1924 года Генерального Банка.

Надлежит отметить, что советское законодательство, на которое ссылается вдова Лаланд в обоснование своих притязаний, провозгласило национализацию русских банков и безвозмездную экспроприацию всех акционеров; таким образом, в случае, если это законодательство было бы признано подлежащим применению во Фран-

нии французскими судами, сама вдова Лаланд, законным образом лишенная своих прав, не обладала бы нужным качеством для выступления против Русского Банка, и требование ее надлежало бы считать не подлежащим рассмотрению. Напротив, в случае, если указанное законодательство рассматривалось бы противоречащим общим принципам права и французского «ordre public», Русский Банк надлежало бы рассматривать продолжающим свое законное существование и в этом случае требование вдовы Лаланд также оказалось бы необоснованным.

Не предрешая вопроса о том, подлежит или не подлежит применению во Франции указанное законодательство, необходимо, отметить, что иск, заявленный вдовой Лаланд, носит характер выступления как в отношении требования о роспуске Русского Банка, так и требования о возмещении убытков администраторами, якобы, вследствие незакономерных действий.

Индивидуальный иск мог бы быть принят к рассмотрению в том случае, если бы Лаланд смогла доказать, что она являлась акционером Русского Банка в тот момент, когда действия, нанесшие ей ущерб, имели место.

Однако, вдова Лаланд не предъявила ни одного документа, который устанавливал бы, что она являлась держателем акций Русского Банка до 1924 или до 1927 года.

С другой стороны, имеются серьезные основания подозревать, что вдова Лаланд сделалась акционером Русского Банка лишь после фактов, на которые она ссылается в своем заявлении. И, действительно, еще в 1925 году вдова Лаланд по тем же основаниям искала с Русского Банка, выступая, однако, в качестве кредитора Банка. Лишь в 1927 году она сообщила о том, что является акционером. Наконец, ценные бумаги, представленные истицей, на которых наклеены германские гербовые марки, на все время войны оставались в Германии и могли быть ею приобретены лишь после вступления в действие русских законов и в национализации банков

В соответствии с тем, что вытекает из этих презумпций, следует сделать вывод, что истица сделалась акционером Русского Банка лишь после фактов, на которые она ссылается в своем заявлении; таким образом, вступив с заранее обдуманным намерением в данное общество, она не может просить о его роспуске... Вследствие этого надлежит отклонить основное требование, также как и дополнительное требование о роспуске учреждений Русского Банка, расположенных во Франции.

По дополнительному требованию

вдова Лаланд требует субсидиарно о назначении администратора-секвестратора в отношении учреждений Русского Банка, находящихся во Франции, и активов, существующих вне СССР.

Если считать правильным, что декреты от декабря 1917 года и января 1918 года Союза ССР провозгласили безвозмездную экспроприацию частных имуществ и принудительную национализацию

банков, и что, начиная с 28 октября 1924 года существование советского государства было признано де-юре во Франции, то из этого не вытекает, что французские суды могут об'явить подлежащими применению в отношении обществ, регулируемых советскими законами, законодательные постановления, которые противоречили бы «ordre public».

С другой стороны, уважение к частной собственности, является одним из фундаментов французского «ordre public» и одним из основных элементов нашего частного права; таким образом, законодательные постановления, которые игнорировали бы это, не могли бы получить какого-либо применения на территории Франции.

Ответчики устанавливают, что Русский Банк имел до войны отделение в Париже, причем продолжает владеть и управлять имуществом во Франции.

Русский Банк, несмотря на советскую ликвидацию, должен, таким образом, рассматриваться продолжающим существовать во Франции, по крайней мере, как Общество де-факто и сохраняющим права, которых законным образом не могли его лишить русские законы, на которые здесь ссылаются.

Кроме того, Русский Банк, как общество де-факто, осуществляющее свою деятельность на французской территории, подчиняется действию французских законов в том, что касается взаимоотношений между его членами и в том, что касается постановлений его устава.

Управление Делами Общества находится в противоречии с нашими законами и его уставом. И, действительно, в течение долгих лет не созывалось общее собрание акционеров, не производилась сдача отчета, истекли правомочия администраторов, назначение новых не было утверждено общим собранием. Одним словом, не было соблюдено ни одного из условий, регулирующих контроль акционеров над ведением дел Общества.

Представляется недопустимым сохранение бесконечного положения, которое не дает никакой гарантии, не представляет никакой возможности для осуществления нормального контроля со стороны акционеров и третьих лиц, состоящих в деловых отношениях с Обществом.

Как ни незначительны интересы вдовы Лаланд, являющейся держательницей всего лишь 5 акций, она имеет право настаивать на том, чтобы это положение вещей было изменено.

Однако, ликвидация Общества, представляющая собой крайнее и всегда могущее быть использованным средство, может быть осуществлена со всей справедливостью лишь при отсутствии другого модус вивенди, более отвечающего обстоятельствам дела.

Нельзя игнорировать того обстоятельства, что создавшееся положение не является результатом действий администраторов; положение это является логическим следствием действий суверенной власти и непреодолимой силы; сохранение существования Общества, казалось бы, находилось в интересах акционеров, как это, впро-

чем, доказывается выступлением нескольких из них, являющихся держателями сравнительно крупного пакета акций; в действительности можно допустить изменение советского законодательства или нашего имеющего в виду данный исключительный случай, заслуживающий интереса в том смысле, что русские банки и в частности Русский Банк нашли бы для себя легальный статус и возможность осуществлять более широкую и прибыльную деятельность.

...В интересах равновесия и справедливости требуется лишь проведение мер контроля над ведением дел Общества и сохранением его имущества. Для этого необходимо назначить судебного мандатария, в задачи которого войдет осуществление общественного контроля над делами Общества.

Такое постановление, по самой своей природе носящее провизорный характер, однако, рассчитанное на длительный период, вытекает не только из соображений факта, но и из признания самим законодателем исключительного статуса русских обществ, признания, которое нашло свое выражение в постановлениях закона от 12 января 1921 года...

. . . . . .

. . . . . .

По всем изложенным соображениям суд принимает к сведению заявления вступивших в дело сторон.

Назначает г-на Пиотона администратором, возложив на него осуществление контроля над операциями Русского для внешней торговли банка в той мере, в какой эти операции касаются парижского отделения этого Банка и связанных с ним активов.

Вменив ему в обязанность замену уполномоченных этого Общества с принятием всех необходимых мер для администрирования и сохранения имущества...

Об'являет необоснованными требования вдовы Лаланд равным образом, как и встречные требования ответчиков, и соответственно отклоняет их.

В отношении судебных издержек об'единяет их в одно целое и присуждает вдову Лаланд и Русский для внешней торговли Банк к уплате их поровну.

ЭСТОНИЯ

ИСК ПО ДЕЛУ ПЕРТСЕЛЯ К ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ СОЮЗУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ И ДРУГИМ В СУММЕ 5.000.000 КРОН

Решение гражданского отделения государственного суда Эстонии от 2—20 октября 1932 г.

«Выслушав доклад дела, Государственный суд находит следующее:

В поданном 10 апреля 1930 г. в Ревельско-Гапсальский мировой с'езд Яковом Пертселем исковом прошении ответчиками указаны:

1) Всероссийский центральный союз потребительских обществ (сокращенно Центросоюз).

2) Русский комиссариат внешней торговли (сокр. Внешторг).

3) Торговое представительство СССР в Эстонии.

Последнее по об'яснению истца является представителем двух первых ответчиков и находится в Ревеле.

В основание иска положен договор, заключенный в отношении внешней торговли 10 апреля 1920 г. между Пертселем как продавцом и Центросоюзом, как покупщиком, к которому потом присоединился Внешторг (РСФСР), заявив 28 июня 1920 г. через своего правомочного торгового агента согласие на изменение условий договора, заключенного 10 апреля 1920 г.

По существу иска Пертсель требует:

1) обязать ответчиков солидарно открыть в банке Шелль и К° депозит на имя истца в сумме кр. 2.880.054 для выплаты их против препроводительных документов на 2 440 тонн гвоздей в 1—6 дюймов, изготовленных в Германии, сиф Ревель. В случае невыполнения этого обязательства, взыскать солидарно с ответчиков в пользу истца покупную цену упомянутых гвоздей кр. 2.880.054;

2) обязать ответчиков солидарно уплатить истцу в вознаграждение за убытки кр. 2.119.946;

3) взыскать с ответчиков в пользу истца 6% с 5 м. кр. со дня предъявления иска по день уплаты.

В прошении, поданном в мировой съезд от 4 октября 1930 г. поверенный истца, между прочим, объясняет, что Центросоюз в 1920 г. был государственным учреждением советской России, а не торговым товариществом, и не был в Эстонии легализован. Поэтому, по

мнению поверенного истца, на договоры по внешней торговле, заключенные в 1920 году от имени Центросоюза или с его участием, следует смотреть, как на договоры фиска советского русского государства и по вытекающим из них исковым делам русское торговое представительство в Эстонии будто бы является законным представителем Центросоюза. При рассмотрении дела в с'езде поверенный торгового представительства СССР заявил отвод по ст. 571 пп. 1 и 3 уст. гр. суд. и утверждал, что данное дело вообще неподсудно судам Эстонии.

Постановлением от 27 марта — 14 апреля 1931 г. съезд постановил отводы ответчика — Торг. представит. СССР в Эстонии по ст. 571, пп. 1 и 3 уст. гр. суд оставить без уважения.

В поданной в палату частной жалобе поверенный указанного представительства, между прочим, объяснил, что данное дело неподсудно суду Эстонии, что съезд обошел молчанием этот его довод и просил дело по ст. 584, п. 1 уст. гр. суд. прекратить, возложив на истца все судебные и за ведение дела издержки. Упомянутую частную жалобу палата своим определением от 25 ноября 1931 г. оставила без последствий, находя, что «по правильному объяснению поверенного истца отводы жалобщика по ст. 571, пп. 1 и 3 не заслуживают уважения по той причине, что жалобщик не доказал, что дело подсудно другому суду и что отвод о неподсудности дела суду вообще не подлежит рассмотрению отдельно от рассмотрения дела по существу (Реш. русского Сената 838/75)».

В поданной в государственный суд кассационной жалобе поверенный учрежденного в Эстонии Торг. представительства СССР просит отменить определение палаты за нарушением ст.ст. 210, 225, 257, 266, 269, 293, 339, 571 и 584 уст. гр. суд §§ 17—22 эстонско-советторгового договора, правил соглашения об оказании взаимной судебной помощи по гражданским делам и основного закона СССР.

В заседании государственного суда поверенный истца просил жалобу оставить без рассмотрения, так как вынесенное палатой определение не относится к окончательным постановлениям суда второй инстанции, на которые стороны только и могут жаловаться в кассационном порядке.

Обращаясь к рассмотрению просьбы поверенного истца, гос. суд находит ее не заслуживающей уважения. По правильному указанию пов. истца русский Сенат по гражд. кассационному департаменту в своих решениях неоднократно раз'яснял, что по ст. 792 п. 1 и 793 уст. гр. суд, обжалованию в касспорядке подлежат только окончательные решения и постановления суда второй инстанции, после которых в том же деле второго решения или определения последовать не может, — и что в течение процесса частные определения суда второй степени, в том числе и определения, коим дело признано подсудным гражданскому суду, в частности тому суду, в котором оно начато, не подлежат обжалованию в кассационном порядке отдельно от жалобы на окончательное решение суда второй инстанции (см. реш. Сената 1867 г. № 60 и 381, 1868 г.

316, 1873 г. 546 и 908, 1874 г. № 189, 1876 г. № 530, 1877 г. № 152 и др.), — но в виде исключения от указанного правила русский Сенат обсуждал и кассационные жалобы, поданные до разрешения дела по существу на частные определения в случае, когда от разрешенного частным определением вопроса зависел порядок дальнейшего производства дела или возможность достижения известной законной цели, причем сторона не имела другого пути для восстановления нарушенного порядка (см. реш. Сената по гражд. деп. 1882 г. № 140, 1901 г. № 1, 1909 г. № 52).

Присоединяясь к вышеуказанной практике русского сената, государственный суд находит, что в данном случае Палата должна была разрешить вопрос о том, относится ли к компетенции судебных установлений Эстонии рассмотрение и разрешение иска, предъявленного Пертселем в ревельско-гапсальском с'езде, а также возможность достижения цели ст. 584 п. 1 уст. гр. суд, направленной к тому, чтобы предотвратить рассмотрение дела по существу судом, к компетенции которого решение начатого иска не относится. Так как в определении палаты не находится ответа на этот вопрос, то у поверенного Торгпредства для разрешения этого вопроса в отрицательном смысле и для прекращения дела до рассмотрения иска по существу и решения его низшими инстанциями не было иного пути, как обратиться в Государственный Суд с самостоятельной кассационной жалобой на определение Палаты. По этим основаниям Государственный Суд находит что кассационная жалоба поверенного Торгового Представительства СССР подлежит рассмотрению.

Переходя к рассмотрению этой жалобы, государственный суд находит, что довод Палаты, будто «отвод» о том, что дело неподсудно суду, вообще не подлежит рассмотрению отдельно от рассмотрения дела по существу», не оправдывает окончательного вывода, высказанного в обжалованном определении, так как никто из ответчиков не утверждал, что дело неподсудно суду. Возникший в деле вопрос о том, подлежит ли рассмотрение дела компетенции эстонского суда, подлежал разрешению как раз до рассмотрения дела по существу, ибо постановления статьи 584 пункт 1 издано с той целью, чтобы предотвратить рассмотрение дела по существу судом, к компетенции которого оно вообще не относится. Оставив означенный вопрос без разрешения, Палата существенно нарушила статью 339 Устава Гражд. Судопр., вследствие чего ее определение не может быть оставлено в силе.

Но принимая во внимание, что к разрешению вопроса о том, относится ли рассмотрение и решение дела к компетенции судебного установления, в котором предъявлен иск, суд высшей инстанции обязан приступить по своей инициативе и в том случае, если этот вопрос неправильно разрешен низшими инстанциями или даже оставлен без разрешения, государственный суд не находит возможным ограничиться отменой определения Палаты, не высказав своего отношения к означенному вопросу.

Приступая по указанным причинам к разрешению вопроса, относится ли рассмотрение и разрешение настоящего иска, предъявленного Пертселем в Ревельском Съезде против Центросоюза, Внешторга и Торгового Представительства СССР, к компетенции эстонского суда, Государственный Суд прежде всего находит, что декретом, принятым советским русским Правительством 22 апреля 1918 г. и опубликованным 23 апреля 1918 года о национализации внешней торговли (Собрание русских узаконений 1918 года № 33 ст. 432), было установлено, что вся внешняя торговля национализируется, что сделки коммерческого характера с другими государствами и отдельными предприятиями за границей совершаются от имени русской республики через специально на это уполномоченные органы, и что управляющим национализированной внешней торговлей органом является народный комиссариат торговли и промышленности, к компетенции которого между прочим относится организация закупок за границей при посредстве государственных закупочных комиссий и агентов, кооперативных организаций и торговых фирм. К таким организациям относился и Центросоюз, являвшийся потребительской коммуной, единым хозяйственным центром. Потребительская коммуна, которая потом была переименована в Потребительское Общество, была подведомственна комиссариату торговли и промышленности (декреты советского русского правительства от 20 марта и 30 июня 1919 года, собрание декретов. 1919 года № 17, № 34).

14 июня 1920 года в собрании декретов русского правительства (1920 г. № 53 ст. 235) появился декрет об организации внешней торговли РСФСР, коим было определено, 1) переименовать комиссариат торговли и промышленности в Народный Комиссариат внешней торговли, 2) установить следующие общие основания внешней торговли: а) заведывание национализированной внешней торговлей возлагается в РСФСР исключительно на народный комиссариат внешней торговли, которому, как единственному уполномоченному на это органу республики, надлежит исключительное право вступать в торговые отношения с заграничными государственными, общественными и частными учреждениями и организациями, торгово-промышленными предприятиями и отдельными лицами, а также осуществлять через соответствующие органы, все операции, связанные со ввозом и вывозом товаров, — и б) ни одно ведомство, учреждение или организация в РСФСР не вправе без разрешения Комиссариата внешней торговли или его органов, находящихся за границей... заключать сделки на ввоз и вывоз товаров.

6 июля 1923 года утверждена была конституция СССР, по которой Нар. комиссариат внешней торговли относится к общесоюзным комиссариатам и тем самым к центральным учреждениям правительства СССР (§§ 37, 50, 51).

Наконец, действующий в советской России гражданский кодекс предусматривает, что во внешнеторговых сношениях могут

участвовать физические и юридические лица только через государство в лице Комиссариата внешней торговли (§ 17). Из всего этого следует, что совершение договора от 10 апреля 1920 г., заключенного с участием Центросоюза, могло произойти только по поручению и при материальной ответственности правительства РСФСР. То, что это было так, доказывает то обстоятельство, что уже 28 июня 1920 г., т. е. сразу же после учреждения Комиссариата внешней торговли, между уполномоченным агентом последнего и Пертселем, без участия Центросоюза, — было достигнуто соглашение относительно изменения условий упомянутого договора, причем комиссариат внешней торговли обязался выполнить договор согласно этим новым условиям, и тем самым Центросоюз, как участник договора, был заменен Комиссариатом внешней торговли, который, в качестве центрального органа правительства РСФСР, мог при заключении и выполнении всяких договоров действовать только от имени упомянутой республики и за счет ее фиска. Действительно, к выполнению упомянутого договора приступил не Центросоюз, но Комиссариат внешней торговли, дав 17 августа 1920 г. приказ Банку Шелль и К° уплатить Пертселю 1.769.235 гер. марок за счет финансового отдела этого комиссариата. Если теперь Пертсель требует выполнения этого договора и уплаты вознаграждения за убытки солидарно от Центросоюза, Внешторга и учрежденного в Эстонии Торгового представительства СССР, то этот его иск в полном об'еме направлен против фиска СССР, как это признал и сам поверенный истца в своем об'яснении, поданном мировому Съезду. По § 4 основного закона Эстонской Республики, в Эстонии действуют законы, изданные ее собственными учреждениями или признанные ими, а также общепризнанные правила международного права. Одним из важнейших общепризнанных положений международного права является то, по которому ни одно суверенное государство не отвечает в судах, если соответствующие государства не заключили относительно этого соглашения, за исключением случаев, когда предметом требования является спор относительно вещных прав на недвижимость или если одно государство выразило согласие выступить в данном деле в суде другого государства в качестве ответчика. (Лист, Международное право, издание 1909 г., стр. 83 и след., изд. 1920 г., стр. 64 и след.). Из указанного общего правила сделано исключение торговым договором, заключенным 17 мая 1929 года между Эстонией и СССР («Госуд. Вестник» № 71 1929 г.), относительно определенного рода дел, а именно — относительно исков, направленных против фиска СССР, которые вытекают из сделок по внешней торговле, заключенных торговым представительством СССР, учрежденным в Эстонии (§§ 17, 19—22). Распространение этого постановления, имеющего характер исключения, на сделки других государственных учреждений СССР, заключенные без участия торгового представительства, недопустимо вследствие отсутствия соответствующего соглашения между Эстонией и

СССР. Поэтому, так как данный иск выводится из неисполнения договора, заключенного советским русским государством с Пертселем через Центросоюз и Внешторг даже без позднейшего утверждения его Торговым Представительством, то Государственный Суд приходит к заключению, что рассмотрение и разрешение упомянутого иска не относится к компетенции судебных установлений Эстонской Республики.

Правильность этого вывода не колеблет указания поверенного истца на решения гражданского Кассационного Департамента Сената 1893 года № 47, 1909 г. № 75 и 1908 г. № 5. В первом из этих решений русский Сенат раз'яснил, что в иске, предметом которого является спор о вещном праве на недвижимость, иностранное государство отвечает в судебных установлениях того государства, на территории которого находится спорная недвижимость. В решении 1909 года № 75 Сенат нашел, что в случае, если иностранное государство добровольно вступит на стороне ответчика в качестве третьего лица в дело, возникшее между частными лицами, то рассмотрение и разрешение дела относится к компетенции судов того государства, где начат иск. Таким образом, вышеприведенный довод государственного суда нисколько не противоречит упомянутым раз'яснениям Сената. Решение Сената 1908 года № 5 было вынесено по иску, пред'явленному частным лицом к акционерному обществу, а потому никакого раз'яснения по вопросам, возникшим в настоящем деле, в себе не содержит.

Указание поверенного истца на то, что с точки зрения правовой политики надо признать, что государство, заключающее с гражданами других государств сделки по внешней торговле, должно по искам, вытекающим из этих сделок, отвечать в судебных установлениях того государства, на территории которого договор заключен или подлежит исполнению, не заслуживает уважения, ибо к решению гражданских дел по общему смыслу законов суд вправе прибегать только в случае неполноты, неясности действующих законов, отсутствия законов или противоречия их (статья 9 Устава Гр. Судопр.), в данном же случае в действующем законе имеется точный ответ на рассматриваемый вопрос.

По вышеприведенным соображениям Государственный Суд находит, что рассмотрение и разрешение данного иска не относится к компетенции судебных установлений Эстонской республики, а потому и на основании ст. 584, п. I Устава Гражд. Судопроизв., все делопроизводство, начатое в эстонском суде, должно быть прекращено вместе с отменой определений Судебной Палаты и Мирового Съезда. По этим основаниям Государственный суд постановил:

определения Палаты и Ревельско-Гапсальского Мирового с'езда отменить и все дело производством прекратить».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Англия

1. Иск по делу б. Русско-Английского Банка против Беринг Брозер и К° 5
2. Дело Русско-Английского Банка 8

II. Бельгия

3. Дело фирмы „Деспа" против Торгпредства СССР 13

III. Германия

4. Дело 18 невозвращенцев против Торгпредства СССР в Германии 17

IV. Греция

5. Дело А. Суссаниса против Торгпредства СССР в Греции . . . 27

V. Голландия

6. Дело де-Фрое против СССР 33

VI. Италия

7. Дело Торгпредства СССР в Италии против Сломницкого . . . 37
8. Дело об имуществе Палестинского О-ва в Бари (две инстанции) 41
9. Дело фирмы Пикарди против Торгпредства СССР в Италии . . . 49
10. Дело фирмы «Марино Кверчи» против Торгпредства СССР в Италии 53

VII. Египет

11. Дело Торгпредства СССР в Турции против фирмы Левант и К° 61

VIII. Персия

12. Дело Мешеди Ахмед Надеми против Мор. Агентства Каспийского пароходства 67

IX. Соединенные штаты

13. Дело о советском золоте в США 71
14. Дело б. собственников бакинских нефтяных промыслов против Стандарт Вакуум-Ойль К° 73

X. Швеция

15. Дело б. Торгово-Промышленного Банка против А/О Гетеборг Банка 81

XI. Франция

16. Дело фирмы Шнейдер и К° против Жодона 89
17. Дело Гарри Герцфельда против „Доброфлота“ и Русского государства 92
18. Дело Бруно Гер фельда против СССР 92
19. Дело фирмы Кульс против бр. Бессель 96
20. Дело Шаляпина против СССР и фирмы Бреннер и К° 98
21. Дело банка Арнюс против о-ва „Петролес Порта Пи“ и Торгпредства СССР во Франции и других 101
22. Дело фирмы „Тефимо“ против Полпредства СССР во Франции и др. 102
23. Дело Лаланд против б. Русского для внешней торговли банка 104

XII. Эстонии

24. Дело Пертселя против Центросоюза и НКВТ СССР 111

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

[redacted]

Цена 3 р. 50 к.

ЛБ
С 23
Сборник документов по междунар.-
в. 8
М, 1984

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ
и ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ
Выпуск № 8

ЛБ
С23

СБОРНИК РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ ПО СПОРАМ, КАСАЮЩИМСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОЮЗА ССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ПЛОТКИНА

ИЗДАНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
1924

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ
И ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

Выпуск № 8

ЛБ
С 23

СБОРНИК РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ ПО СПОРАМ, КАСАЮЩИМСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОЮЗА ССР

Объединенная 146667 Библиотека Н. К. П.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ПЛОТКИНА

ИЗДАНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
1934

3.С.
4725
Т

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Уполн. Главлита В 93330 - Тираж 1000
Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18 Н. 318

АНГЛИЯ

ИСК ПО ДЕЛУ б. РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БАНКА ПРОТИВ БЕРИНГ БРОЗЕР и К° [1])

Решение Верховного Суда от 26 января 1932 г.

«В марте 1931 года б. Русско-Английский Банк вчинил иск к ответчику о возмещении двух долговых обязательств в 100 000 и 80 000 ф. ст. Банк был учрежден в 1911 году в России, а в 1915 году открыл свое отделение в Лондоне. Из 60 тыс. акций, составлявших его капитал, 45 тыс. числились на счету британских граждан, проживающих в Англии. Последнее общее собрание состоялось в С.-Петербурге в 1917 году, после чего общество было распущено правительственным распоряжением. В июне 1931 г. ответчики предприняли ряд шагов для прекращения искового производства о выплате этих сумм, утверждая, что при указанных выше обстоятельствах, исковое производство должно быть прекращено.

Возникал вопрос о том, может ли роспуск общества, произведенный Советами, помешать участникам этого общества, заинтересованным в нем, распределить актив его, осуществить право пользоваться фирмой банка для выступления в качестве истцов при истребовании фондов, которые составляли часть его актива.

Судья Эв. — Если бы не одно место из речи лорда Финлея в деле Русский Торгово-Промышленный Банк против Учетной Конторы Мюльгаузен, то я считал бы, что на поставленный вопрос можно ответить только отрицательно. В этом деле, также как и в деле Русский Внешне-Торговый Банк в Петрограде против Гукасова, Палата лордов должна была решить, установили ли ответчики на основании толкования советских декретов, представленных суду, что Русский банк фактически прекратил существование. Так как ответ оказался отрицательным, то не было необходимости рассматривать вопрос о том, каково было бы положение, если бы толкование оказалось иным. Между тем, в заключительной части своей речи лорд Финлей добавляет: «Не следует никогда забывать, что здесь мы имеем дело с отделением банка, учрежденным в этой стране и в ней осуществляющим свои операции. Если бы даже было доказано, что в отношении России русский банк

[1]) Изложение решения дается по отчету, приведенному в „Journal du droit international" № июль—октябрь 1932 г., стр. 1044—1047.

прекратил существование, то я не считал бы, что это обстоятельство имело бы решающее значение в нашем случае. Лондонское отделение существует уже в течение продолжительного времени, занимается здесь нормальной деятельностью, имеет значительное количество английских акционеров, связано договорными отношениями с британскими гражданами. Если при этих условиях принять утверждение ответчика, то сделается невозможной реализация актива этого отделения и выполнение им своих обязательств. Будет вполне справедливым, чтобы отделение могло пользоваться фирмой банка для реализации актива...

Я не нахожу ничего аналогичного в решении других лордов и я не думаю, чтобы в этом направлении существовало бы что-либо вполне авторитетное. Лорд Сумнер, который зачел мнение лорда Финлея, не согласился с ним, но заявил, что он полностью солидарен с лордом канцлером, в решении которого не содержится чего-либо аналогичного тому, что высказал лорд Финлей. Лорд Уренбури высказал мнение, что, независимо от прекращения существования иностранного общества, могло сохраниться товарищество физических лиц, взаимоотношения между которыми регулируются на основании устава общества и определяются, повидимому, законом lex loci contractus и продолжаются в течение всего необходимого для ликвидации дел общества времени. Мне кажется, что в этом утверждении не было необходимости, если бы он разделял мнение лорда Финлея о том, что иск об истребовании активов должен и может быть вчинен только от имени общества.

Я несколько распространился на эту тему, потому что замечание лорда Финлея точно применяется к нашему случаю: речь идет о прекратившем существование русском обществе, имеющем крупное отделение в Англии, многочисленных английских акционеров, актив и многочисленные обязательства. Таким образом, чрезвычайно важно выяснить, что нужно предпринять, чтобы оградить актив этого отделения, выполнить его обязательства и распределить остаток, если таковой останется по ликвидации расчетов с кредиторами.

Относясь с полным уважением к мнению лорда Финлея, я не думаю, чтобы эти проблемы могли быть разрешены так, как он это предлагает, без того, чтобы не был нанесен ущерб весьма серьезным принципам. Прежде всего каковы по русскому закону последствия роспуска общества, которое существует на основании этого закона. Мне кажется, что лорд Скреттон покончил с этим вопросом в своем решении, приведенном на стр. 129 сборника решений: «Существование юридических лиц зависит от закона страны, где они были учреждены, и они признаются другими странами в силу «comitas gentium», хотя бы их учреждение не соответствовало законам этих стран. Если юридическое лицо уничтожается законом, который его создал, то, мне кажется, оно должно считаться прекратившим существование в качестве юридического лица, где бы то ни было...» И далее он добавляет:.. «По моему мнению»

английские суды должны рассматривать банк, выступающий в качестве истца, распущенным и не имеющим судебной правоспособности»... Лорд судья Аткин также сказал: «... Когда речь идет о фиктивном лице, как общество, наше право ссылается на закон страны учреждения и, устанавливая, что это общество в силу указанного закона распущено, наш суд должен также считать его распущенным».

Что вытекает из этих утверждений? Что распущенное общество, пытающееся активно выступить в суде, является, как это указывает лорд судья Бенкс, — «в глазах нашего права недействительной стороной, но лишь пустым названием без права на законное существование». Несуществующее лицо не может выступать в суде и, если мне доказали, что банк-истец прекратил уже давно свое существование в России, я ни в коем случае не хочу быть обвиненным в том, что я, разрешив производство, пренебрег мнением, совершенно ясно высказанным всеми членами апелляционного суда. Когда суд предупрежден, что истец не существует и в соответствии с этим недееспособен, он обязан немедленно прекратить исковое производство.

Разумеется, благодаря этому решению может возникнуть вопрос о правах собственности на имущество, принадлежащее прекратившему существование обществу. Лорд судья Бенкс в деле Мюльгаузен высказал мнение, что ему вовсе не кажется обязательным точно определять вопрос о легальном статусе лиц, продолжающих вести дела отделений после ликвидации их центра. В этом же деле лорд судья Аткин отметил, что признание прекращения существования центра юридического лица влечет для отделения

Государственная публичная историческая библиотека
ПАСПОРТ — КНИГА ИМЕЕТ:
Инвентарный № 146467
№ тома
Список № порядковый №
Количество страниц
Отд. томов. вып. №№
Таблиц, карт, иллюстраций
Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.
Дефекты
Печатных листов
Обрез
Шифр Nб / С.23
2291 / 5
118
8

реждения».

английские суды должны рассматривать банк, выступающий в качестве истца, распущенным и не имеющим судебной правоспособности»... Лорд судья Аткин также сказал: «... Когда речь идет о фиктивном лице, как общество, наше право ссылается на закон страны учреждения и, устанавливая, что это общество в силу указанного закона распущено, наш суд должен также считать его распущенным».

Что вытекает из этих утверждений? Что распущенное общество, пытающееся активно выступить в суде, является, как это указывает лорд судья Бенкс, — «в глазах нашего права недействительной стороной, но лишь пустым названием без права на законное существование». Несуществующее лицо не может выступать в суде и, если мне доказали, что банк-истец прекратил уже давно свое существование в России, я ни в коем случае не хочу быть обвиненным в том, что я, разрешив производство, пренебрег мнением, совершенно ясно высказанным всеми членами апелляционного суда. Когда суд предупрежден, что истец не существует и в соответствии с этим недееспособен, он обязан немедленно прекратить исковое производство.

Разумеется, благодаря этому решению может возникнуть вопрос о правах собственности на имущество, принадлежащее прекратившему существование обществу. Лорд судья Бенкс в деле Мюльгаузен высказал мнение, что ему вовсе не кажется обязательным точно определять вопрос о легальном статусе лиц, продолжающих вести дела отделений после ликвидации их центра. В этом же деле лорд судья Аткин отметил, что признание прекращения существования центра юридического лица влечет для отделения невозможность осуществить какое-либо из своих прав, или выполнить какое-либо из своих обязательств, что ставит под угрозу всех тех, которые, занимаясь банковским делом в Лондоне, принимали после роспуска, какое-либо участие в администрировании актива, «так как, — добавил он, — «совершенно очевидно, что несуществующее лицо не может передать какого-либо титула на что-бы то ни было».

Я полагаю, однако, что эти затруднения могут быть устранены действия тех, которые принимали участие в делах отделения с момента прекращения существования центра, могут быть урегулированы ликвидатором в порядке, предусмотренном ст. 338 раз. 10 закона об обществах 1929 г. § 2 этой статьи может быть, нам кажется, применен в данном случае: «когда общество, учрежденное вне Англии, осуществляло там деятельность и прекратило ее, оно может быть ликвидировано как незарегистрированное общество, в соответствии с разделом 10 закона об обществах независимо от того, было ли оно распущено, либо прекратило существование в качестве общества в силу законов страны своего учреждения».

ДЕЛО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БАНКА

Решение Верховного Суда от 26 марта 1932 г.[1]).

Дело это является продолжением дела Русско-Английского Банка против Беринг Брозер и К°, решение по которому мы приводим выше. Ввиду того, что на основании решения по этому первому делу общество об'явлено распущенным, оно в данном судебном производстве не выступает в качестве стороны. Иск пред'явлен от имени трех лиц, об'явивших себя кредиторами в сумме 20 000 фун. ст. Ввиду невозможности предъявить взыскание к распущенному обществу, эти лица ходатайствуют перед судом об объявлении его ликвидации.

«Русско-английский банк был учрежден в 1910 г. в соответствии с русским законом. Банк открыл в 1915 году отделение в Англии, затем был распущен в силу русского закона еще до вступления в действие английского закона об обществах 1929 г. В 1929 г. трое лиц, заявляющих себя кредиторами этого банка на сумму 20 000 ф. ст., вчинили иск о возмещении этой суммы в суде Королевской скамьи. Их иск был отвергнут ввиду роспуска банка. В силу этого указанные лица вошли в суд с ходатайством о назначении принудительной ликвидации. Претензия их на 20 000 ф. ст. оспаривалась.

Ходатайство было передано солиситору казначейства, дабы он принял решение по вопросу о том, компетентен ли суд вынести определение о принудительной ликвидации. Аргументы истцов сводились к следующему: суд компетентен в силу ст. ст. 337 и 338 § 1. На основании решения, вынесенного по делу Русско-Английский банк против Беринг Брозер и К°, Общество распущено и не выступает в суде. Таким образом, для истцов было бы бесцельно продолжать исковое производство в суде. Единственно, что им оставалось, это прибегнуть к возбуждению настоящего ходатайства. Ст. 338 по существу восстанавливает в силе соответствующую статью закона об обществах 1908 г., который в свою очередь воспроизводил положения закона 1862 г. Таким образом, суд достаточно компетентен для того, чтобы вынести приказ о принудительной ликвидации. Ст. 338 гласит следующее:

«С соблюдением постановлений данной части настоящего закона всякое незарегистрированное общество может быть ликвидировано в соответствии с настоящим законом, все относящиеся к ликвидации постановления которого будут применяться к незарегистрированным обществам при условии соблюдения нижеследующих из'ятий и дополнений... Незарегистрированное общество может быть ликвидировано в следующих случаях, (I) в случае, если общество было распущено, прекратило свою деятельность, или ограничивается операциями, необходимыми для ликвидации своих

[1]) Изложение решения дается по отчету, приведенному в „Journal du droit international (Clunet) за июль—октябрь 1932 г., стр. 1047—1050.

дел, (II) случае, если общество несостоятельно и (III) в случае, если суд признает справедливым и надлежащим, чтобы общество было ликвидировано».

«Когда общество, учрежденное вне Великобритании прекращает там свою деятельность, оно может быть ликвидировано, как общество незарегистрированное, в соответствии с данной частью настоящего закона и независимо от того, было ли оно распущено или прекратило существование в силу законов страны своего учреждения».

Группа кредиторов заявила протест по поводу этого ходатайства. Они признавали компетентность суда, но утверждали, что претензия истцов спорная, в силу чего последние не имели права ходатайствовать о роспуске общества.

От имени Короны было заявлено, что суд некомпетентен вынести приказ на основании этого ходатайства... Слово «прекращает» в ст. 338 может относиться лишь к будущему; таким образом, если общество уже прекратило свою деятельность, его нельзя ликвидировать. Этот параграф был включен в закон в качестве дополнения, преследующего следующую цель: предусмотреть тот случай, когда речь идет об обществе, которое в будущем прекратило бы свою деятельность: случай, касающийся общества, уже прекратившего свою деятельность, законом не предусмотрен, и поэтому такое общество не может быть ликвидировано.

Судья Бенет « . . . . установлено, что Русско-английский банк, учрежденный в России, в 1910 г., был распущен до 1 ноября 1929 года — даты вступления в силу английского закона об обществах 1929 года.

Следует выяснить — с учетом постановлений § 2 ст. 339, может ли общество, распущенное до 1 ноября 1929 г. — даты вступления в силу этой статьи — быть ликвидировано в силу постановлений этой статьи, т. е. может ли эта статья в целом иметь обратное действие.

Между тем, в деле Матесон-Лимитед установлено, что общество, учрежденное по иностранному закону, является обществом, не зарегистрированным в смысле ст. 338. До 1929 г. было вынесено решение, что такое общество может быть ликвидировано в соответствии с законом 1862 г., постановления которого по этому пункту заменены ст. 338 § «д» закона 1929 г. даже в случае, если бы оно было распущено до вступления в силу закона. Все, таким образом, сводится к тому, чтобы выяснить, является ли дополнение в 1929 г. § 2 к ст. 338 новой законодательной мерой, цель которой заключалась в том, чтобы изменить тот смысл, который в суде придавался содержанию того, что является ныне § «д» ст. 338.

Чтобы определить, к чему сводились намерения Парламента, мне кажется необходимым изучить позицию, занятую нашими судами незадолго до закона 1929 года по отношению к русским обществам (т. е. обществам, учрежденным на основании русского закона и осуществляющим свою деятельность у нас), в связи с

различными декретами русского правительства. Эта позиция совершенно ясно определена в одном месте речи лорда Сумнера в деле. . . . . .«Вы установили в прошлом году, что декреты советского правительства, текст которых перед вами, не влекут за собой в отношении банковских учреждений роспуска самого общества, а попросту означают безвозмездное отчуждение их актива и присвоение их клиентуры путем установления государственной монополии банковской деятельности, а также отобрание у акционеров их акций.

Мне кажется, что правильно отстаивался тот взгляд, что § 2 добавлен к ст. 338 (которая в основном не видоизменена в новом законе) вследствие затруднений, возникших здесь в связи с обществами, учрежденными по русским законам. Если, как мне кажется, такова действительно цель, этого дополнения, то, по моему мнению, законодатель не имел в виду изменить в какой-либо мере те правовые положения, которые вытекали из законов 1862 и 1908 гг.

Таким образом, с моей точки зрения, хотя общество и было распущено до 1 ноября 1929 г., оно может быть ликвидировано в соответствии с положениями § «д» ст. 338.

Однако, «Имперская корпорация Лимитед» в качестве кредитора протестует против удовлетворения ходатайства, утверждая, что претензия является спорной и не может, таким образом, явиться основанием для ходатайства.

В отношении самого принципа у меня отсутствуют какие-либо сомнения, однако, истцы находятся в довольно странном положении. В 1927 году они обратились в суд для признания их претензии, не могли этого добиться в виду решения по делу Русско-Английский банк против бр. Беринг Брозер и К°, из которого явствует, что Русско-английского банка более не существует. В этих условиях истцы как будто лишены возможности что-либо предпринять иное, чем ходатайствовать о ликвидации. Тот факт, что на этот счет будет выдан судебный приказ, отнюдь не предоставит им прав кредитора. Лишь ликвидатор будет иметь правомочие определить их право и в случае надобности отклонить их требование. Мне кажется, что общее правило, которое воспрещает, чтобы спорная претензия служила основанием для ходатайства о ликвидации, не может быть здесь применено, поскольку истцы не имеют возможности действовать каким-либо иным путем.

В этих условиях, поскольку приказ о ликвидации не может нанести кому-либо ущерба и поскольку и те кредиторы, которые заявили протест, сами заинтересованы в ликвидации, я отклоняю их отвод и выношу постановление о принудительной ликвидации общества».

БЕЛЬГИЯ

ДЕЛО «ДЕСПА» ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР

Постановение 3-й Палаты от 20 февраля 1931 г.

Принимая во внимание, что коммерческий суд в Верье признал подлежащим разбору судебное дело, представленное ему Союзом Социалистических Советских Республик по иску Торгового Представительства, контора которого находится в Париже, улица Рю де ла Вилль Эвек 25, против общества «Деспа С-я» по поводу поставки, произведенной этой фирмой.

Что заключения, принятые как в первой инстанции, так и в апелляции, также поданы от имени СССР.

Принимая во внимание, что иностранное государство имеет доступ в Бельгийский суд только в том, случае, если его правительство официально признано Бельгийским правительством, которое только и имеет право сделать это; что по принципу гражданского права исключительная прерогатива признания государства принадлежит только исполнительной власти, а судебная власть имеет по данному вопросу только право констатировать фактическое положение, установленное Правительством ее страны (Де Паэп — очерки по гражданской подсудности по отношению к иностранным государствам, стр. 29 № 5).

Принимая во внимание, что Советское Правительство не было признано Бельгийским Правительством, что отказ от признания иностранного государства со стороны исполнительной власти является отказом во всякой юридической правоспособности (С. С. 3 марта 1930 г., см. Апелляцию Главного Прокурора г. Брюссель В. V, стр. 273 и сл.).

Ввиду того, что принятое судебное решение основывается на том, что фактически Торговое Представительство, имеющее свое место пребывания в Париже, заключило спорную сделку с фирмой «Деспа»: ввиду того, что по самому признанию Советов их Торговое Пр-ство во Франции не является организацией, отдельной от Государства СССР и что, действительно, в доводах, которые они представили Апелляционному Суду в Париже (см. постановление от 19 ноября 1926 г., газета дю Палэ 15/I—27 № 15) СССР об'ясняет, что внешняя торговля в СССР представляет собою монополию государства, которая осуществляется властью Народного Комиссара при посредстве различных правительственных организа-

ций, в число которых фигурируют и Торговые Пр-ва, в иностранных государствах, добавляя что последние сами находятся при дипломатических представительствах или посольствах, которые СССР имеет в тех странах, с которыми он возобновил официальные отношения, что вследствие этого, его Торговое Пр-во является ничем иным, как самим Советским Правительством.

Принимая во внимание, что, если Французские судебные органы нашли возможным признать за Торговым Пред-вом СССР право пред'являть иски во Франции, так как СССР признан Французской Республикой 28 октября 1924 г., что правительство, занимающееся торговлей, не действует в силу присущей ему полной власти и является подсудным коммерческому суду.

Принимая во внимание, что в Советской России государство является единовременным суб'ектом торговли и промышленности.

Принимая во внимание, что решение первой судебной инстанции является недействительным и не может превалировать над руководящими принципами права.

По этим мотивам, суд, не взирая на те или иные заключения, присоединяется к мнению Генерального Прокурора Луазо, аннулирует решение, и присуждает истца к уплате судебных издержек по обеим инстанциям.

ГЕРМАНИЯ

ИСК К ТОРГОВОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ СССР В ГЕРМАНИИ О ВЫПЛАТЕ ОБЛИГАЦИЙ ЗАЙМОВ СССР

Решение Государственного Трудового Суда от 31 декабря 1932 г.

а) Содержание дела.

18 советских граждан, сотрудников Торгового Представительства СССР в Германии, будучи отозваны в СССР, отказались вернуться и вчинили Торговому Представительству СССР в Германии иск о возвращении им сумм удержанных из их заработной платы, в порядке выплаты ими облигаций займа.

б) Решение суда.

Истцы, русские граждане, были направлены несколько лет тому назад своим правительством для работы в Торговом Представительстве, являющемся в данном деле ответчиком. С тех пор они работали в этом представительстве в качестве сотрудников. В 1929—1931 гг. они были уволены ответчиком. Во время работы в представительстве они коллективно подписались на заем «Индустриализации», выпущенный русским государством. Часть истцов кроме того подписалась на заем «Пятилетка в 4 года». Погашение производилось путем вычета известного процента из их заработной платы. Ответчик удержанные таким путем суммы, вносил в Московский Государственный Банк. После увольнения истцы, несмотря на свое ходатайство, не смогли получить облигации, ни добиться возвращения удержанных сумм. В настоящее время они предявили в судебном порядке требование о возвращении сделанных вычетов с процентами, ссылаясь на то, что подписка на заем противоречит германскому закону о выпуске ценных выигрышных бумаг и поэтому является недействительной. Кроме того, они утверждают, что поведение ответчика является безнравственным и что он должен возвратить полностью сделанные ими взносы, на которые они, впрочем, вынуждены были согласиться только из-за боязни быть уволенными, если они не подпишутся на заем. Ответчик оспаривает утверждение истцов. Кроме того, он отрицает компетентность германского суда, в частности германских трудовых судов в разбирательстве данного спора. Он стоит на той точке зрения, что в

данном случае необходимо применять русское право и что вследствие этого ответчики не могут обосновывать свою претензию нормами германского права.

Трудовой суд первой инстанции отклонил иск. Апелляционный суд в свою очередь отклонил апелляционную жалобу. Тогда истцы подали коллективно кассационную жалобу

Часть истцов взяла свою жалобу обратно. Эти истцы, в силу §§ 557, 575, абзац 3 германского процессуального уложения, утратили право на обращение к суду, что влечет за собой возложение на них издержек по судебной процедуре. Что касается остальных истцов, то кассационный суд разделяет мнение суда первой инстанции о том, что ответчик в данном споре подчинен юрисдикции германского суда. Он основывает свое мнение главным образом на советско-германском договоре от 12 октября 1925 г., в частности, на ст. ст. 4 и 7 Экономического Соглашения, а также на заключительном протоколе, представляющем часть вышеуказанного договора. Поскольку апелляционный суд отрицает экстерриториальность, на которую претендует ответчик, причем отказывается присоединиться к толкованию ответчика о том, что ст. 7 касается внешеторговых сделок и что для всех остальных отношений, в особенности для отношения внутреннего характера, которым является настоящий спор, германская юрисдикция исключается, надлежит признать означенное мнение апелляционного суда правильным. Достаточно указать на решение высшего государственного трудового суда (т. 7, стр. 301), в котором этот суд, на основании того же Экономического Соглашения и заключительного протокола к нему, признал, что ответчик, как таковой, не пользуется экстерриториальностью и все совершенные им в Германии правовые действия, за исключением некоторых привилегий, о которых в данном случае не идет речь, подлежат германской юрисдикции. Трудовой суд прав, когда он утверждает компетентность трудовых судов в разрешении спора и подсудности ответчика. Во-первых, очевидно, что и отмечает оспариваемое решение, что кроме жалобы, касающейся претензии на выплату жалования, существует также спор о трудовых взаимоотношениях, или, как утверждает жалоба, имеется нарушение добрых нравов, причем за это испрашивается возмещение, поскольку возникает частно-правовой спор, вытекающий из недозволенных взаимоотношений в области труда. Ввиду того, что речь идет именно о таких претензиях, признание германской подсудности правильно.

По существу дела высший государственный трудовой суд равным образом присоединяется к мнению суда первой инстанции. Он обращается к русскому праву и отклоняет выдвинутое истцами утверждение о том, что их отношения к ответчику, согласно ст. 7 Экономического Соглашения, должны регулироваться по нормам германского права. Текст этой статьи и сама цель Соглашения ясно определяют, как это, впрочем, и указано в обжалуемом решении, что германское право применяется только к экономическим

отношениям между немцами и ответчиком; что же касается области внутренних правоотношений между ответчиком и русскими сотрудниками, то ни в ст. 7 ни в другом месте Соглашения на этот счет нет никакого специального указания. Вопрос о праве, который следует применять к этим взаимоотношениям, как это вытекает из решения Высшего Государственного Трудового Суда по делу № 557/30 от 17 ноября 1930 г., разрешается на основании норм международного права в области личного статута, причем здесь надлежит также принять во внимание волеиз'явление сторон. Если здесь решающим является право места исполнения договора, то тем не менее в данном случае налицо имеются и такие особые обстоятельства, как общее гражданство истца и ответчика. При этих обстоятельствах было бы неправильно применять во взаимоотношениях между истцом и ответчиком иное право, нежели право их родины. Таким образом, абсолютно никакого значения не имеет тот факт, где был заключен трудовой договор: в Берлине или в Москве.

В своей кассационной жалобе истцы оспаривают эту позицию апелляционного суда. Для обоснования германской подсудности, в жалобе повторяются доводы, фигурирующие в прежней инстанции и в частности дословно говорится следующее: «даже в том случае, если бы пришлось согласиться с тем, что трудовой договор, заключенный между сторонами, регулируется на основании норм русского права, то все же заключенный в Германии договор о вычете стоимости облигации из заработной платы, должен быть рассмотрен по нормам германского права. Таким образом, вновь оспаривается применение советского права к правовым отношениям между сторонами, что являлось в первой инстанции основным спорным моментом. Однако, это оспаривание неправильно.

Утверждение апелляционного суда о том, что истцы были отправлены своим правительством к ответчику может несомненно служить для кассационного суда доказательством того, что трудовой договор между сторонами был заключен в Москве, независимо от его формы, и несмотря на то, что некоторые пункты его были в дальнейшем уточнены в Берлине. Если принять во внимание, что дело идет о русских гражданах, которые работали в учреждении, хотя и не экстерриториальном, но во всяком случае государственном, то, в силу предполагаемого волеизъявления сторон, договорные отношения между истцами и ответчиком подлежали бы регулированию на основании норм русского права. Это, разумеется, не значит, что это право должно применяться ко всем, без исключения, практическим последствиям данного трудового договора в Германии. Это право непосредственно не применяется к тем результатам, в отношении которых между заинтересованными правительствами имеется особая договоренность. Такая договоренность нашла свое выражение в статьях 6, 7 Советского Германского Экономического Соглашения от 12 октября 1925 г., соглашения, заключенного в развитие ст. 13 советско-германского соглашения

1922 г. Истцы полагают, что они могут обосновывать свою претензию о применении в данном случае не русского, а германского права ссылкой на указанные выше акты. Ссылка эта, однако, не имеет под собой никакой почвы. Верно лишь то, что ст. 6 и ст. 7 этого Соглашения предусматривают, что «совершенные в Германии обязательные для СССР правовые действия торгового представительства и их хозяйственные результаты будут трактоваться по германским законам и подлежат германской юрисдикции» и что в силу заключительного протокола к этим статьям «под правовыми действиями», не считая здесь преимуществ, не относящихся к данному вопросу — разумеются все действия с правовыми последствиями». Как это указывается в вышеупомянутом судебном решении, означенный заключительный протокол оставляет место для «широчайшего толкования». В силу того же протокола, Торговое Представительство обязано соблюдать нормы германского права. Как раз последние предложения этой части заключительного протокола и содержащиеся в ст. 7 слова «их правовые последствия» показывают, что германское право не имеет неограниченного применения ко всем действиям ответчика, и к сотрудникам русского гражданства, направленным в Германию Народным Комиссариатом Внешней Торговли СССР. Поэтому нельзя оспаривать позицию апелляционного суда, когда он, основываясь на тексте и целях Экономического Соглашения, ограничил применение германского права исключительно к экономическим взаимоотношениям между ответчиками и германскими гражданами. С другой стороны, возможность широкого применения германского права, обусловленного в ст. ст. 6 и 7 Экономического Соглашения и в заключительном протоколе, приводит к мысли о том, что в данном случае решающее значение должны иметь принципы германского международного права, иными словами, что исключительно на основании этих принципов должен быть разрешен вопрос, какое право должно иметь применение — русское или германское. В силу германского международного частного права, как это установлено юриспруденцией и наукой и что равным образом учтено апелляционным судом при исках, вытекающих из обязательственных отношений, аналогичных данным отношениям, решающим при определении того права, какое должно быть применено, является волеизъявление сторон. В данном случае, это говорит в пользу применения русского права. Возражения истцов о том, что подписка на заем была оформлена в Германии, едва ли может что-либо изменить, равным образом как и ссылка на решение суда по делу торгового представительства против Опивака от 8 октября 1929 г. Для отвода первого возражения достаточно сослаться на судебные решения от 18 января и 27 августа 1930 г. В решении, на которое ссылаются истцы, суд лишь мельком затронул вопрос о том, какое право должно быть изменено. Причем решение базировалось совсем на других соображениях. Достаточно указать, что в этом деле истец не был направлен советским правительством к ответчику на работу,

а проживал с 1931 г. в Германии и здесь же поступил на работу к ответчику.

Возможность применения русского права была бы тем не менее исключена, если бы оно противоречило добрым нравам или содержанию какого-либо германского закона. Истцы собираются использовать и этот аргумент, утверждая, что подписка на заем противоречит закону о держателях выигрышных ценных бумаг от 8 июня 1871 г. Ссылаясь на действующее в Германии законодательство, истцы в жалобе утверждают, что распространение иностранных займов на территории германской империи запрещено и наказуемо. Однако, здесь имеет место другое положение, ибо займы, о которых идет речь в данном случае, не были выпущены на территории германской империи, на основании германского имперского закона, а в СССР, т. е. в советском государстве на основании его законов и для его надобностей. При этом подписка истцов на заем вовсе не преследовала целей распространения или продажи в Германии на биржах, или в других местах, ценных бумаг, что именно предусмотрено германским законом. Таким образом, закон от 8 июня 1871 года не может ни в какой степени служить основанием для запрещения подписки в Германии на выигрышные займы, выпущенные за границей. Равным образом, совершенно правильны рассуждения апелляционного суда по поводу утверждения истцов о том, что поведение ответчика противоречит добрым нравам. Вопрос о противоречии добрым нравам должен быть рассмотрен об'ективно и с учетом всех обстоятельств.

Даже некоторое давление со стороны ответчика по отношению к своим сотрудникам, русским гражданам, не может рассматриваться как нечто предосудительное. Напротив, можно даже говорить о моральной обязанности истцов подписаться на заем, выпущенный их родиной. Надо также иметь в виду, что истцы, получая крупную заработную плату, выплачивали в погашение займа небольшой процент этой своей заработной платы. Впрочем, допрос свидетелей отнюдь не доказал, что в данном случае ответчиком была пущена в ход формально или молчаливо угроза увольнения. Предположения о том, что в случае отказа от подписки на заем, истцы могли бы ожидать каких-либо неприятностей у себя на родине, не имеют под собой почвы. Если это предположение и верно, то факт этот мог бы быть объяснен теми особыми условиями и обстановкой, которое имеет место у них на родине. Таким образом, если внимательно изучить все обстоятельства дела, то отнюдь нет оснований характеризовать поведение ответчика как в каком-либо отношении безнравственное. Все эти мотивы суда не могут быть опровергнуты истцами.

Что касается применения русского права, то оспариваемое решение говорит по этому поводу, что истцы не могли привести ни одного законодательного постановления своего государства, которое доказывало бы, что в области трудовых взаимоотношений может применяться иностранное право. Их ссылка на ст. 66 рус-

ского кодекса законов о труде и на ст. 36 гражданского кодекса РСФСР неверна. Можно даже сомневаться в том, запрещает ли затронутая статья кодекса выплату заработной платы облигациями или временными свидетельствами. Также не имеет под собой почвы ссылка на ст. 36 гражданского кодекса. Согласно имеющимся данным, в данном случае не может быть речи о конкретной угрозе или применении силы. Истцы не привели ни одного аргумента, доказывающего недействительность или уязвимость подписки на заем. Следовательно, их утверждение о недопустимости подписки на заем, в силу норм советского права, должно быть отвергнуто.

В кассационной жалобе это положение совершенно напрасно оспаривается. Ст. 7 русского гражданского процессуального кодекса 1923 г., допускающая, по мнению истцов, применение германского права, гласит следующее (Макаров, русское международное частное право, журнал «Ост Рехт» 1926, стр. 39): «при рассмотрении судом совершенных за границей договоров и актов принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах которого они совершены».

Можно согласиться с Макаровым, что на основании такой нормы правило «Локус регит актум» относится не только к форме договоров и актов, но также и к их содержанию. Но этой нормой, которая, повидимому, рассчитана исключительно для применения ее русскими судебными инстанциями, нельзя руководствоваться здесь, поскольку в данном случае вопрос о том праве, какое должно быть применено, должен быть разрешен на основании норм германского международного частного права, которое гласит, что в настоящем споре должно быть применено русское право. В соответствии с этим обжалуемое решение правильно, поскольку оно исходит в данном случае из ст. 66 русского кодекса законов о труде и ст. 32 гражданского кодекса. Статья 66 гласит следующее: «Уплата вознаграждения производится деньгами, и, поскольку это оговорено в трудовом или коллективном договоре, натурой (предоставление помещения для жилья, продовольствием, предметами личного потребления). Условия выдачи вознаграждения натурой и порядок ее расценки устанавливается договором». Статья 32 гражданского кодекса гласит: «Лицо совершившее сделку под влиянием обмана, угроз, насилия или вследствие злонамеренного соглашения его представителя контрагентом, или вследствие заблуждения, имеющего существенное значение, может требовать по суду признания сделки недействительной полностью или в части».

Соображения, высказанные апелляционным судом в этой части, в кассационной жалобе не опровергнуты. Здесь также нельзя усмотреть нарушения, предусмотренного ст. 32 гражданского кодекса.

Во всяком случае в этой части вопрос не относится к компетентности кассационного суда. То же надлежит сказать и в отношении

вопроса о неосновательном обогащении и невыполнении трудового договора, каковыми доводами истцы хотят воспользоваться, ссылаясь на нормы русского права. В обжалуемом решении установлено, что суммы, удержанные из заработной платы истцов были переведены в Государственный Банк.

По всем изложенным соображениям, кассационная жалоба остальных истцов оставляется без последствий».

ГРЕЦИЯ

ДЕЛО А. СУССАНИСА ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ГРЕЦИИ [1])

Решение суда I инстанции гор. Афины 10 июля 1929 г.

Сущность дела.

Истец греческий гражданин Апостол Суссанис вчинил в греческом суде иск против Торгпредства СССР в Греции об уплате ему 1.425.487 драхм и требовал принятия охранительных мер по отношению к имуществу ответчика. Речь шла о наложении исполнительного ареста на участок земли, расположенный в Афинах и принадлежащий СССР. В своем исковом заявлении истец указывал, что 12 мая 1921 года он продал Новороссийскому Отделению Внешторга «чьим представителем в Греции является Торпредство СССР» 8.718 клг цейлонского чая, подлежащих сдаче сиф Новороссийск по прибытии туда п/х «Вельхерс». Цена чая была обусловлена в 11,40 франков клг. Сделка кроме того предусматривала срок уплаты стоимости чая и производства Полпредством СССР в Турции окончательных расчетов по этой сделке с продавцом. Истец утверждает, что чай был им своевременно сдан ответчику, но что последний не уплатил его стоимости, удержав таковую для удовлетворения своих встречных требований. Ответчик оспаривает подсудность этого спора греческой юрисдикции и просит об отмене ареста на земельный участок, ссылаясь на то, что этот участок принадлежит суверенному государству — СССР.

Правовая сторона.

Истцом представлены в обоснование своей претензии следующие документы: 1) Акт о приемке чая; 2) судебное определение о наложении ареста на участок. Из этого последнего документа явствует, что участок принадлежит российскому государству в лице Советского Полномочного представительства и был приобретен этим государством в 1913 году (еще до большевизма). Далее из дела явствует, что истец вступил в 1921 году в непосредственные договорные отношения с органами Российского Государства. Между тем иск обращен не к органам фиска этого государства, представленным в Греции Советским Посланником, а к Торговому Предста-

[1]) Решение суда, как неправильное и противоречащее как договорным отношениям между СССР и Грецией, так и началом, принятым в международной практике, обжаловано. Окончательного решения еще не вынесено.

вительству. Истец утверждает, что согласно точного смысла ст. 7 закона, которым была ратифицирована конвенция между Россией и Грецией о торговле и мореплавании, Торговое Представительство представляет российский фиск во всех его коммерческих действиях и отношениях с греческими гражданами, к числу которых принадлежит и истец, и в отношении тех действий, которые имели место до вступления в силу этой конвенции. С этим толкованием нельзя не согласиться. Из этого следует, что истец ищет с Торгового Представительства на законном правовом титуле.

Следует однако, руководствуясь принципами, признанными международным правом и основанными на независимости иностранного государства и уважении к его суверенитету, принципами, нашедшими свое выражение в ст. 26 нашего гражданско-процессуального кодекса, в силу которой неподсудны греческой юрисдикции лица, пользующиеся правами экстерриториальности, — сделать тот вывод, что иностранное государство не подчиняется юрисдикции другого государства. Однако, в то же время нельзя не признать, что этот принцип применяется лишь по отношению к тем действиям суверенного государства, которые являются выражением его политического суверенитета и независимости. Подчинение этих действий государства иностранной юрисдикции повело бы к умалению прерогатив государственной власти и, вступило бы, таким образом, в противоречие с указанным выше принципом. Между тем спорная сделка, которая послужила основанием для иска, отнюдь не может рассматриваться, как действие, осуществленное в порядке суверенитета и независимости российского государства. Наоборот, эта сделка является частно-правовым действием, в котором российское государство-ответчик выступает в качестве фиска, то есть, как субъект частного права. Если иностранное государство выступает в таком качестве, то оно подчиняет себя юрисдикции судов другого государства, в частности юрисдикции греческих судов и должно рассматриваться в силу доктрины и принципов, применяемых в международном праве в качестве надлежащего ответчика по иску, возбужденному греческим гражданином перед греческим судом. Выступая в гражданском обороте в качестве субъекта частного права, государство ни в какой степени не испытывает умаления своей независимости или суверенитета и не может в этих случаях ссылаться на экстерриториальность, предусмотренную вышеприведенной статьей 26 нашего кодекса. При этих обстоятельствах отвод о неподсудности, заявленный ответчиком, не может быть уважен.

С другой стороны конвенция между Россией и Грецией о торговле и мореплавании, ратифицированная законом 1929 года, вовсе не имеет в виду устанавливать некомпетентность греческих судов в том, что касается взаимоотношений, возникших между греческими гражданами и российским государством до заключения этой конвенции. Хотя в конвенции говорится о взаимоотношениях, возникших после ее заключения, из этого отнюдь не следует, что гре-

ческие суды некомпетентны обсуждать взаимоотношения, которые, подобно настоящему, возникли, до ее заключения. С этой точки зрения аргументы, доказывающие обратное, не могут быть признаны обоснованными.

Также должен быть отведен и аргумент об истечении по этой претензии в силу норм русского права сроков давности, поскольку, во-первых, истечение давности не доказано и поскольку, во-вторых, правовые вопросы, связанные с этой сделкой, должны регулироваться законами места ее исполнения, то есть турецкими законами.

Что касается определения о наложении ареста на земельный участок, то определение это надлежит аннулировать, поскольку речь идет о недвижимости, находящейся в распоряжении иностранного дипломатического представительства, из этого в силу принципа экстерриториальности, из действия местной юрисдикции. Этот принцип исходит из фикции того, что помещения иностранных представительств продолжают как бы оставаться на иностранной территории и, таким образом, не подчиняются местной юрисдикции не только в силу общепринятых принципов международного права, но и в силу правил, установленных нашей гражданско-процессуальной практикой и законодательством.

По существу же претензий: поскольку ответчик — российское государство — оспаривает ее обоснованность, истцу надлежит всеми доступными средствами, в том числе свидетельскими показаниями, доказать, что он действительно передал чай органам российского государства и потерпел в связи с этой операцией ущерб, возмещения которого он требует в настоящем исковом производстве.

Рассмотрение дела в этой части, суд переносит до представления истцом указанных доказательств, для чего ему предоставляется 90-дневный срок».

ГОЛЛАНДИЯ

ИСК ДЕ-ФРОЭ ПРОТИВ СССР

Решение Амстердамского Трибунала от 11 января 1932 г.

«Эдуард Де-Фроэ, адвокат и стряпчий, проживающий в Амстердаме, выступающий в качестве куратора наследства Иоганна Карла Лаутербаха 25/II-31 г. против ответчика, Русского Государства, именуемого ныне Союз Советских Социалистических Республик, не обладающего в королевстве ни домицилием, ни известным местом жительства, но фактически находящегося в Москве.

Русское Государство на судебное следствие не явилось.

Суд, учитывая неявку ответчика и, ознакомившись с материалами, устанавливает, что истец, как это он указал в своем исковом заявлении, назначен куратором наследства Лаутербаха определением районного амстердамского суда, при чем сам Лаутербах проживал в Амстердаме, Дворцовая ул., 108 и скончался там 23 января 1931 года.

Из инвентарной описи, составленной 9 июня 1931 г. нотариусом М. Клювером, явствует, что в актив этого наследства входит, помимо прочего, облигация государственного консолидированного русского займа 1880 г., 6-го выпуска № 40240, причем эта облигация процентная из 4% в год на номинальную сумму 125 руб. золотом.

Эта облигация, согласно указания в ее тексте, выходит в тираж, причем в этом случае стоимость ее возмещается суммой в 125 руб. золотом.

Эта облигация вышла в тираж в мае 1917 г. и с этого момента ее стоимость подлежала выплате банку Лимпан-Розенталь и К-о, находящемуся в Амстердаме.

Общеизвестно, что, начиная с 1 декабря 1917 г. и с этого момента беспрерывно ответчик, который ныне именуется Союз Советских Социалистических Республик, прекратил и отказывается возмещать стоимость облигаций, аналогичных той, которая является предметом спора.

Вследствие этого истец требует уплаты:

а) 125 руб. золотом, составляющих стоимость указанной облигации, вышедшей в тираж в мае 1917 года, и с этого момента подлежавшей погашению;

б) процентов по этой облигации из расчета 4% годовых в Нидерландской валюте.

Истец ходатайствует, чтобы суд присудил ответчику уплатить истцу 125 руб. золотом или эквивалент этой суммы в нидерландской валюте плюс проценты и судебные издержки.

В своем исковом заявлении истец пространно доказывает, что суд компетентен разбирать этот спор.

Действующее процессуальное право устанавливает правило, в силу которого в случае неявки ответчика, надлежащим образом извещенного о судебном заседании, утверждения истца должны быть признаны бесспорными, лишь бы только сам суд не нашел их несправедливыми и необоснованными. Это правило не освобождает судью от обязанности решить вопрос о том, компетентен ли он, принимая во внимание предмет спора, рассмотреть таковой.

В данном случае, исковое заявление содержит требование о присуждении с ответчика, который является Русским Государством, именуемым в настоящее время Союз Советских Социалистических Республик, возмещения в капитале и процентах облигации русского консолидированного займа 1880 г. 6-го выпуска № 402540, стоимостью в 125 руб. золотом плюс 4% годовых, облигации, которая в силу относящихся к этому правил вышла в мае 1917 года в тираж, подлежала с этого момента возмещению банку Липман и Розенталь в Амстердаме, но осталась невыплаченной, так как ответчик отказался произвести этот платеж.

Как это формально предписывает ст. 13 общих положений королевского законодательства, юрисдикция судьи ограничивается изъятиями, установленными в международном праве, и что следует рассмотреть, не имеется ли здесь такое изъятие.

Хотя нет единства в вопросе о том, может ли в принципе суверенное государство, не выразив на это своего согласия быть подсудно суду другого государства, можно считать установленным, правда, по различным основаниям, что привлечение недопустимо в тех случаях, когда, как это имеет место здесь, истец настаивает на правах, вытекающих из государственных займов, размещенных путем публичной подписки.

Вследствие этого суд должен заявить себя некомпетентным рассмотреть данный иск.

Признавая уважительной неявку ответчика, суд признает себя некомпетентным рассматривать данный иск и присуждает истца к уплате судебных издержек.

ИТАЛИЯ

ДЕЛО ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ИТАЛИИ ПРОТИВ НЕВОЗВРАЩЕНЦА Г. СЛОМНИЦКОГО

Решение Кассационного Суда от 17 февраля 1933 г.

«Сущность дела.

Генрих Сломницкий, советский гражданин, проживающий в Италии, был 29 января 1929 г. принят на работу в Торгпредство СССР в Италии (Милан) в качестве специалиста по торговле шелком.

1 июля 1932 года он вчинил перед трудовой магистратурой Миланского суда иск к названному Торгпредству. Исходя из того, что 8 января 1932 года он был уволен без предупреждения и соответствующей компенсации. Сломницкий требовал, чтобы ответчик был на основании действующего в Италии трудового законодательства присужден к уплате ему 1012,5 ам. долларов в качестве вознаграждения за увольнение без предупреждения, за выслугу лет, за недополученную заработную плату и за неиспользованный отпуск. Торгпредство, ссылаясь на некомпетентность итальянского суда, поскольку итальянское трудовое законодательство не может применяться к трудовым отношениям Торгпредства и его сотрудников, просит иск отклонить. Трудовая магистратура согласилась с отводом, заявленным ответчиком. Сломницкий решение это обжаловал в Миланскую судебную палату, которая удовлетворила его жалобу, признав дело подсудным итальянской юрисдикции и подлежащим разбору на основании норм итальянского трудового законодательства.

Торговое представительство в свою очередь просит Королевский Кассационный суд кассировать это решение Миланской Палаты.

Правовая сторона.

Кассационный Суд отменяет решение Миланской Судебной Палаты по следующим мотивам:

Решение трудовой магистратуры Миланского Суда правильно признает, что русское государство является одним из субъектов спорного правоотношения и что торгпредство в Италии, вступая в это правоотношение, действовало как орган этого государства и от имени последнего.

Следовательно, должен быть безусловно отвергнут противоположный юридический тезис истца о том, что торгпредство пред-

ставляет собой юридический субъект, отличный от русского государства, самостоятельное юридическое лицо, действующее исключительно в сфере частного права и могущее таким образом создавать только частные правоотношения.

Подобный тезис сильно противоречит статье 4-й упомянутого Итало-Советского договора, который прямо говорит о юридических сделках, заключенных правительством Союза «через его торгпредство в Италии». Отсюда с достаточной очевидностью вытекает, что вышеуказанные сделки должны рассматриваться, как заключенные непосредственно русским государством и что торгпредство является просто органом, через посредство которого такие сделки заключаются.

В виду всего этого можно с уверенностью утверждать, что один из субъектов, между которыми было заключено разбираемое служебное отношение, носит характер публично-правовой, и к тому же международно-правовой личности; органами публично-правовыми несомненно являются поэтому те органы, посредством которых русское государство устанавливает вышеуказанное правоотношение.

Итало-Советский договор содержит в себе прямое признание как торгпредства Союза в Италии, так и его органов, и чтобы подчеркнуть, что в них содержится прямое выражение международно-правовой личности иностранного государства, части состава торгпредства представлен кроме того дипломатический иммунитет, за торгпредством и его органами признано право на шифр.

Из сказанного следует сделать вывод, что акты посредством которых Русское Государство производит организацию своего торгпредства и зависящих от него органов, хотя и совершенные на территории иностранного государства, поскольку эти акты направлены на обеспечение потребностей международного порядка, являются выражением политической власти. Эти акты, таким образом, входят в число тех, которые могут быть совершены только субъектом публичного права и поэтому неправильно утверждение суда, что они могут быть совершены любым лицом.

2. Кроме того, публичный характер имеют и те функции, которые торгпредство Русского Государства собиралось обеспечить через посредство своих служащих и для выполнения которых в Италии эти служащие были предназначены. Судебное решение в этом отношении не обратило внимания на то, что на торгпредство и его органы возложено по договору не только осуществление от имени и за счет Союза внешней торговли в Италии, но и другие довольно важные задачи, в постоянном иммунитетном публичном характере которых не может возникнуть никакого сомнения.

В самом деле, торгпредство имеет своей задачей также: а) представлять интересы Союза и его граждан в области внешней торговли; б) регулировать внешнюю торговлю и товарообмен между Союзом и Италией, согласно законам Союза, поскольку они не находятся в противоречии с законами Италии; в) содействовать развитию

торговых отношений между правительством Союза и Италии путем взаимной информации и другими мерами.

Значит и служба в торгпредстве относится не только к осуществлению внешней торговли, но и к остальным функциям.

С другой стороны, Миланская судебная палата в своем решении признает, что функции торгпредства, поскольку они относятся к внешней торговле, могут быть сведены к чистому и простому частному осуществлению торговой деятельности, которая целиком может быть приравнена к деятельности любого купца.

Это мнение также представляется неправильным и подлежащим критике с различных точек зрения.

И функции торгпредства, касающиеся осуществления внешней торговли, также не сводятся к простому заключению торговых сделок купли-продажи, найма, договоров, экспедиции, перевозки и т. д. Торгпредство должно заниматься и другого рода деятельностью — изучением, подготовкой, контролем, т. е. актами, которым чуждо всякое представление о торговом акте, но которые входят в число государственных функций, которые ему специально представлены в этой области.

С другой стороны, тот факт, что торгпредство и его органы уполномочены на совершение на нашей территории и в осуществление внешней торговли своего государства актов, которые с точки зрения наших законов и в отношении третьих лиц должны рассматриваться как общие сделки частных лиц, никоим образом сам по себе не оправдывает того вывода, к которому пришел Миланский трудовой суд, а именно, что вся деятельность этого органа и все ее последствия должны рассматриваться, как частно-правовые и приравниваться к обычной торговой деятельности.

Представление органу публичного права возможности совершать и торговые сделки не меняет особого характера функций, преимущественно свойственных этому органу согласно его внутренней конституции.

А между тем осуществление внешней торговли русским государством в своей совокупности представляет собой функцию по существу публично-правового характера, являясь таковой согласно внутреннему строю этого государства: в силу его конституции (ст. 1), установлен в этом отношении новый политический режим, осуществляемый соответственным Народным комиссариатом.

Эта функция должна считаться публично-правовой и по отношению к итальянскому государству, которое заключило для сего соответственный договор с Русским Государством, исходя из того, что монополия внешней торговли принадлежит государству «и для предоставления возможности» торгпредству и его органам выполнять на территории Италии функции, возлагаемые на это представительство правительством Союза».

Таким образом, по этому договору имелось в виду сделать возможным для торгпредства осуществление тех его функций, которые требуются от него, согласно конституции страны происхождения,

т. е. функций публичных и государственных; чтобы предоставить Русскому Государству осуществление торговли в Италии под видом простого частного лица, для этого не было бы необходимости в признаниях и разрешениях, так как для этого достаточно было бы применения ст. 3 нашего гражданского кодекса, которая предоставляет всем иностранным юридическим лицам осуществление гражданского права.

Если затем по причинам чисто случайным и в силу непреодолимой необходимости сообразоваться с нашим законодательством, советское торгпредство вынуждено было в деле осуществления внешней торговли Русского Государства подчиниться в некоторых отношениях нормам нашего частного права, то логически нельзя отсюда вывести, что его характерная государственная функция от этого прекратилась и что от соприкосновения с нашими законами она совершенно изменилась, превратившись в чистую и простую коммерческую деятельность.

Таким образом, явствует, что, вступив в служебное отношение, которое здесь разбирается, Русское Государство имело целью осуществление публичных функций. Следовательно, и с этой точки зрения полностью падает вся та особая юридическая концепция, которую усвоил себе суд, исходя из предпосылки, что функции, которые должен был выполнять истец, входят в область частного права.

3. В судебном решении содержится также утверждение, что разбираемое служебное отношение должно рассматриваться, как акт акцессорный к торговле, осуществляемой торгпредством в Италии. Это утверждение также не выдерживает критики. Мнение, усвоенное Миланской палатой, является несостоятельным, так как функция, направленная на создание органов государства, предназначенных для осуществления определенных задач публично-правового характера, не может явиться акцессорной и субсидарной для другой деятельности чисто торгового характера, которая в последствии может осуществляться через посредство этих органов.

4. Наконец, Миланская палата не отметила того факта, что в данном случае мы имеем дело с трудовым отношением, стороной в котором выступает публично-правовой институт, наделенный качествами суб'екта международного права, получивший на этом основании в силу специального договора разрешение на осуществление своей деятельности на нашей территории. Преобладающая доктрина и последняя практика Верховного Суда придерживается того мнения, что при рассмотрении трудовых отношений следует полностью оставлять в стороне вопрос о характере осуществляемых в порядке трудового найма функций, но что в то же время нельзя проводить грани, между работниками умственного и физического труда, между руководителями и исполнителями.

Доктрина и юриспруденция считают, что в публичных отношениях найма не могут усматриваться свойства обычного частно-правового трудового договора. Эти отношения должны напротив рас-

сматриваться, как односторонний акт, который вступает в силу, независимо от принятия его другой стороной. Эти отношения входят в понятие сделок публичного права.

Эти принципы, находящие свое применение в тех случаях, когда стороной в таком трудовом отношении выступает Итальянское Государство нельзя игнорировать в том случае, когда стороной выступает иностранное государство, в особенности, когда речь идет о публичных функциях этого государства, осуществление которых на нашей территории разрешено специальным договором...».

... Верховный Суд кассирует решение Миланской Судебной Палаты и отсылает дело в трудовую магистратуру суда в Брешии на новое рассмотрение».

ДЕЛО ОБ ИМУЩЕСТВЕ ПАЛЕСТИНСКОГО О-ВА В БАРИ

Содержание дела.

В 1882 г. в России было образовано «Палестинское Православное Об-во». Задачей Общества являлась пропаганда православия. По существу, Об-во являлось одним из каналов проведения экспансии царизма на Востоке. Академическая сторона деятельности Об-ва — разработка и изучение археологии Востока — была второстепенной задачей. Разумеется, Об-во после революции подверглось реорганизации: вначале при временном правительстве, а затем после октября 1917 г., Об-во было освобождено от чуждых Октябрю целей и ему был придан исключительно академический характер историко-археологического Об-ва по изучению Ближнего Востока при Академии Материальной Культуры в Ленинграде.

Будучи юридическим преемником б. православного Об-ва, Об-во по своей реорганизации занялось собиранием принадлежащего ему огромного имущества за рубежом, расхищаемого разного рода проходимцами, бежавшими от революции и присвоившими себе имущества о-ва в Италии, Палестине и Сирии.

Печатаемые в настоящем сборнике решения Итальянского суда отражают борьбу правления Об-ва в Ленинграде за свое имущество в Италии. Процесс, несмотря на очевидность прав Об-ва еще не закончился.

Передача имущества законному собственнику наталкивается на сопротивление клерикальных кругов, поддерживающих остатки разгромленного Октябрем «православия» в Италии. Имущество о-ва в Бари, состоящее из земельного участка и целого ряда построек, находится формально под судебным секвестром, но фактически в руках б. служащих О-ва.

В сборнике приводятся решения апелляционного суда г. Бари от 2/VIII-29 г. и кассационного суда в Риме от 11/III-30 г.

Тексты решений даются в основных выдержках.

Решение Апелляционного суда в Бари

«Принимая во внимание, что Рос. Пал. О-во утверждает, что является тем же Об-вом, вначале называвшимся правос. Пал. О-вом,

а впоследствии импер. правосл. О-вом и что оно только изменило наименование и устав.

1. На это приводится возражение, что для того, чтобы с этим согласиться, необходимо было бы, чтобы эти изменения были результатом решения общего собрания членов, созванных надлежащим образом, согласно ст. 38 предыдущего устава.

Это неверно, потому что преобразованное О-во было признано в России, откуда вывод, что здесь не нужно было новое признание со стороны итальянского государства, потому что действительное признание со стороны государства происхождения не подлежит оспариванию.

2. Все дело, следовательно, в вопросе — нужно ли здесь новое признание со стороны итальянского государства или нет.

Наш гражданский кодекс, упомянув в ст. 1 о предоставляемом гр-ну пользовании гражданскими правами, и в ст. 2 о таком же пользовании, предоставляемом законнопризнанным юридическим лицам, рассматриваемым как физические лица, в ст. 3 постановляет: «иностранцу предоставляются гражданские права, признаваемые за гражданами».

Это слово «иностранец», взятое как имя существительное и без ограничения, допускает распространение его как на иностранный индивидуум, так и на юридическое лицо...».

«...Величайшей заслугой итальянского законодателя является то, что он безоговорочно ставит иностранца в равное положение с итальянским гражданином в отношении пользования гражданскими правами.

Если бы в упомянутой ст. 3 следовало подразумевать, что речь идет не об иностранном юридическом лице, то последнее, при отсутствии всяких других постановлений, в силу нашего кодекса, было бы совершенно исключено из пользования гражданскими правами, которыми напротив пользуется, хотя и с ограничениями в силу большинства всех прочих законодательств менее либеральных, чем наше.

И, таким образом, то, что является самой великой заслугой в области прогресса частных международных отношений для итальянского законодателя превратилось бы в нечто принижающее его. Поэтому логическое истолкование его мысли, если исходить из цели рассматриваемого положения, приводит к признанию того, что это положение относится как к физическому иностранному лицу, так и к юридическому.

Ст. 2 гражд. кодекса говорит о законно-признанных юридических лицах, но ничего не говорит, каково должно быть это признание и еще меньше говорит об этом в отношении иностранных юридических лиц.

Остается только, следовательно, применить к ним ст. 6 вводных постановлений, в которой говорится:

«Положение и правоспособность лиц... регулируется законом нации, к которой они принадлежат».

Как видно, здесь говорится о лицах вообще, без различия или ограничений, и непонятно, почему из этого положения следует исключать юридические лица. Таким образом, иностранное юридическое лицо считается и в Италии законопризнанным, если только было признано государством его происхождения.

3. По вопросу о необходимости нового признания приводится закон 5/VI 1850 г.

Но этот закон только требует правительственного разрешения в случае дарения или наследства.

Вследствие этого напрасно ссылается Жевахов на декрет 4 I 1912 года, которым как раз на основании вышеупомянутого закона разрешается в виде льготы приобретение участка земли в Бари под постройку русской церкви и русского убежища, приобретенного импер. правосл. Пал. О-вом на основании договора о купле-продаже, по нотариальному акту Леони 27/VII 1911 г.

Вышеприведенный декрет должен был бы послужить для доказательства того, что старое общество, за представителя которого выдает себя Жевахов, получило надлежащее признание со стороны итальянского правительства, в то время как такого признания не имеется, якобы, у нового О-ва, представителем которого выступает проф. Членов.

Отсюда ясно, что декрет, о коем идет речь, принимает заявление русского юридического лица, которое, будучи признанным в России, считается все же учрежденным в надлежащем порядке и допускается к пользованию гражданскими правами в нашей стране.

Естественно, что до выдачи разрешения необходимо было рассмотреть цели приобретения, чтобы удостовериться, совместимы ли эти цели с нашими законами и не противоречат ли они соображениям публичного порядка. В самом деле, у нас имеется ст. 12 вводных постановлений к гражд. кодексу, в силу которой законы, акты и решения иностранного государства и частные постановления и конвенции (речь идет о тех, которые касаются иностранцев) ни в коем случае не могут идти в разрезе с запретительными законами Италии, относящимися к лицам (здесь разумеются также и юридические лица).

Эта статья доказывает, кроме того, что итальянское государство сумело бы найти оружие защиты против возможной вредной деятельности иностранных юридических лиц, что делает неосновательными опасения, выставляемые теми, кто поддерживает мысль о необходимости нового предварительного признания вышеупомянутых лиц.

4. Но то, что Рос. Пал. О-во было признано Союзом ССР явствует из удостоверения, выданного Посольством Союза в Италии от 24 IX 1926 г., которым свидетельствуется «что Правительство Союза признало общественную полезность деятельности Рос. Пал. О-ва (бывш. Правосл. Пал. О-ва) и одобрило его устав, согласно проек-

та, представленного этим О-вом в Минвнудел Российской Республики в 1917 г. при Временном Правительстве.

Известно также, что устав был зарегистрирован под № 77 при Адморгчасти Наркомвнудела, ст. 1 которого гласит: «Рос. Пал. О-во, которое было основано в 1882 г. под названием Прав. Пал. О-во, и изменило впоследствии это название в Имп. Правл. О-во, продолжающее с 1917 г. свою деятельность под настоящим наименованием имеет нижеследующие цели и т. д.

Таким образом, нет сомнения в том, что речь идет о том, же О-ве, которое приобрело имущество в Бари и которое изменило свое наименование и устав.

И так как бесспорно, что устав, учреждая юридические лица, обладает также силою для упразднения их и тем более для преобразования, то нельзя отрицать, что указанное О-во в теперешнем своем преобразованном виде имеет все права на то, чтобы быть признанным также в Италии в качестве собственника имуществ.

6. По этому последнему поводу приводится не к месту абзац 7 вводных постановлений, в котором говорится, что недвижимое имущество подчиняется законам страны, где они находятся.

7. Говорится, наконец, о том, что русское правительство конфискует имущество, принадлежащее частному О-ву, но говорится это неосновательно, потому что здесь речь идет наоборот о том, чтобы вернуть Рос. Пал. О-ву имущество, которое ему принадлежит по итальянскому закону соответственно закону русскому.

По этим мотивам суд, заслушав поверенных сторон, высказавшись по поводу апелляции Рос. Пал. О-ва, выдвинутой актом от 1 мая 1928 г., против решения Трибунала в Бари 16—27 марта того же года, против князя Николая Жевахова, Александра Алексеева и Владимира Каменского принимает вышеупомянутую апелляцию и в изменение оспариваемого решения Суда постановляет нижеследующее:

1. Отменяет судебный секвестр, разрешенный председателем Трибунала в Бари распоряжением от 11/IV 1922 г.

2. Постановляет передачу апеллирующему Рос. Пал. О-ву имуществ, бывших предметом вышеупомянутого секвестра, а именно:

а) участок земли,

б) строений, существующих на этих участках.

3. Приказывает Николаю Жевахову, Александру Алексееву и Владимиру Каменскому сдать отчет каждый в части к нему относящейся в управлении и заведывании указанным имуществом, по нормам закона и в трехмесячный срок со дня извещения об этом.

4. Присуждает князя Николая Жевахова к уплате в пользу Рос. Пал. О-ва издержек.

Так решено 2 августа 1929 г., в помещении Гражданского Отдела Суда в Бари.

«Апелляционный Суд в Бари, исключив необходимость признания со стороны Итал. П-ва, поскольку Российское О-во было признано Советским Пр-вом, признал, что из документов явствует, что новое О-во является продолжением старого; и на основании этого отменил секвестр и приказал выдать имущество последнему.

Против этого решения выступил с жалобой кн. Жевахов, требуя кассации по 6 доводам: Рос. О-во возражает против недопустимости жалобы как потому что Жевахов не раз'яснил выступает ли он в качестве доверенного Правосл. О-ва или же в качестве хранителя секвестрованного имущества, так и потому, что он незаконно присвоил себе звание представителя О-ва.

Первый из доводов жалобы стоит особняком, так как касается пропущенного упоминания в оспариваемом решении об обстоятельном и особом дополнительном заключении, предетавленном защитою Жевахова; остальные же могут быть разбиты на две группы, а именно: первые (2, 4 и по существу также и 3 доводы) обращены против утверждения апелляц. суда, будто иностранное юридическое лицо, получившее признание со стороны своего правительства, не нуждается ли в каком «placet» для пользования гражданскими правами в королевстве: а другие (5 и 6 и в некотором отношении также 3) содержат жалобу на то, что они были отвергнуты без мотивировки и что были обойдены молчанием основные доводы в пользу признания существования старого О-ва и отсутствие факта законного преобразования его в новое; в неправоспособности последнего, на основании советского законодательства владеть на правах собственника недвижимостью и, следовательно, требовать возвращения ему ее, как собственнику.

Вопросы, к которым относятся доводы 1 группы, хотя и считаются главными обеими сторонами и даже судом в действительности, по настоящему делу имеют второстепенное значение. Два иностранных юридических лица пред'являют притязания на собственность на находящееся в Италии имущество, собственность, которой одно из них в прошлом безусловно обладало вследствие приобретения с надлежащего разрешения Итал. Пр-ва, и которую другое лицо считает принадлежащей ему, как продолжателю предыдущего лица с измененным именем и с несколько ограниченными целями. Таким образом, существенным здесь является вопрос об идентичности обоих Обществ: ибо, если бы второе не явилось продолжением лица первого, то его выступление в процессе было бы недопустимым, совершенно независимо от отсутствия факта признания его Итальянским Пр-вом. Верховный суд считает, что если даже держаться по этому поводу самого крайнего мнения, то эту крайность нельзя доводить до того, чтобы считать необходимым новое признание при каждом изменении, которому подвергается иностранное юридическое лицо после допущения его в Италии.

Но здесь следует пойти еще дальше в этом направлении, т. е.

исключить необходимость нового признания, даже если речь идет о радикальных изменениях, потому что в Италии к пользованию гражданскими правами допускаются на основании общего принципа ст. 3 Гражд. Код., иностранные юридические лица без необходимости признания их личности итал. государством.

Что касается второго возражения, то на него нетрудно ответить тем, что нельзя приписывать универсального или сверхнационального значения закону страны происхождения юридического лица, когда для определения законного существования его делается ссылка на этот закон, также точно как нельзя придавать ему универсального значения, когда, напр., его об'являют регулятором правоспособности и состояния этих лиц, где бы ни протекала их деятельность (ст. 6 вводных постановлений).

Еще одно возражение делается в том смысле, что недопустимо, чтобы государство отказалось от контроля законности уставных целей иностранного лица до тех пор, пока это лицо не допущено к пользованию в королевстве гражданскими правами наравне с юридическими лицами, получившими в Италии законное признание. Но опасение, что, освобождая иностранные юридические лица от обязанностей получить в Италии подтверждение их личности, этим самым создается риск в том смысле, что это влечет за собой необходимость терпимо относиться к вредной деятельности нежелательных учреждений, — неосновательно, ибо против опасности государство вооружено как возможностью применения полицейских мер, предписываемых законом против иностранцев, забывающих свой долг по отношению к приютившей их стране, так и его правом отрицать на основании ст. 12 вводных постановлений и изложенных в ней соображений, деятельность их личности и их устава, признанных за ними за границей.

Таким образом, доводы первой группы отвергаются: по совершению другого отношения заслуживают доводы второй группы.

Суд в Бари признал собственником спорных имуществ Российское Палест. О-во, считая его «тем самым О-вом, которое приобрело (в 1911 г.) эти имущества, изменив только его наименование и устав».

Суждение об идентичности этого О-ва с Правосл. Палест., очевидно, не есть суждение чисто фактическое, потому что предполагает правовую оценку о преемственности, каковое обстоятельство, естественно, и оказалось поводом к переносу дела в кассационный суд. Таким образом, нельзя сомневаться в допустимости выдвигаемой по этому поводу критики. К этому нужно прибавить еще, что нельзя подвергать серьезному сомнению также и основательность этой критики.

Преобразование юридического лица происходит только по его же собственному почину или по постановлению, принятому в порядке, определяемом его уставом и допускаемом тем законом, который устанавливает его правоспособность; или же по постановле-

нию как общему, так и особому компетентных органов общественной власти.

По этому поводу суд утверждает, что в данном конкретном случае преобразование состоялось, но только суд не указывает, откуда, собственно, он заимствует это свое убеждение; он и не заботится о том, чтобы разузнать, было ли это преобразование вызвано постановлением самого О-ва или распоряжением правительства, как будто бы это совсем не важно. Суд здесь даже впадает в противоречие, потому что, ссылаясь в одном месте на удостоверение Посольства СССР в Италии, свидетельствующее, неизвестно с какой степенью компетенции, что Правительство Союза признало общественно-полезной деятельность Российского О-ва бывш. Правосл. Палест. О-ва и утвердило его устав по проекту, представленному упомянутым О-вом Министерству Внутренних Дел Российской Республики в 1917 г. при временном правительстве, подразумевая под этим преобразование, предпринятое по воле самого О-ва, — почти не замечает с другой стороны, что «государство, имея власть создавать юридические лица может также и упразднять их и тем более преобразовывать, чем показывает, что преобразование прежнего О-ва в новое вызвано было правительственной мерой. В самом деле, в решении не приводятся ни какого-либо постановления, которое было по этому поводу вынесено О-вом, ни государственный акт о преобразовании.

И, конечно, отсутствие точных ссылок не может быть восполнено неопределенным указанием на «представление со стороны О-ва проекта нового устава, принятого в 1917 г. при временном правительстве» и утверждением того, что «новый устав был зарегистрирован под № 77 при Административно-Организационном Отделе НКВД», даже если оставить в стороне полную неопределенность дат этих фактов.

А) В самом деле, относительно первого из них неизвестно, даже как он произошел, потому что в апелляционном суде не сочли нужным, повидимому, и полезным установить, когда и кем было постановлено обновить устав, в то время как Жевахов в отношении Правосл. О-ва (подкрепляя свое изложение свидетельствами дипломатических, консульских и церковных властей, которые относясь хронологически ко времени, предшествовавшему признанию де-юре Советского правительства, не могли быть обойдены огульно молчанием без всякого об'яснения того, почему они считаются имеющими значение), утверждал, что последнее законное собрание О-ва имело место 21 мая 1917 г., когда председательница его великая княгиня Елизавета Федоровна подала в отставку и была замещена на этом посту кн. Алексеем Ширинским-Шихматовым, при чем никаких изменений в устав О-ва не было внесено. Правда, оспариваемое решение считает старое О-во прекратившим свое существование, но выводится это из обстоятельств, которые, конечно, не могут служить доказательством намерения: как напр., бегство за границу Ширинского-Шахматова, отсутствие вестей от дру-

тех членов старого совета администрации; впрочем, не говорится в нем также ничего и о том, что это относится ко времени, предшествующему дате изменения устава.

Можно, однако, и даже должно допустить, что революционное правительство имеет полное право изменять наименование и самые цели Правосл. О-ва, и что состоявшееся по его распоряжению преобразование О-ва должно иметь и в Италии действие в смысле передачи имуществ старого О-ва новому, но нельзя допустить, чтобы при жизни Правос. О-ва и при наличии его административных и решающих органов, посторонние лица и во всяком случае не имеющие законной власти по своему произволу заступили место этих органов, изменили статут О-ва и претендовали на то, что они являются продолжением О-ва. Бесспорно, что в силу вышесказанного с признанием Советского правительства Российское О-во приобрело «законное существование»; но здесь речь идет не о персонификации Российского О-ва, а об идентификации его с Правосл. О-вом.

Б) Чего нельзя заключить и еще менее считать установленным в силу другого факта, а именно, регистрации Росс. О-ва в неопределенное время под № 77 регистра юридических лиц СССР. Ничего нельзя заключить ни из спорного решения ни из меморандума возражающей стороны, каково точное юридическое действие регистрации: можно, впрочем, предположить, что она идет не дальше признания личности и не является равносильным преобразованию путем государственного акта, так как согласно заявлениям обжаловавшей стороны она содержит в себе только простое утверждение устава, выработанного О-вом, а не принуждение к принятию нового устава. Но еще другая, не менее важная ошибка содержится в мотивировке решения суда Бари. Выступление Рос. О-ва против Алексеева и Каменского имеет значение требования возвращения имущества; в отношении же Правосл. О-ва, его представителя Жевахова, выступление это носило скорее характер акта установления или об'явления его прав на спорное имущество. Будь то акт ревендикации или же акт установления этих прав он возлагал на Росс. О-во обязанность представления доказательств своих прав на существующее в Бари имущество. Однако, Жевахов отметил, что в декрете 23/I 1918 г. (т. е. более позднее, чем дата признания нового устава О-ва), опубликованном в номере 18 Бюллетеня Советской Юстиции того же года об'являлось народной собственностью все достояние, находящихся в России религиозных союзов.

И так как правоспособность лиц по ст. 6 вводных постановлений регулируется их национальным законом, то он пришел к заключению, что Росс. О-во не имело права владеть в качестве собственника и вследствие этого не могло предпринимать актов, основанных на отстаивании своего права собственности на недвижимость. Росс. О-во не оспаривало существования и содержания цитированного советского декрета, но утверждало, что СССР во

многих случаях не считал нужным осуществлять свое право национализации имущества учреждений с целями научными и культурными: к таким именно учреждениям и принадлежит настоящее О-во. Этими возражениями суд Бари совершенно не интересовался.

И посему суд

принимая во внимание ст.ст. 541, 542 Код. Гр. Судопр. кассирует спорное решение, переносит дело для нового рассмотрения в Римский Апелляционный Суд который распорядится также относительно издержек по настоящей судебной инстанции».

ДЕЛО ФИРМЫ ПИКАРДИ ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ИТАЛИИ

Решение Неаполитанского гражданского суда от 7 июля 1930 г.

В декабре месяце 1929 г., фирма бр. Пикарди закупила у Торгпредства в СССР сала на сумму 84.000 лир. Товар этот, однако, был признан не соответствующим договорным условиям; ввиду этого покупателем принят не был и в ожидании результатов химического исследования был сложен на складе экспедитора Этторе Чинкве.

Ввиду того, что к этому времени истекал срок векселя (24 марта 1930 г.), фирма 20 числа того же месяца обратилась с ходатайством в Неополитанскому Претору и добилась наложения секвестра в сумме 84.000 лир с правом производства такового также у третьих лиц.

31 марта 1930 г. т-во возбудило ходатайство о немедленной отмене секвестра, наложенного в явное нарушение торгового договора между СССР и Италией 7/III—24 г.

По мнению суда, нельзя утверждать, что воспрещение судебных мер предупредительного характера, предусматриваемое договором между Италией и СССР, распространяется на денежную наличность, помимо товаров. Ст. 3 договора, о котором идет речь, освобождает от применения судебных мер лишь эти последние.

В самом деле, статья эта гласит, что Правительство Союза берет на себя ответственность за все сделки, заключенные Торговым Представительством в Италии. Следовательно, «товары», относящиеся к этим сделкам, не могут быть подвергнуты судебным мерам предупредительного характера.

Из того факта, что Союз берет на себя ответственность за все сделки, заключаемые его Торговым Представительством, не может вытекать вопреки смыслу закона, что запрещение может коснуться всякого предмета или движимости, не являющихся «товаром» в техническом смысле этого слова.

Являясь исключением из общего правила, норма эта не может быть распространена с предусмотренного случая на случай непредусмотренный. Это привело бы к нарушению статьи 4 вводных

постановлений к Гражданскому Кодексу относительно интерпретации и опубликования закона вообще. Необходимо, следовательно, сохранить толкование в границах естественного значения слова, вытекающего из текста договора, во избежание нарушения закона.

Итак, если ст. 3 Итало-русского договора говорит лишь о товарах и сюда невозможно включить также и деньги, — деньги служат орудием обмена и мерилом ценностей и лишь в том случае, если они являются непосредственным предметом обмена или юридических взаимоотношений, они представляют собой род товара — сумма, на которую наложен секвестр, нисколько не является предметом сделки, на которую может быть распространено испрашиваемое запрещение применения судебных мер превентивного характера. В самом деле, многократно цитировавшаяся статья 3 гласит, что судебным мерам предупредительного характера не могут «подлежать» товары, которые относятся к сделкам торгпредства, т. е. к сделкам, по которым Союз берет на себя ответственность. Это, очевидно, означает, что лишь к вещам, явившимся предметом договора, не могут быть применены судебные меры предупредительного характера. Впрочем, такое толкование, основанное на смысле закона, не представляет затруднений и еще менее противоречит интерпретации, вытекающей из намерений законодателя. Действительно, факт, который мог внушить Правительству Союза беспокойство, заключался в том, что при применении к товарам мер предупредительного характера могли возникнуть препятствия к сбыту и обращению товаров, не считая значительного убытка от возможной порчи или гибели таковых.

Существенный интерес, следовательно, заключался лишь в том, чтобы у Торгового Представительства в Италии имелась во всяком случае свободная наличность товаров, дабы избежать всего экономического ущерба, обычно являющегося неизбежным следствием применения судебных мер вышеуказанного характера. Равным образом, следуя духу закона, можно об'яснить, почему изъятие, предусматриваемое ст. 3 договора, желательно было ограничительно применить лишь к товарам.

В отношении же других предметов или юридического имущества льгота, представляемая итальянским законом не имела бы смысла и не могла бы найти оправдания в практическом и конкретном интересе противной стороны.

Неправильно также то, что при таком толковании закона создается противоречие между первой и последней частью заключительного абзаца ст. 3 договора.

Первая часть содержит обоснование частного случая, предусмотренного в последней части и, следовательно, если договаривающиеся стороны нашли нужным ограничить применение предупредительных судебных мер лишь в отношении товаров, то при внимательном рассмотрении никакого противоречия не усматривается в том, что в согласии с вышеуказанной статьей, Правитель-

ство Союза, даже взяв на себя ответственность по всем действиям, совершенным в Италии его Торговым Представительством, потребовало и добилось в соответствии с этим освобождения от применения превентивных судебных мер лишь в отношении товаров.

Скорее, следовательно, принятым толкованием ограничивается применение принципа к одному только случаю, но ни как не создается указанным ограничением противоречие с принципом ответственности, принятой на себя Правительством Союза.

Тем менее может найти свое оправдание отмена секвестра в Законе от 30 августа 1925 г., № 1621, ибо текст названного закона видоизмененный в силу закона от 19 июля 1926 г., за № 1263, гласит что «без разрешения Министра Юстиции секвестр и вообще исполнительные меры не могут быть применены к движимому и недвижимому имуществу, судам, кредитным бумагам, ценностям и всяким другим предметам, принадлежащим иностранному государству», и из этого постановления ясно следует, что это последнее не может найти применения в рассматриваемом случае, в котором, не оспариваются, что имущество принадлежит иностранному государству, но что речь идет о суммах принадлежащих русскому торговому представительству на основании сделки, в отношении которой Правительство СССР взяло на себя лишь ответственность, что, очевидно, означает нечто иное.

Следует к этому добавить, что применение этого декрета подчинено принципу взаимности и в рассматриваемом случае не видно, чтобы равноценная норма существовала также в отношении Итальянского Государства [1]). Но, с другой стороны, очевидно, что по существу предварительный секвестр не может быть утвержден.

Такая мера обеспечения, по точному указанию, может быть применена в пользу лишь того кредитора, который имел бы обоснованные мотивы подозревать в бегстве своего должника и опасаться потери своего кредита или потери гарантии своего кредита. Но в данном случае не имеет места ни одно из этих предположений, ибо как уже об этом выше упоминалось, Правительство Союза ССР приняло на себя по договору, получившему силу закона, ответственность за все торговые сделки, заключаемые в Италии его Торговым Представительством, и, следовательно, в отношении сделки, заключенной между Торг. Представительством и фирмой братья Пикарди несомненно существует гораздо более полная гарантия, чем та, которую обычно в состоянии предоставить частная торговля.

В действительности, из текста договора явствует, что ведение торговли в иностранных государствах Правительство СССР считает атрибутом своего суверенитета. Итальянское правительство признало, что торговое Представительство Союза составляет даже интегральную часть полномочного представительства.

---

[1]) Эта взаимность установлена обменом нот между СССР и Италией от 26/VII 1930 г. (см. VI сб. действ. договора СССР).

Поэтому в силу неоднократно упоминавшейся ст. 3 Правительство СССР определенно приняло на себя ответственность за все торговые операции, совершаемые его Торговым Представительством в Италии, следовательно, в данном случае отсутствует одно из основных условий, без коего секвестр не может иметь места, т. е. отсутствует тот резонный мотив, который мог причинить потерю гарантии собственного кредита и, следовательно, необходимо признать, что секвестр не может быть оставлен в силе, ибо отсутствует какое-либо основание для его применения.

Соображения и выводы, выставляемые фирмой братья Пикарди, не имеют силы при том установленном и неоспоримом факте, что в отношении заключенной ею торговой сделки существует гарантия со стороны СССР, находящегося в настоящее время в дипломатических отношениях с Итальянским Государством и в силу названной гарантии добившегося даже того, что товары, относящиеся к торговым сделкам, заключенным на территории страны, на которой находится его Торговое Представительство, были освобождены от применения судебных мер превентивного характера.

Декрет о секвестре должен быть поэтому отменен тем более, что потребовавшая и добившаяся названного секвестра фирма, не указала конкретно и не уточнила, в чем именно заключается опасность потери гарантии ее кредита, в то время как в действительности положение ее должника ничуть не изменилось с момента заключения им контракта на куплю-продажу сала.

С другой стороны, фирма бр. Пикарди в настоящих условиях не может даже доказать, что она является кредитором Торгового Представительства, ибо наличие ее кредита зависит от того решения, которое будет принято в отношении основных статей дела, в силу какового решения она может даже проиграть процесс.

Затруднения, могущие возникнуть при реализации ее кредита, ввиду особого характера должника, не имеют такого значения, чтобы они могли обосновать оставление в силе секвестра.

Ввиду отклонения требования об утверждении секвестра, расходы по этой тяжбе должны быть отнесены на счет проигравшей стороны.

Что же касается убытков, Торговому Представительству предоставляется право требовать их возмещения в отдельном порядке [1]).

---

[1]) Суд, отменивши решение неаполитанского претора о наложении предварительного ареста, допустил вместе с тем неправильное толкование ст. 3 торгового договора между СССР и Италией от 7/II 1924 г. Эта статья имеет в виду освобождение от применения судебных мер предварительного характера не только товаров, но и об'ектов сделки вообще, т. е. и денег и т. п., поскольку пр-во СССР признает свою ответственность за всякого рода сделки, заключенные т-ом. Суд также исказил смысл ст. 3 договора, допустив утверждение, что правило о неприменении предварительных мер введено в договор исключительно из соображений сохранности товаров от порчи и, наконец, суд неправильно разделяет имущество государства от имущества т-ва, которое, якобы, имеет какую-то особую природу. На эти неправильности в толковании договора было обращено внимание в дипломатическом порядке.

ДЕЛО ФИРМЫ «МАРИНО КВЕРЧИ» ПРОТИВ ТОРГПРЕДСТВА СССР В ИТАЛИИ

Решение Генуэзского трибунала от 15 июля 1933 г.

Обстоятельства дела

«Повесткою от 14 июля 1932 г. Марино Кверчи, проживающий в Генуе, в качестве владельца и законного представителя генуэзской фирмы «Марино Кверчи» вызвал к настоящему суду Представительство Союза Советских республик по внешней торговле в Италии, в лице его законного представителя Михаила Левенсона, служебная контора которого находится в Милане, заявляя:

Что 14 октября фрахтовый отдел Представительства СССР (Союза Советских Социалистических Республик) по внешней торговле в Италии зафрахтовал за счет Экспортхлеба-Москва у названной фирмы «Марино Кверчи» судно «Колляци»:

что когда пароход этот находился в Николаевском порту, капитан «Колляци» получил извещение от фрахтователей быть готовым к отплытию, с предупреждением за 6 часов;

что для того, чтобы быть готовым к отплытию с таким предупреждением, капитан был вынужден держать пароход все время под парами, с большой затратой топлива для котлов;

что такое положение вещей длилось 17 дней, вызвав расходы в сумме около 18 360 лир;

что, кроме того, фрахтователи должны истцу сумму в 17150 лир за то, что использовали в Николаевском порту пароход «Колляци», как склад и 1026 лир за передвижки, по их указаниям, парохода в названном порту;

что истец, фирма «Кверчи» делала безуспешные попытки получить дружеским путем указанные суммы и поэтому, для защиты своих законных прав, сочла себя вынужденной обратиться к судебной помощи.

Исходя из всего этого, фирма «Кверчи» просила присудить Представительству СССР по внешней торговле в Италии уплатить ей сумму в 36 541 лир или большую сумму, какая может быть выявлена в ходе дела с законными процентами и с судебными и за ведение дела издержками с предварительным исполнением судебного решения.

Вступивши в дело, ответчик сделал преюдициальное возражение, что договор фрахтования, о котором идет речь в настоящем деле, был заключен не представительством СССР по внешней торговле в Италии, а Экспортхлебом-Москва через посредство фрахтового отдела Представительства, и поэтому потребовал быть устраненным из этого процесса, а затем, субсидиарно, касаясь существа дела, на случай отклонения его преюдициального возражения, оспаривал — с фактической и юридической точки зрения — требования, выставленные истцом, и просил об отказе в иске.

Истец, в дальнейшем, отказался от некоторых требований своего иска и настаивал только на требовании платежа 18 360 лир

убытков, причиненных ему фрахтователями «Колляци», вследствие приказа капитану парохода, стоявшего на якоре в Николаеве, держать машины под паром и быть готовым к отплытию с предупреждением за шесть часов и оставления его в таком положении в течение 17 дней, чем было вызвано потребление топлива на вышеуказанную сумму.

Ответчик, оставаясь при своем возражении об устранении его из процесса, заявил при разборе дела, что, в случае отклонения этого его возражения, он не станет возражать против допущения представления доказательств...

Мотивы суда

Трибунал считает, что должно быть принято преюдициальное возражение, выставленное ответчиком, и что, следовательно, он должен быть освобожден от иска, пред'явленного истцом.

В самом деле, Трибунал полагает, что истец впал в тяжкую ошибку, не делая никакого различия между Представительством СССР по внешней торговле в Италии и Экспортхлебом-Москва ошибку, которая побудила его вызвать в настоящий суд первое вместо последнего, как если бы они были тождественны между собою.

Истец утверждал, что так как СССР воспрещено юридическим и физическим лицам прямое осуществление торговли с заграницей и так как эта торговля осуществляется исключительно Народным Комиссариатом СССР, то Представительство СССР по внешней торговле в Италии, не являясь дипломатическим Представительством этого государства в Италии, поскольку оно имеет отношение к торговле, обладает активной и пассивной правоспособностью представлять Русское государство, и что всякий договор, заключенный русскими юридическими или физическими лицами с иностранными, в данном случае, с итальянскими гражданами, должен рассматриваться, как заключенный с СССР, а последний должен рассматриваться, как прямой контрагент, связанный таким договором, со всеми юридическими последствиями. Здесь, конечно, не место разбирать все законодательство СССР. Из текстов законов, представленных ответчиком и в частности из Гражданского Кодекса, введенного в действие на основании постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 11 ноября 1922 г. явствует, что в этом государстве за физическими лицами (ст. 5) признаны, среди прочих прав, также право покупать, продавать, вступать в обязательства, открывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех предписаний, регулирующих промышленную и торговую деятельность направленных на охрану труда и допускаются (ст. 19) предприятия, подконтрольные государству (государственные) с автономным ведением дел и обладающие самостоятельным юридическим лицом без всякой связи с казною и, следовательно, за которые СССР не несет никакой ответственности.

Таким образом, установлено, что на территории СССР физические лица могут заниматься торговлей, открывать промышленные предприятия; равным образом на той же территории могут быть образованы торговые предприятия, контролируемые государством, причем последнее никоим образом не является обязанным по сделкам, им контролируемым.

Указанное рассуждение было необходимо, дабы притти к выводу, что хотя Экспортхлеб является торговым предприятием (Обществом), он обладает юридической личностью, независимой от казны СССР и, следовательно, по его сделкам Русское Государство не является обязанным. Но истец возражает против этого; что в СССР воспрещена торговля с заграницей юридическим и физическим лицам, каковые могут осуществлять эту торговлю только через посредство Народного Комиссариата Внешней Торговли, и что поэтому Народный Комиссариат, представляющий собою одну из крупных правящих отраслей Русского Государства и имеющий своего представителя в Италии, в лице ответчика, обязан отвечать по обязательствам, заключенным русскими юридическими лицами, в частности и Экспортхлебом.

В подтверждение своего мнения истец цитирует ст. 17 Гражданского Кодекса СССР: «Во внешнем торговом обороте все пребывающие в пределах РСФСР лица, юридические и физические, участвуют лишь через посредство государства в лице Народного Комиссариата Внешней Торговли. Самостоятельные выступления на внешнем рынке допускаются не иначе, как в случаях, особо указанных в законе, и не иначе, как под контролем Народного Комиссариата Внешней Торговли».

И, не довольствуясь этим, для подкрепления своих аргументов истец приводит ст. 3 Договора о торговле и мореплавании между Италией и СССР (вступившего в силу 14 марта 1924 г.): «Считая, что монополия внешней торговли в Союзе Советских Социалистических Республик принадлежит государству, Итальянское Правительство предоставит Торговому Представительству Союза и его органам возможность выполнять на территории Италии функции, возлагаемые на это представительство Правительством Союза, а именно:

«а) ведать интересами Союза и его граждан в отношении внешней торговли;

б) регулировать внешнюю торговлю и товарообмен между Союзом и Италией согласно законам Союза, поскольку они не находятся в противоречии с законами Италии;

в) осуществлять внешнюю торговлю Правительства Союза и содействовать развитию торговых сношений между Правительствами Союза и Италии путем взаимной информации и другими мерами.

Трибунал, однако, вопреки мнению истца, считает, что приведенные тексты весьма далеки от того, чтобы подтверждать его мнение. В самом деле, Трибуналу представляется, что ни ст. 17 Граж-

данского кодекса СССР, ни ст. 3 Договора между Италией и Русским государством не позволяют считать СССР ответственным по обязательствам, вытекающим из договоров торгового характера, заключенных между русскими торговыми предприятиями и итальянскими гражданами.

Ни ст. 17 Гражд. Код., ни ст. 3 Договора, говоря о том, что русские физические и юридические лица не могут свободно торговать с заграницей, не обязывают СССР по торговым договорам, заключенным русскими с итальянцами. К тому же ст. 17 русского Гражд. Кодекса должна быть, по мнению суда, истолкована не в смысле, указываемом истцом, а именно, что Русское государство продает прямо за границу за свой счет и от своего имени товары, которые произвели в России физические лица и торговые предприятия, а в том смысле, что оно является посредником («через посредство государства в лице Народного Комиссариата внешней торговли»), в продажах и торговле, регулирует товарообмен с заграницей и ведает интересами государства и граждан в отношениях с заграницей, но не принимает на себя обязательств по указанным сделкам иначе, как в определенных случаях, по установленной форме и условиям.

Необходимость защищаться внутри страны и за границей приводит к тому, что СССР знакомится с ввозом в страну и вывозом из нее товаров и таким образом в целях политических и финансовых контролирует — как посредник при соответствующих договорах — ход рынка и, выполняя эту свою функцию защиты своей политической и финансовой неприкосновенности, регулирует товарообмен, идущий из его собственной и на его собственную территорию, но эта функция посредника в договорах не делает его контрагентом, а посему он и не отвечает по таким договорам.

И необходимо считаться со следующим. Ст. 8 Постановления от 11 ноября 1922 г., приведенного выше и введшего в силу русский гражданский кодекс гласит: «Право граждан иностранных государств, с которыми РСФСР вступила в то или иное соглашение, регулируются этими соглашениями».

Следует поэтому обратиться к итало-русскому договору для решения спора о том, в каких случаях и через посредство кого СССР становится обязанным по договорам, относящимся к внешней торговле.

Не стоит большого труда увидеть, именно в ст. 3 Договора, что «Торговый Представитель и члены Совета Торгового Представительства, число которых будет установлено впоследствии соглашением между договаривающимися сторонами, будут составлять нераздельную часть Полномочного Представительства и будут пользоваться личной неприкосновенностью, экстерриториальностью своих контор и другими привилегиями и иммунитетами, присвоенными членам дипломатических миссий».

А далее, кроме того, в этой же статье сказано: «Правительство

Союза берет на себя ответственность за все сделки, заключаемые его Торговым Представительством в Италии».

Таким образом, отвергая тот взгляд, что, в силу контроля, осуществляемого СССР над внешней торговлей и запрета всем физическим и юридическим лицам осуществлять торговлю с заграницей иначе как через государство, СССР обязывают договора по названной торговле, заключенные какими-либо русскими предприятиями или физическими лицами с итальянскими гражданами, СССР, однако, является ответственным по договорам, относящимся ко внешней торговле и заключенным его Торговым Представительством в Италии. И, следовательно, так как нет сомнения в том, что договор, заключенный истцом с Экспортхлебом, есть договор торгового характера, то остается рассмотреть этот договор и присоединенное к нему добавление, чтобы увидеть, были ли они заключены Торговым Представительством СССР в Италии, ибо в таком случае Русское государство отвечало бы по этому договору и, следовательно, являлось бы надлежащим ответчиком, в противном же случае — нет.

Вывод может быть только отрицательный.

Из договора вытекает, что он был заключен Экспортхлебом-Москва через посредство фрахтового отдела русского торгового представительства. Это первое обстоятельство исключает, таким образом, возможность того, чтобы договор возник между истцом Кверчи, с одной стороны, и Русским Торгпредством, — с другой, и этого одного было бы достаточно, чтобы решить, что Русское Торговое Представительство не приняло участия в этом договоре и, стало быть, не обязало СССР.

Но идя дальше, следует задать вопрос: «Кем был подписан договор и может ли подписание договора этими лицами обязать Русское Торговое Представительство и Союз, который оно собою представляет».

Договор и добавление к нему были подписаны, кроме владельца фирмы — истца, некоими Ефимовым и Гарманом только в качестве агентов в договоре, в качестве уполномоченных фрахтователей — в добавлении.

Таким образом, исходя из того, что договор и добавление к нему были заключены между истцом через г. Марино Кверчи, владельца фирмы и Экспортхлебом-Москва, представленными, названными Ефимовым и Гарманом через фрахтовый отдел СССР, — это обстоятельство в свою очередь говорит против того, что Русское Торговое Представительство приняло участие в договоре и тем обязало русское государство.

Фрахтовый отдел в данном случае контролировал операцию, относящуюся к внешней торговле хлебом из территории СССР, как того требует ст. 17 русского гражданского кодекса, но не фигурировал в качестве контрагента; контрагентами же были, с одной стороны, истец, а с другой — Экспортхлеб-Москва, а за этот последний — его агенты Ефимов и Гарман.

И с другой точки зрения нельзя сказать, что Ефимов и Гарман заключили контракт от имени СССР, так как последний отвечает только по договорам, заключенным его Русским Торговым Представительством, а представленные ответчиком при разбирательстве дела номера официальной газеты Королевства от 13 июля 1931 г., 16 сентября 1931 г., 3 октября 1931 г. и 12 ноября 1931 г. говорят против того, что в момент заключения договора и добавления к нему Ефимов и Гарман входили в состав Русского Торгового Представительства в Италии и были уполномочены заключать договора, обязывающие СССР.

Приведенные соображения должны повлечь за собою отказ истцу в его иске; и к другому решению Трибунал не может притти, исходя из буквы решения II секции Генуэзского апелляционного суда от 6—16 мая 1930 г. по делу Торгового представительства СССР против Чибрарио и др., так как обстоятельства дела, по которым состоялось это решение, совершенно отличаются от обстоятельства дела фирмы Кверчи и Торгового Представительства СССР.

По указанным соображениям

ТРИБУНАЛ:

«... освобождает ответчика — Представительство СССР (Союз Советских Социалистических Республик) по внешней торговле в Италии от иска, предъявленного к нему истцом — фирмой «Марино Кверчи» и присуждает последнюю к уплате в пользу ответчика судебных и за ведение дела издержек».

ЕГИПЕТ

ДЕЛО ТОРГПРЕДСТВА СССР В ТУРЦИИ (УГОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ) ПРОТИВ ОБЩЕСТВА «ЛЕВАНТ И КРАСНОМОРСКАЯ УГОЛЬНАЯ К°, МОРИЦ И БЕНИН И К°»

Решение смешанного коммерческого суда в Александрии от 20/III 1933 г.

Суд вынес решение следующего содержания:

а) Ответчик заявляет, что, поскольку Советское Правительство не признано Египтом, истец, который является никем иным, как Российским Государством, не может выступать в качестве стороны перед египетскими судами.

Суд в данном случае, когда Русское Государство выступает не в качестве публично-правового субъекта, а в качестве субъекта гражданских правоотношений не согласен с этим мнением.

И, действительно, государство, правительство которого не признано другим государством, не находится в отношении последнего в положении публичной власти.

По отношению к другим государствам оно черпает свой суверенитет лишь в признании своего правительства ими; лишь после признания государство может противопоставить свой собственный суверенитет суверенитету другого государства.

Как бы само собой разумеется, что когда государство хочет противопоставить свой суверенитет, свой публично-правовой порядок другому государству, последнее может допустить это, лишь если оно того желает, т. е. если оно признало правительство другого государства.

Если прибегнуть к классическому различию, то нужно сказать, что право пользования суверенитетом принадлежит государству с того момента, как оно возникло, но право на осуществление этого суверенитета по отношению к другим государствам допустимо лишь с момента признания.

Совершенно иначе обстоит дело в отношении непризнанного государства, выступающего как частное лицо.

Таким качеством государство обладает в силу того факта, что существует само государство, причем это положение имеет силу по отношению ко всем другим государствам.

Признание или, непризнание его правительства другими государствами не может ни увеличить, ни сократить объем прав государства, как субъекта гражданских прав.

Поскольку государство существует, оно неизбежно существует и в качестве субъекта частных прав и обязательств, который может действовать по отношению ко всем третьим лицам и даже выступать в судах государств, которыми его правительство не признано.

Существование государства в качестве частного лица ни в чем не стесняет государство, не признавшее его правительство, не противопоставляет его суверенитета суверенитету другого государства и не затрагивает публично-правового порядка последнего, поскольку, наоборот, оно (государство) обращается само к закону и судьям этого государства.

Из того факта, что выступая в качестве субъекта публичного права, равным образом как и частного права, государство представлено своим правительством, неизбежно вытекает тот вывод, что по отношению к тем государствам, которыми оно не признано, правительство не может представлять государство в качестве частного лица, так как это признание относится лишь к правительству, представляющему суверенное государство, а не к правительству, выступающему в роли органа, представляющего государство, как субъекта частных прав.

Можно лишь выдвинуть условие о том, чтобы государство имело бесспорное существование и чтобы оно было представлено правительством, обладающим достаточной стабильностью и жизнеспособностью.

Если государство не имеет определенного существования, то таковым свойством оно не будет обладать в качестве субъекта частного права; необходимо также, с другой стороны, иметь в виду, что не вызывает сомнений, что правительство имеет право представлять государство, выступающее в роли частного лица.

В данном случае Российское государство имеет бесспорное существование, и правительство Советов, которое стоит у власти в течение больше 15 лет, признано де-юре и де-факто большинством держав и призвано участвовать на международных конференциях, созываемых для изучения наиболее серьезных проблем текущего момента.

Оно является бесспорным представителем русского государства.

Таким образом, это первое возражение ответчика должно быть отведено.

Впрочем, вынесение иного решения, явилось бы своего рода отказом в правосудии, поскольку во всех случаях также, как и в случае с Советами и Египтом, государство, чье правительство не признано, допущено к коммерческой деятельности на территории другого государства; запретить ему доступ к судам означало бы свести на нет ту терпимость, которую проявило по отношению к нему то государство, которому подчинен судья.

б) Второе возражение ответчиков сводится к тому, чтобы об'явить неприемлемым иск русского государства в силу того мотива, что, установив у себя законодательный, экономический и консти-

туционный режим, противоречащий египетскому публично-правовому порядку, оно не может иметь доступа в египетские суды.

Это возражение целиком не обосновано.

Чтобы отвести его достаточно обратить внимание на то, что этот суд не только не может войти в рассмотрение тех форм управления, которые государство-истец нашло необходимым избрать, и основных законов этой власти, но то, что нет никакого интереса это делать, так как русское государство, каково бы ни было различие между его конституцией и конституцией Египта, вовсе не претендует на то, чтобы его судили по его собственным законам, а наоборот, подчиняет себя действию египетской юрисдикции.

Возражение ответчика могло бы остановить внимание суда, лишь если бы оно содержало в себе указание на то, что публично-правовой порядок в России исключает взаимность и что, таким образом, при существующем в настоящее время в России режиме оказалось невозможным для иностранца искать в русском суде при том условии, чтобы спор рассматривался на основании русского закона.

Однако, ответчик как будто не выдвигает такого соображения.

Ответчик говорит, правда, что создается «неравенство» положений между ним и истцом, так как эвентуальное исполнение решения, вынесенного в его пользу против русского государства, окажется невозможным в России. Однако, здесь речь идет об обычном неравенстве, часто встречающемся на практике, поскольку исполнение решения допускается обычно против государства.

Принимая во внимание, что судебное разбирательство ограничилось рассмотрением возражений, возбужденных ответчиком, и что нет оснований устанавливать срок для рассмотрения спора по существу, и что этот вопрос следует предоставить усмотрению сторон, суд находит, что иск подсуден местной египетской юрисдикции.

ПЕРСИЯ

ДЕЛО МЕШЕДИ НАМЕДИ ПРОТИВ МОР. АГЕНТСТВА КАСПИЙСКОГО ПАРОХОДСТВА.

Решение суда первой инстанции г. Гиляна от. 8 мая 1932 г.

«Рафаил Агабабов, действующий по доверенности Мешеди Ахмеда Надеми», ищет с Морского Агентства Каспийского Пароходства Совторгфлота 38.000 туманов, составляющих стоимость парусной шхуны «Москва» и арендную плату за пользование в течение нескольких лет этой шхуной. В обоснование своего иска он представляет заверенную копию купчей крепости, из которой явствует, что шхуна эта была перепродана б. собственником ее Кербалай Мамед Заде истцу.

Представитель ответчика сделал на судебном заседании заявление о том, что общество Совторгфлот организовано в 1926 году, между тем как предъявленные истцом документы относятся к к 1920 г. Далее заявил, что действия, имевшие место до учреждения этого общества, не имеют к нему никакого отношения и оно не несет за них ответственности.

Представленные истцом письменные объяснения были направлены судом на изучение. В результате их изучения суд приходит к следующим выводам:

Установлено, что шхуна, на оплату стоимости которой настаивает истец, была национализирована Правительством Советских Республик. Установлено также, что общество Совторгфлот не имеет никакого отношения к этой национализации. В представленной в суд в копии ноте от 21 марта 1928 года, ноте не подлежащей сомнению, совершенно точно указано, что шхуна была национализирована органами упомянутого выше Правительства и что Совторгфлот не может рассматриваться ответственным за действия, совершенные правительством в порядке осуществления им своего суверенитета. Во всяком случае истец не представил каких-либо доказательств того, что Совторгфлот несет ответственность за эти действия.

По изложенным соображениям суд признает иск необоснованным и отклоняет его».

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ДЕЛО О СОВЕТСКОМ ЗОЛОТЕ

(Иск «Банка Франции» против «Чейз Нейшенел Банк» и «Эквитебл Трест Компани»)

Впервые дело было заслушано в Окружном суде США Южного округа Н.-Йорка от 5 июня 1931 года [1]).

Сущность дела: В начале 1928 г. Государственный банк СССР отправил в США для расплаты по сделкам золото в слитках. Золото было депонировано у нью-йоркских банков «Чейз Нейшенел Банк» и «Эквитебл Трест К°».

«Банк Франции» вчинил иск, в котором доказывал, что золото принадлежит ему и что оно было до революции сдано им на хранение дореволюционному Государственному банку в Петербурге.

В решении окружного суда Н.-Йорка от 5 июня 1931 г. имеют большой принципиальный интерес рассуждения американского суда по второму вопросу (из трех поставленных перед судом), а именно — по вопросу об аргументах, «основанных на так наз. международном праве».

Судья нашел, что «Признание де-юре советского правительства республикой Франции передвинуло вопросы, связанные с этим процессом между Банком Франции и Советским Госбанком, который был частью советского правительства, из сферы судебного спора и перенесло их неизбежно в область дипломатии».

«Со времени признания новому русскому правительству стали присущи все те аттрибуты суверенитета, одним из обычным свойств которого является неподсудность правительства по искам третьих лиц».

Анализируя обмен нот между СССР и Францией, состоявшийся при возобновлении дипломатических отношений между СССР и Францией, судья приходит к следующему выводу.

«Независимо от того, как мы расцениваем основание иска, кото-

---

[1]) См. «Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам». М. А. Плоткина и В. Г. Блюменфельда в издании Ин-та монополии внешней торговли, стр. 57.

рый истец мог бы иметь в отношении России, — в отношении Русского Госбанка, считаем ли мы основанием такого иска право собственности или же договорное право, назовем ли мы его правом, приобретенным при прежней администрации, или же будем рассматривать его, как право, которое приобретено после 1914 г. против существующего Русского правительства, — независимо от всего этого, правильное истолкование ноты сводится к тому; что этот вопрос был бесспорно отложен до соглашения между обоими правительствами».

Переходя к вопросу об отношении суда к СССР, как государству, в связи с отсутствием между СССР и США дипломатических отношений, судья отмечает: «Хотя и не состоялось признание правительством Соединенных Штатов того, что было названо советским режимом, ни как правительство де-юре, ни как правительство де-факто, этот режим в действительности все-таки представляет собою правительство де-факто. И мы только прячем наши головы в песок, подобно, страусам, если мы не хотим признать этого». Перечислив целый ряд признаков, свидетельствующих о наличии государства, конституции и т. п., судья заключает, что: «Правительство России во всяком случае есть правительство де-факто и ряд судебных учреждений Американских Штатов нашли то же самое». Отсюда судья делает вывод, что «... Если акты, подобные тем, которые мы сейчас обсуждаем, произошли при администрации, которая составляет часть правительства, позднее признанного нашим правительством, или... если бы оказалось, что такие акты были совершены правительством, которое является только правительством де-факто и которое еще не пользуется признанием де-юре, то равным образом судебное учреждение С. Штатов не должно было считать их недействительными с точки зрения взаимных отношений между правительством де-факто и затронутыми в этих актах или этими актами лицами». Упомянутым решением суда в иске «Банка Франции» было отказано с возложением на истца издержек.

По апелляционной жалобе «Банка Франции» дело было вторично заслушано в Верховном суде штата Н.-Йорк. Решением В. Суда было утверждено решение Окружного суда от 5 июня 1931 г. В новом решении не приводится каких-либо новых принципиальных соображений. Оно остается, таким образом, целиком на базе решения Окружного суда, поскольку его аргументация не изменена или отменена.

Решение этой инстанции может быть обжаловано в федеральный суд С. Штатов лишь под углом зрения нарушений федеральной конституции, а не с точки зрения существа иска.

Жалоба в федеральный суд до издания настоящей книги не была подана.

ДЕЛО Б. СОБСТВЕННИКОВ НЕФТЯНЫХ ПРОМЫСЛОВ В БАКУ К СТАНДАРТ ВАКУУМ-ОЙЛЬ КОМПАНИИ

Решение апелляционного суда в Нью-Йорке. Февраль 1933 г. [1])

Судья Мерреллъ.

«Сущность дела сводится к следующему:

Иск вчинен 11 русскими акционерными компаниями, 1 русским товариществом и 6 русскими физическими лицами. Истцы утверждают, что они являются собственниками или арендаторами нефтяных промыслов, расположенных в России в Бакинском районе. В своем исковом заявлении они требуют от Стандарт-Ойля выплаты им стоимости нефти, которая по их утверждению, была добыта нынешним советским правительством на их промыслах и продана ответчику. Далее они утверждают, что в ноябре 1917 года все их имущество в России, состоящее из промыслов, строений, установок, оборудования, баков и нефтепроводов было незаконномерно захвачено указанным советским правительством на основании декрета о национализации или конфискации всех нефтеносных земель и нефтяной промышленности в России и, что означенное правительство с тех пор неправомерно, незаконно и в принудительном порядке удерживает и продолжает распоряжаться указанными землями, промыслами и пр. без согласия на то собственников и лиц законным образом управомоченных владеть ими, в том числе и истцов, при чем советское правительство добыло на принадлежащих истцам нефтеносных землях значительное количество нефти и продало ее ответчику. Истцы также утверждают, что ответчик приобрел и получил в Батуме или из Батумского порта «от советского правительства для себя значительное количество нефтяных продуктов, заведомо зная о правах истцов. Истцы требуют от ответчика отчета в купленной у советского правительства нефти и «возмещения каждому из истцов стоимости нефти, полученной ответчиком и добытой на принадлежащих истцам нефтяных промыслах».

Мы того мнения, что истцы по этому иску не приводят фактов, могущих послужить основанием для иска против ответчиков. Основания иска базируются на утверждении, что захват советским правительством собственности истцов на основании декретов о национализации, изданных советским правительством, был незаконным и подлежащим разбору в наших судах. Истцы обосновывали это утверждение тем, что существующее в России советское правительство никогда не было признано Соединенными Штатами.

Хотя и верно, что правительство Соединенных Штатов по причинам, которые ему кажутся достаточными, до сих пор не установило дипломатических отношений с существующим в России совет-

[1]) Решение вынесено до возобновления дипломатических отношений между СССР и США.

ским правительством и не признало это правительство, как правительство «de-jure», тем не менее оно признало существование «de-facto» русского советского правительства. Общеизвестен факт, что существующее в России правительство функционирует, как таковое, с ноября 1917 г.; издает и проводит в жизнь законы, управляющие русскими гражданами; поддерживает мир и порядок; заботится о национальной обороне; поддерживает международные сношения со многими другими государствами и все время выполняет все обязанности цивилизованного и упрочившегося правительства, способного заставить подчиняться своим законам и декретам, если необходимо, вооруженной силой. Один тот факт, что Соединенные Штаты не сделали шагов к признанию существующего в России правительства, не имеет никакого значения, поскольку речь идет о внутренних делах этой страны. В целом ряде решений наших судов прямо высказано, что существующее русское советское правительство является режимом, в настоящее время осуществляющим правительственные функции в русском государстве.

В деле французского банка против Эквитебль Треста судья Геддард заявил: «что имеется правительство в России, суверенное в пределах собственной территории, — это не может игнорироваться и отнюдь не игнорируется нашей собственной страной, хотя она и не признала этого правительства».

В деле Веренчика было выставлено утверждение, что некие свидетельства о рождении не соответствуют требованиям акта о вознаграждении рабочих, т. к. они удостоверены чиновниками Советской России, не признанной Соединенными Штатами Америки. Суд по этому делу признал удостоверение удовлетворительным заявив:

«Непризнание нынешнего русского правительства не должно повлечь за собой отклонение этого доказательства. Судами было признано, что в России фактически существует правительство, суверенное в пределах собственной территории (дело русского о-ва Перестрахования против Стодарта; дело русского правительства против Лехай Валей Р. К°; дело Вульфсона против Российской Республики)».

В деле русского О-ва Перестрахования против Стодарта, судья Леман заявил:

«Падение правительства и замена его другим правительством, ныне господствующим, способным поддерживать свои требования вооруженной силой, пользующимся повиновением со стороны народа, которым он правит, — должно глубоко затрагивать все акты и обязанности, все отношения тех, кто живет в пределах территории, которой правит новое правительство. Его правление может быть лишено законного основания, но все равно, законное или незаконное, — его существование является фактом, и этот факт не может быть уничтожен судебными рассуждениями».

Среди соображений, высказанных судьей Леманом, находилось и следующее:

«Русское государство управляется в настоящее время Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой. Это правительство там существует, оно обладает властью поддерживать свой авторитет в пределах своей собственной территории; ему повинуется народ, которым он управляет; оно способно осуществлять обязанности и выполнять обязательства независимой власти и может поддерживать свои требования вооруженной силой».

Чтобы мы ни стали говорить об особенностях и о справедливости изданных русским Советским правительством декретов о национализации, — эти декреты были изданы правительством де-факто этой страны, имеют там полную силу и обязательны для всех русских граждан.

Насколько мы могли усмотреть, нет ни одного решения нью-йоркских судов, в котором утверждалось бы, что декреты и законы советского правительства необязательны для русских граждан. Вопрос, здесь поставленный, касается силы декретов о национализации и советского закона о собственности русских граждан и о сделках, целиком совершенных в России. По нашему мнению, согласно прочно установленным началам международного права и в согласии с решениями наших судов, советские законы и декреты должны иметь внутреннюю силу в этой стране. Собственность, упоминаемая в этом иске, вся была расположена в России. Продажа и сдача нефти, в отношении которой истцы требуют отчета, была целиком совершена в России. Это была собственность русских граждан.

В деле Вульфсона против Российской республики, собственник пушнины, которая была арестована в России и конфискована советским правительством, подал иск о неправильном распоряжении (конвершен) этой пушниной. Было признано, что против советского правительства нельзя предъявлять исков в наших судах. Во вступлении к решению по данному делу указано, что русское советское правительство, «есть существующее де-факто правительство России, что таково заявление ответчика, что факт этот признан апелляционным отделением суда, как нечто всем известное и признанное самим истцом».

Далее, в решении апелляционного суда сказано:

«Поэтому спор об имуществе, хотя и расположенном в пределах юрисдикции наших судов, не подлежит рассмотрению, если результат зависит от оценки, какая должна быть дана акту какого-либо иностранного правительства».

И по тому же делу апелляционный суд говорит:

«К самому правительству предъявлен иск по поводу осуществления им своего суверенитета в пределах собственной территории со ссылкой на то, что если бы подобное действие было совершено каким-нибудь отдельным лицом, это было бы правонарушением с точки зрения наших местных законов. Делается заявление, что иск может рассматриваться по причине непризнания Соединенными Штатами. Нет связи между посылкой и выводами... Мы

имеем существующее правительство, суверенное в пределах собственной территории. Его юрисдикция по необходимости является исключительной и абсолютной. Она не подлежит никакому ограничению, которое оно само на себя не наложило. Это вытекает из его независимости. Можно согласиться с тем, что его акты должны соответствовать естественной справедливости. Однако, если они не таковы, то наши суды не компетентны ревизовать их».

Апелляционный суд утверждает далее, что признанное иностранное правительство не может быть привлечено к ответу без его согласия и что оно не подчинено нашим законам и что то же правило должно применяться и к непризнаному иностранному правительству, и в этой связи апелляционный суд заявляет:

«В обоих случаях руки государственного департамента были бы связаны. Поневоле он увидел бы себя вовлеченным в споры, которые он счел бы безрассудными. Это не надлежащий метод исправления ущерба, причиненного гражданину Соединенных Штатов. Вопрос этот политический и входит в компетенцию не судов, а другого департамента правительства. Всякий раз как акт, совершенный сувереном, как таковым, подвергается сомнениям, он делается предметом переговоров или репрессалий или войны».

В деле Российской республики против Чтбрарио апелляционный суд заявил:

«Кто является сувереном на данной территории, это вопрос политический. В данном случае, когда этот вопрос является предметом спора, суды обязаны решением, исходящим от этих департаментов (дело Джонса против САСШ; дело Лютера против Сегора). Не судам решать вопрос о том, должны или не должны быть признаны нынешние правительства России, Мексики или Великобритании. Они существуют или не существуют. Только такой вопрос можем мы разбирать».

Из дела Соколова против Нэшионал Сити Банк явствует, что утверждение, будто все акты и декреты непризнанного правительства не имеют никакой силы, не может быть поддержано.

Ни в одном из решений наших судов подсудность не была признана за исключением случаев, когда дело касалось какого-либо экстерриториального акта советского правительства, либо же договорных отношений с гражданами нашей страны. Ни в одном из напечатанных решений нью-йорских судов, насколько мы могли усмотреть, внутренняя сила законов и декретов, принятых советским правительством, не подвергалась оспариванию.

В данном деле перед нами поставлен вопрос о праве собственности на имущество русских граждан, целиком расположенного в России и отнятого в согласии с законами и декретами, изданными де-факто функционирующим в России правительством. Мы полагаем, что выходит за компетенцию наших судов отрицание действительности законов и декретов этого иностранного государства. Мы не можем сказать, что указанные декреты не подлежат там применению. Основное начало права гласит, что юрисдикция сущест-

вующего правительства, все равно признано ли оно или не признано нашей страной, является исключительной и абсолютной в пределах собственной территории.

У Витона, Международное право (6-е изд.), установлены следующие правила:

«Суверенитет—это высшая существующая в государстве власть, которой это государство управляется... Внутренний суверенитет государства ни в коей мере не зависит от его признания другими государствами. Новое только что возникшее государство не нуждается в признании других государств для подтверждения своего внутреннего суверенитета. Существование государства де-факто достаточно в этом отношении для установления его суверенитета де-юре. Оно — государство, ибо оно существует».

. . . . . .

Из всех вышеприведенных решений вытекает, что тот факт, было ли существование иностранного государства признано, или не признано нашей страной, не имеет большого значения, когда дело идет об исполнении или об осуществлении законов, входящих в иностранную юрисдикцию, и когда иностранное государство фактически существует и функционирует, как таковое, в пределах своих границ, — его законы должны иметь полную силу и действие. Поэтому наши суды некомпетентны объявить акт конфискации имущества истцов в согласии с русским законом, — актом грабежа, не порождающим в пользу правительства права на взятое им во владение на основании декретов этого правительства имущества истцов.

Мы, далее, того мнения, что истцы не могут установить, что на основании законов России, где произошли акты, на которые жалуется истцы, — эти акты являются подлежащими судебному рассмотрению правонарушениями. Этот иск имеет иностранное основание и должен регулироваться законом того иностранного государства, где произошли заявленные (истцами) незаконные акты. Разумеется, истцы не могли бы поддерживать настоящий иск в России. При существующих (там) законах захват имущества истцов советским правительством не является правонарушением, и если не возникло право на иск в том месте, где правонарушение, согласно заявлению, было совершено, то ни в каком другом государстве не может быть удовлетворен иск, основанный на таких правонарушительных актах...

. . . . . .

Со стороны истцов нет никакой попытки доказать, что какие-либо законы России запрещают ответчикам покупать и перевозить нефть, которую они покупали у советского правительства, или же, что имеются в России какие-либо законы, предписывающие ответчикам давать истцам тот отчет, которого те требуют. Очевидно, что истцы не могут сослаться на нарушение какого-либо закона России в деле продажи ответчикам нефти, о которой идет речь.

Русское императорское или царское правительство было нис-

провергнуто революцией, и в марте 1917 года было образовано так называемое Временное правительство России. Последнее в свою очередь было ниспровергнуто нынешним Советским правительством. Нынешнее правительство было сначала известно, как временное рабоче-крестьянское правительство РСФСР. Затем нынешнее Российское Советское Федеративное правительство образовалось путем союза десяти существующих советских социалистических республик. И режим русского императорского или царского правительства и режим временного правительства России, последовавший за первым, приказали долго жить и не имеют в настоящее время власти нигде в России. Наша страна признала Временное правительство России, а наш государственный департамент признал, что ни царского, ни Временного правительства нет и что они в настоящее время не имеют политического существования. В виду прекращения существования обоих предшествующих правительств, нынешнее правительство было признано судами нашего Штата, и никакое обязательство, созданное тем или иным из указанных (прекративших свое существование) правительств, не подлежит теперь принудительному исполнению [1]).

---

[1]) Приведенное решение было обжаловано в высшую судебную инстанцию штата Нью-Йорк, которая отклонила иск б. собственников и утвердила это решение своим постановлением от 12 июля 1933 г.

ШВЕЦИЯ

Г. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНК ПРОТИВ ГЕТЕБОРГСКОГО БАНКА

(Выписка из протокола Стокгольмского Ратгаузского суда от 10 декабря 1929 года)

I

«По данному делу в надлежащей мере выяснено, что истец, Русский Торгово-Промышленный Банк, основанный в России в 1889 году с местопребыванием центрального руководства банка, а именно его правления и наблюдательного совета в С.-Петербурге, вследствие 2-х изданных в этом городе декретов, одного — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом от 14 декабря 1917 г., другого — Советом Народных Комиссаров от 26 января 1918 года, согласно каковым декретам банковское дело в Российской Федеративной Советской Республике объявлялось государственной монополией и капитал частных банков конфисковался, и каковые декреты проводились в жизнь в России по мере того, как Советская Республика расширяла свою сферу власти в стране,— перенес согласно принятому его правлением и его наблюдательным советом решению свое местопребывание из С.-Петербурга в другие не находившиеся под властью Советской Республики города России, в один за другим, наконец, в Ялту в Крыму и что банк в 1920 году, наконец, был вынужден прекратить свою деятельность в России.

По этому делу также выяснено, что правление банка и его наблюдательный совет в заседании 21 января 1920 года в Ялте решили избрать местопребыванием банка Париж, где этот банк еще до начала мировой войны в 1914 г. основал свое отделение, куда он и был переведен, и что правление и наблюдательный совет после перевода в Париж продолжали руководство Отделением Банка и занимались банковской деятельностью во Франции, что банк властями данной страны был признан юридическим лицом и вел перед судебными инстанциями там дела, а также что переведенное в Париж правление являлось представителем банка перед властями и судебными инстанциями Франции.

Далее следует также признать по настоящему делу выясненным, что как утвержденный для этого банка устав продолжает

применяться в той мере, как только это допускается для банка изменившимися условиями, так и то обстоятельство, что функционирующие в настоящее время правление и наблюдательный совет банка состоят частью из лиц, которые были избраны членами правления и наблюдательного совета на последнем общем собрании акционеров 6 мая 1917 г. и которые на основании положений устава продолжают функционировать в качестве таковых, частью же также из лиц, которые этими членами на основании положений устава были избраны членами правления и наблюдательного совета.

На основании вышеприведенного, несмотря на прекращение деятельности банка в России, следует признать, что он продолжает существовать в качестве юридического лица и, следовательно, имеет право в Швеции выступать перед судебными инстанциями в качестве истца и ответчика.

А так как, согласно устава банка, доверенность последнего, чтобы иметь силу, должна быть подписана тремя членами правления; представленная же по данному делу доверенность, на которую ссылается банк, подписана тремя членами функционирующего ныне правления;

и банк, следовательно, по данному делу в настоящей мере представлен;

то Раттаузский Суд отклоняя возражение ответчика, Акционерного О-ва Гетеборгского Банка, находит правильным дальнейшее разбирательство дела и вменяет в обязанность ответчику отвечать перед судом.

С этим решением, выражавшим мнение, как председателя Ратмана. Плумон, так и гражданского ассесора Сандель, не был согласен Ратман Тротциг, который был особого мнения и заявил следующее:

«Ввиду того, что по настоящему делу выяснено, что банковское предприятие, основанное на акциях, носящее название Русский Торгово-Промышленный Банк, от имени которого адвокат Рихард Гандин предъявил иск, основано в России и, согласно действующих там постановлений, а при таких условиях этот банк следует считать находящимся в распоряжении русских государственных властей;

так как и по данному делу также выяснилось, что упомянутые власти постановили, что банковское дело является государственной монополией и что все частные акционерные банки должны быть соединены с Русским Государственным банком, к которому должны перейти актив и пассив подлежащих ликвидации предприятий, а также учредили известные коллегии для проведения в жизнь предписанной таким образом «национализации»;

и кроме того, вообще по данному делу выяснено, что те лица, доверенность которых Гандин приводит, как основу своего права пред'явить иск от имени банка, вследствие вышеприведенных по-

становлений русских государственных властей, не имеют права являться представителями банка;

в виду всего этого я нахожу, что все приведенное Гандином по данному делу, а также и его требования не могут рассматриваться судом;

а потому я вменяю в обязанность Гандину возместить Акционерному О-ву Гетеборгский Банк его расходы по данному делу в размере двухсот крон, и кроме того, то, что ответчик заплатил в виде сбора по протоколу Суда по данному делу».

II

Решение Королевского Гофгерихта Свеа по делу между русским Торгово-Промышленным Банком, с одной стороны, ниже именуемым Русским Банком, и Акционерным Обществом Гетеборгский Банк, ниже именуемый — Гетеборгским Банком, с другой стороны, 18 марта 1930 г.

«Ссылаясь на доверенность, выданную ему Я. Торгевским, Х. Валицким и В. Алевским от Русского Банка, адвокат Рихард Гандин, от имени последнего банка, после вывоза в Ратгаусский суд, потребовал, чтобы, ввиду того, что на счету вышеуказанного банка в Гетеборгском Банке находится сумма, вместе с процентами на 1 июля 1928 г., составляющая — 141.796 крон и 46 эре. Гетеборгский Банк был присуждон выплатить означенную сумму Русскому Банку, вместе с процентами из расчета 5% в год с 1 июля 1928 года по время выплаты.

Ввиду того, что Гетеборгский Банк, ссылаясь на прекращение существования Русского Банка и на то, что Гандин ни в каком случае не является правомочным преставлять означенный банк, оспаривал принятые дела на рассмотрение, то Ратгаузский суд, своем решении от 10 декабря 1928 года высказался следующим образом:

«По данному делу в надлежащей мере выяснено, что Русский Торгово-промышленный банк, основанный в Росссии в 1889 году с местопребыванием центрального руководства банка, а именно его правления и наблюдательного совета, в С.-Петербурге, вследствие 2-х изданных в этом городе декретов, одного — Всероссийским Центральным Исполнительным Комтетом от 14 декабря 1917 года, другого — Советом Народных Комиссаров от 26 января 1918 года, согласно каковым деркретам банковское дело в Российской Федеративной Советской Республике об'являлось государственной монополией и капитал частных банков конфисковался, и каковые декреты проводились в жизнь в России по мере того, как Советская Республика расширяла свою сферу власти в стране, — перенес согласно принятому его правлением и его наблюдательным советом решению свое местопребывание из С.-Петербурга в другие не находившиеся под властью Советской Рес-

публики города России в один за другим, наконец, в Ялту в Крыму и что банк в 1920 году, наконец, был вынужден прекратить свою деятельность в России.

По этому делу также выяснено, что правление банка и его наблюдательный совет в заседании 21 января 1920 года в Ялте решили избрать местопребыванием банка Париж, где этот банк еще до начала мировой войны в 1914 году основал свое отделение, куда он и был переведен, и что правление и наблюдательный совет после перевода в Париж продолжали руководство отделением Банка и занимались банковской деятельностью во Франции, что банк властями данной страны был признан юридическим лицом и вел перед судебными инстанциями там дела, а также, что переведенное в Париж правление являлось представителем банка перед властями и судебными инстанциями Франции.

Далее следует также признать по настоящему делу выясненным, что как утвержденный для этого банка устав продолжает применяться в той мере, как только это допускается для банка изменившимися условиями, так и то обстоятельство, что функционирующие в настоящее время правление и наблюдательный совет банка состоят частью из лиц, которые были избраны членами правления и наблюдательного совета на последнем общем собрании акционеров 6 мая 1917 года и которые на основании положений устава продолжают функционировать в качестве таковых, частью же также из лиц, которые этими членами на основании положений устава были избраны членами правления и наблюдательного совета.

На основании вышеприведенного, несмотря на прекращение деятельности банка в России, следует признать, что он продолжает существовать в качестве юридического лица, и, следовательно, имеет право в Швеции выступать перед судебными инстанциями в качестве истца и ответчика.

А так как согласно устава банка доверенность последнего, чтобы иметь силу, должна быть подписана тремя членами правления, представленная же по данному делу доверенность, на которую ссылается банк, подписана тремя членами функционирующего ныне правления;

и банк, следовательно, по данному делу в настоящей мере представлен,

то Ратгаузский суд, отклоняя возражения ответчика Акционерного Общества Гетеборгский Банк, находит правильным дальнейшее разбирательство дела и вменяет в обязанность ответчику отвечать перед судом».

«Ратгаузский суд, к которому обе стороны обратились с требованием о возмещении судебных издержек, затем в своем постановлении высказал следующее:

«Ввиду того, что Гетеборгский Банк признал, что он в результате операций, которые он имел с Русским Торгово-Промышленным Банком по местонахождению в С.-Петербурге, согласно к делу при-

соединенного контокоррентно, является должным уплатить названному Русскому Банку сумму, на 1 июля 1928 года, достигающую 141.796 крон и 45 эре, а также ввиду того, что из разбирательства дела явствует, что Русский Торгово-Промышленный Банк, по местонахождению в Париже, продолжавший деятельность, ведущуюся ранее Русским Банком во время пребывания в России, является носителем прав русского банка — то Ратгаузский суд нашел справедливым обязать Гетеборгский Банк, привлеченный к суду по этому делу 21 июня 1928 года, выдать немедленно Русскому Торгово-Промышленному Банку, находящемуся в Париже, под расписку сумму из расчета 5% годовых с 1 июля 1928 года до времени выплаты. Ввиду обстоятельств дела обе стороны должны будут каждая уплатить свои судебные издержки.

Обе стороны апеллировали об изменении решения Ратгаусского суда. Гетеборгский Банк добивается изменения решения Ратгаузского суда от 10 декабря 1928 года. От обеих сторон также поступило требование о возмещении связанных с настоящим делом судебных издержек.

Королевский Гофгерихт рассмотрел относящиеся к данному делу обстоятельства.

Гофгерихт находит установленным по данному делу, что Торгевский, Валицкий и Алевский являются правомочными сообща представлять признанное во Франции, как юридическое лицо, и там действующее предприятие по имени Русский Торгово-Промышленный Банк и постановляет вследствие этого законно утвердить решение, которое принял Ратгаузский суд в своем постановлении от 10 декабря 1928 года.

Что касается сущности дела, то Гофгерихт находит, что упомянутые выше изданные русскими властями 14 декабря 1917 г. и 26 января 1918 года декреты, которые, нужно предположить, были проведены полностью в России, заключают в себе упразднение всех до того существовавших русских банковых акционерных обществ, и, следовательно, и упомянутого в настоящем деле, основанного в России, банкового Акционерного Общества «Русский Торгово-Промышленный Банк», а также, что настоящее предприятие, как русское общество, вследствие этого не может рассматриваться далее здесь в Швеции в качестве такового.

Напротив, поскольку упомянутые декреты предусматривают, что имущество банковых Акционерных Обществ об'явлено русской государственной собственностью, и также предусматривают ликвидацию банковых акционерных обществ для упомянутой цели, то их действие не может быть признанным простирающимся на имущество, находящееся вне пределов русской территории и, следовательно, и в отношении этого имущества должна иметь место отдельная ликвидация. Поэтому с этой целью согласно существующих в Швеции правовых норм, означенное имущество должно быть взято в управление для передачи надлежащему правому собственнику.

Из рассмотрения дела явствует, что действующее во Франции предприятие Русский Торгово-Промышленный Банк, о происхождении которого в связи с прекращением существования русского банка подробнее указывается в решении Раттаузского суда и каковое предприятие, как было установлено, взяло на себя блюсти интересы вышеозначенного банка вне пределов России, — управляет разным принадлежащим банку имуществом и старается удовлетворять его старые заграничные обязательства, а также таким образом действует между прочим по ликвидации прежней деятельности русского банка вне пределов России.

На основании этого и так как, поскольку явствует, что другого управителя имущества, о котором идет речь, упраздненного банка не имеется, то Королевский Гофгерихт считает справедливым утвердить решение Раттаузского суда в этой части дела.

Что же касается издержек по данному делу при Раттаузском суде, то Королевский Гофгерихт не находит оснований к изменению в этом отношении решения Раттаузского суда.

Обе стороны должны нести самостоятельно каждая свои судебные издержки по настоящему делу».

ФРАНЦИЯ

ДЕЛО ШНЕЙДЕР И К° ПРОТИВ ЖОДОНА

Решение Парижской палаты от 24 марта 1933 г.[1]

«Шнейдер и К° заключили в 1917 году договор с российским императорским правительством о поставке артиллерийского снаряжения.

В виде аванса по этой поставке Шнейдер и К° получили от указанного правительства 20 428.600 франков.

Во исполнение этой поставки общество успело изготовить снаряжения на бесспорную сумму в 16.158 400 франков. Затем общество по распоряжению французского правительства, ввиду русской революции, прекратило производство и поставку этого снаряжения России.

К этому моменту общество являлось дебитором российского императорского правительства на сумму в 4.270.200 франков.

На основании определения г. Председателя Гражданского Трибунала Сены, вынесенного по предложению прокуратуры 22 октября 1922 г., Жодон был назначен временным администратором над всеми правами, имуществами и интересами, зарегистрированными или управляемыми Русской ликвидационной комиссией или известными ей и иными того же происхождения и характера, которые остались без надзора в силу революционных обстоятельств, причем Жодон получил в силу этого определения самые широкие полномочия в целях обеспечения сохранности и управления указанными имуществами.

Судебное решение, которое Шнейдер и К° обжаловали в апелляционном порядке, определяет, что общество должно передать сумму в 4.207.200 франков плюс проценты, исходя из 5% со дня платежа Жодону, который наложит на нее секвестр за счет того, кому она причитается, с вычетом расходов, ответственность за которые несет в отношении этой поставки российское правительство.

Шнейдер и К° утверждает что правомочия администратора по секвестру, которые предоставлены Жодону, не находят обоснования ни в одном из действующих законов.

---

[1]) В тот же день палатой было вынесено четыре аналогичных решения по другим таким же делам.

На этом основании они просят отказать ему в праве на иск, поскольку для этого отсутствует необходимый юридический титул.

Определение, которым Жодон назначен администратором по секвестру, вынесено по инициативе прокуратуры.

В гражданских делах, в силу ст. 46 закона от 20 апреля 1810 г. прокуратура действует ex officio в случаях, предусмотренных законом и при обстоятельствах, когда публичная власть непосредственно заинтересована.

Права прокуратуры в данном случае вытекают из факта признания де-юре Правительства СССР Французским Правительством в том виде, в каком это признание имело место в дипломатическом соглашении от 28/29 октября 1924 г.

Французское Правительство заявило, что оно признает Правительство СССР в качестве правопреемника предшествующих русских правительств, однако, в то же время между обоими правительствами было условлено, что впредь до благополучного исхода этих переговоров договоры, конвенции и соглашения, существовавшие между Францией и французскими гражданами и Россией, не должны иметь силы; правовые взаимоотношения между русскими и французами, возникшие до установления советской власти, продолжают регулироваться теми же нормами; равным образом будет отсрочена ликвидация расчетов между обоими государствами, причем все меры охранительного порядка во Франции или уже приняты или будут приняты.

Эта оговорка была принята Советским Правительством, и договоренность обоих правительств по всем пунктам, предусмотренным в обмене телеграммами от 28/29 октября 1924 г. составляет международное соглашение, заключенное Французским Правительством на основании тех конституционных прав, которыми оно обладает, соглашение, которое надлежит уважать на тех же основаниях, что и закон.

Выражения, которыми в этом соглашении оговаривается право французского Правительства принять охранительные меры, носят общий и категорический характер.

Правительство СССР не заявляет претензии на суммы, причитавшиеся бывшему российскому государству, место которого оно заступило.

В частности это правительство не заявило какого-либо требования на суммы, причитающиеся с Шнейдер и К°.

Если бы дебиторы б. российского государства и собирались бы погасить свои обязательства, они не знали бы куда обратиться, чтобы сделать соответствующий платеж.

Таким образом, имущество б. российского государства, часть которого составляет и настоящей долг Шнейдер и К°, находится во Франции без надзора, и публичная власть заинтересована в том,

чтобы были приняты и сохранены в силе все меры, которые будут способствовать охране прав и интересов, о которых идет речь.

Задача, возложенная на Жодона определением от 22 октября 1922 г. составляет именно одну из этих мер.

Поскольку речь идет о правах и интересах, которые французское Правительство обязалось на основании международного соглашения сохранить, постольку эта сохранность может быть обеспечена и сделаться эффективной лишь в результате вмешательства прокуратуры, каковая только и имеет право действовать, когда на карту поставлены интересы публичной власти.

Таким образом, вмешательство это прямо предусмотрено самим соглашением 28/29 октября 1924 г.

Соглашение это имеет ту же силу, что и закон и служит юридической базой для того поручения, которое дано Жодону.

Шнейдер и К° противопоставляют требованию Жодона встречное требование, основанное на претензиях, которые они могли бы иметь против русского государства, не делая при этом различия между претензиями, которые относились бы к бывшему императорскому правительству и претензиями, относящимися к Правительству СССР.

Что касается первых, то обжалуемое судебное решение их право предусмотрело.

Что касается Правительства СССР, то они заявляют претензию на крупную сумму, составляющую стоимость, изъятых у них в порядке национализации, декретированной этим правительством, имуществ, ценных бумаг и пр.

Однако, Жодон не представляет Правительство СССР. Он лишь представитель правосудия, действующий в интересах публичной власти, которой не могут быть противопоставлены возражения, сформулированные против третьей стороны, не участвующей в данной судебной инстанции.

В силу п. 7 договора, заключенного между Шнейдером и К° и российским императорским правительством последнее имело право требовать возврата выданных авансов в размерах, соответствующих стоимости недополученных к 15 июня 1919 г. плюс проценты, исходя из 5% годовых со дня выдачи аванса, причем эти авансовые суммы подлежали возвращению в течение 15 дней со дня письменного предупреждения об этом Шнейдер и К° российским военным атташе во Франции.

Со стороны б. российского правительства такого требования не последовало.

Таким образом, Шнейдер и К° обязаны платить проценты лишь со дня пред'явления иска Жодоном.

Исходя из указанных соображений, Палата подтверждает решение первой инстанции и об'являет отклоненной жалобу Шнейдер и К°, как не обоснованную, присуждая общество к уплате судебных издержек».

ДЕЛО ГЕРЦФЕЛЬДА ПРОТИВ «РУССКОГО ГОСУДАРСТВА»

Решение кассационного суда во Франции от 11 апреля 1933 г.

«Решением высшей инстанции английского суда по отделу королевской скамьи от 28 мая 1925 года русское общество «Доброфлот» было присуждено к уплате Герцфельду 9.140 ф. ст. в основном и 1.276 ф. ст. в качестве процентов. Герцфельд возбудил перед трибуналом Сены иск против «Доброфлота» и СССР о признании исполнительной силы за этим решением как в отношении СССР, так и «Доброфлота», причем Парижская палата выдала экзекватуру против общества «Доброфлот» и отказалась выдать таковую против СССР.

Согласно кассационной жалобы экзекватура должна быть выдана и против СССР, поскольку последний является универсальным правопреемником общества «Доброфлот» которое он поглотил, чей актив он принял и в соответствии с чем за чей пассив он должен отвечать.

Однако, обжалуемое решение справедливо определяет, что эта претензия подлежала бы рассмотрению в основной инстанции, перед которой был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности русского государства и не может быть предметом рассмотрения в инстанции, которая занимается лишь рассмотрением вопроса о выдаче экзекватуры по иностранному судебному решению, в котором СССР никогда не фигурировал.

И, действительно, французские судьи, перед которыми возбуждено ходатайство о выдаче экзекватуры по иностранному судебному решению, неправомочны разрешать какие-либо споры между сторонами. Они должны ограничиться лишь выдачей экзекватуры. Если допустить, что они имеют право входить в рассмотрение решения по существу, то это рассмотрение допускает лишь выдачу или невыдачу экзекватуры, при этом они неправомочны что-либо добавить к тому решению, которое было вынесено, но не принимать решения по вопросу о том, была ли или не была присужденная сторона поглощена другой, обязанной принять решение к исполнению.

Из изложенного следует, что протест необоснован. По этим соображениям кассационная жалоба отклоняется».

ДЕЛО ГЕРЦФЕЛЬДА [1])

Решение гражданского трибунала Сены от 9 X 1933 г.

«Постановлением от 19 февраля 1931 г. парижский апелляционный суд признал подлежащим исполнению во Франции решение,

[1]) См. «Сборник решений буржуазных судов по советским имущественным спорам» М. А. Плоткина и В. Г. Блюменфельда. Внешторгиздат, 1932, стр. 83.

вынесенное 28 мая 1925 г. высшим английским судом по отделению королевской скамьи в пользу Гарри Герцфельда против русского о-ва «Доброфлот». Это постановление отменило решение гражданского трибунала Сены в части признания английского судебного решения, имеющим исполнительную силу в отношении русского государства в лице Народного Комиссара Внешней Торговли.

Иностранное решение присуждает «Доброфлот» к платежу Герцфельду основной суммы в 9.140 ф. ст. и 1.276 ф. ст. в качестве проц. 28 октября 1931 г. Герцфельд через парижского судебного исполнителя вчинил иск в гражданском трибунале Сены против Союза Советских Социалистических Республик. В своем исковом заявлении он просит: 1) признать, что СССР подменил собою «Доброфлот» и отвечает за долги последнего, 2) присудить СССР к уплате сумм, причитающихся истцу от «Доброфлота» — во исполнение английского решения с начислением проц., начиная с 28 мая 1925 г., т. е. даты этого решения.

Ввиду того, что истец скончался во время судебного производства, Бруно Герцфельд — его универсальный правопреемник, именующий себя русским беженцем без гражданства и проживающий в Стокельсдорфе (Германия), заявил о том, что он выступит в этом процессе вместо Гарри Герцфельда, что и было признано определением 25 апреля 1933 г.

В связи с извещением Гарри Герцфельда СССР возбудил перед судом вопрос о неподсудности, ссылаясь на свое качество суверенного государства.

Герцфельд прежде всего оспаривает, что СССР может претендовать в данном деле на неподсудность, так как по его словам, это иностранное государство в предшествующей судебной инстанции, в которой стоял вопрос об экзекватуре, отказалось ссылаться на свой судебный иммунитет.

Однако, вопрос об экзекватуре получил свое окончательное разрешение в определении апелляционного суда от 19 февраля 1931 г. В противоречие с тем, что доказывает Бруно Герцфельд, не существует какой-либо связи между той судебной процедурой, которая имеет место в настоящее время в первой инстанции, и апелляционной инстанцией, в которой судебное разбирательство закончилось за несколько месяцев до вчинения настоящего иска. Если и может создаться впечатление, что юридическая сторона обоих исков одна и та же, тем не менее мотивы, выдвинутые защитой, должны быть рассмотрены лишь в рамках настоящей инстанции, без какой-либо связи с какой-либо предшествующей инстанцией, в которой вопрос получил окончательное разрешение

К тому же, судебный иммунитет, основанный на независимости и суверенитете государства, является принципом международного публично-правового порядка, и, в соответствии с этим, отказ от использования этого иммунитета может для государства вытекать

лишь из определенного и правильного акта, чего в данном случае не имеется.

Резюмируя, необходимо признать, что Бруно Герцфельд не имеет основания утверждать, что отвод о неподсудности, заявленный СССР, необоснован.

Для того, чтобы оспорить принцип о судебном иммунитете, Б. Герцфельд должен был бы доказать, что СССР имеет обязательства в отношении Г. Герцфельда и что в момент принятия на себя этих обязательств русское государство отказалось совершенно определенным образом от этого иммунитета; либо что в силу коммерческого характера сделки принцип иммунитета не может получить применения в данном деле.

Однако, из решения английского суда вытекает, что 24 декабря 1920 г. в Стамбуле (Турции) между Гарри Герцфельдом, в то время русским гражданином, и двумя администраторами о-ва «Доброфлот» был заключен договор фрахтования п/х «Владимир», принадлежащего этому о-ву, и что в результате невыполнения этого договора «Доброфлот», являющийся единственным ответчиком по иску, вчиненному перед британской юрисдикцией, был присужден к уплате Гарри Герцфельду 9.140 ф. ст. с процентами.

Повидимому, для обоснования компетентности французских судов Г. Герцфельд не ссылается на этот первоначальный договор, заключенный вне французской территории и между лицами, из которых ни одно не обладало французской национальностью, но ссылается на соглашение, состоявшееся 20 сентября 1922 г между представителями обоих правлений «Доброфлота».

И действительно, в указанную дату некий Князев, проживающий в Париже и присвоивший себе звание председателя правления «Доброфлота», заключил от имени так наз. «парижского правления» соглашение с неким Ржевусским, именующим себя членом «московского правления» «Доброфлота».

В этом соглашении, перевод которого фигурирует на судебном заседании, не указано место, где оно заключено. Но из того факта, что оно составлено на английском языке и в качестве свидетелей скреплено стенографами Делле и Кенна, проживающими на Линденхолстрит без указания города, можно сделать вывод, что оно заключено в Англии, причем вряд ли в Лондоне. Если даже и оставить в стороне вопрос о неподсудности по титулу иностранного гражданства сторон, то не безынтересно констатировать, что и это второе соглашение было заключено за границей между лицами иностранного гражданства.

В силу этого соглашения — если допустить, что оно аутентично — г. Князев, представитель «Парижского Правления» взял на себя перед г. Ржевусским, представителем «Московского Правления» обязательство передать последнему все имущество Русского добровольного флота («Доброфлота»), расположенное вне России и все права, которыми обладало «Парижское Правление» на условиях и в порядке, специально предусмотренных. Параграф 3 (абзац

А) этого соглашения устанавливал, что специальный представитель, назначенный по обоюдному соглашению Парижского и Московского правлений, будет уполномочен в первую очередь «уплатить все бесспорные долги и обязательства «Доброфлота», которые касаются его зарубежного имущества и возникшие в момент существования Парижского Правления и являющиеся результатом управления последним зарубежным имуществом «Доброфлота» за исключением дальневосточного имущества».

В этом документе указывается что «Московское Правление управомочено на основании декрета СНК СССР от 11 января 1922 года собирать имущества «Доброфлота» где бы таковое ни находилось».

Однако, из текста соглашения от 30 сентября 1922 г. отнюдь не вытекает, что СССР выступало стороной в нем. Означенное государство фигурирует в нем лишь в качестве лица, выдавшего в административном порядке «Московскому Правлению» разрешение на собирание имущества и что, таким образом, юридически СССР не тождественен с «Доброфлотом» в отношении прав и обязательств последнего. Резюмируя и пользуясь выражениями истца надлежит сделать вывод, что ничто не устанавливает, что «Доброфлот» нового режима», который заменил «Доброфлот» старого режима» является какой-либо эманацией СССР. В соответствии с этим Герцфельд не имеет оснований оспаривать, ссылаясь на договорные обязательства вытекающие для русского государства из соглашения 30 сентября 1922 года, отвод о неподсудности последнего данной юрисдикции.

Герцфельд кроме того утверждает, что поскольку русское государство национализировало 26 января 1918 года все судоходные предприятия и, таким образом, захватило актив «Доброфлота» постольку оно должно отвечать по долгам последнего, сделавшись по отношению к «Доброфлоту» — по выражению истца — его универсальным правопреемником.

Однако, в своих объяснениях СССР не признавал и не оспаривал этой национализации. Если даже допустить, что эта национализация имела место, то мы здесь имеем дело с действием публичной власти, осуществленной суверенным государством, мерой, на которую компетенция французских судов не распространяется.

Надлежит констатировать, что, с одной стороны, Доброфлот не является французским обществом и что, с другой стороны, СССР в данном деле вовсе не претендует на то, чтобы обеспечить во Франции исполнение этой меры (национализации), каковая в этом случае могла бы быть признанной нарушающей французский публично-правовой порядок. СССР ограничивается справедливым утверждением, что национализация не является коммерческим действием, которое сделало бы это государство подсудным иностранной юрисдикции.

По всем изложенным мотивам, отвод о неподсудности, заявлен-

ный СССР, надлежит признать обоснованным и отклонить все субсидиарные возражения Герцфельда.

Ввиду изложенного суд

признает за Бруно Герцфельдом право на возобновление судебного спора в качестве правопреемника Гарри Герцфельда.

Считает обоснованным отвод о неподсудности, заявленный СССР и признает свою некомпетентность.

Предоставляет Б. Герцфельду право обжаловать в установленном порядке настоящее решение и присуждает его к судебным издержкам по данной судебной процедуре» [1]).

ДЕЛО КУЛЬС ПРОТИВ БЕССЕЛЬ [2]).

Решение Парижского апелляционного суда от 12 декабря 1931 г. (9-я камера).

«Суд вынося решение по апелляции бр. Бессель на приговор, вынесенный заочно 10 декабря 1930 года.

Принимает эту апелляцию к рассмотрению и по существу ее постановляет следующее:

Принимая во внимание, что тщетно Василий и Александр Бессель заявляют о том, что им принадлежит исключительное право на оперу «Борис Годунов» — произведение русского композитора Модеста Мусоргского и, исходя из этого, упрекают судей первой инстанции в том, что они объявили Кульса невиновным в деликте контрафакции и ввозе во Францию произведения, подвергшего-

---

[1]) Решение это обжаловано Герцфельдом.

[2]) Бр. Бессель, б. собственники дореволюционного музыкального издательства в России, прилекли к уголовной ответственности гр-на Кульса по обвинению в контрафакции, выразившейся в распространении во Франции партитуры оперы Мусоргского «Борис Годунов».

Иск был вчинен в исправительном трибунале департамента Сены, который решением от 20 декабря 1929 г. отверг выдвинутое против Кульса обвинение в контрафакции и объявил, что истец не обосновал своего обвинения. Значение этого решения, в силу которого французский суд признал, что «действующая в СССР регламентация литературной и художественной собственности не находится в коллизии с публичным порядком Франции» было ослаблено решением гражданского суда департамента Сены по делу бр. Бессель против О-ва французских драматургов и композиторов от декабря 1930 г. По этому делу Бессель требовали, чтобы О-во было присуждено к регулярной выплате им поспектакльного вознаграждения за постановку произведений Мусоргского и Римского-Корсакова. Суд признал, что советский закон от 26 ноября 1918 г. «объявляющий произведения Мусоргского, Римского-Корсакова и других достоянием русского государства, собственностью, национализированной без всякого возмещения... находится в противоречии с французским публичным и социальным порядком». Суд присудил О-во драматургов и композиторов к уплате бр. Бессель авторского вознаграждения.

Решение исправительного трибунала д-та Сены от 20 декабря 1929 года было обжаловано бр. Бессель в парижский апелляционный суд (9-ая камера), который 12 декабря 1931 г., отклонивши жалобу, вынес решение, приведенное в настоящем сборнике.

ся контрафакции, деликтах, предусмотренных и караемых ст. ст. 2 и 3 декретов от 28 и 30 марта 1852 года и 425 и 426 Уг. Код.

Принимая во внимание, что в действительности Василий и Александр Бессель не представили никакого серьезного обоснования своих прав; что они не представили текстов соглашений, которые были заключены 31 января 1874 года между Мусоргским и Василием Бесселем — их дедом; что они ссылаются лишь на выписку из документа, составленного в С.-Петербурге 8 февраля 1913 г., копия которого депонирована у парижского нотариуса Шевана 4 июня, следующего содержания:

«Выписка из договора, заключенного между Василием Васильевичем Бесселем, владельцем т/д «Вильям Бессель и К°», и музыкальным композитором Модестом Петровичем Мусоргским 31 января 1874 года; § 3: — Я, Мусоргский, сохраняю за собой исключительные авторские права в пределах России и я, Бессель, приобретаю издательские права для всех стран для т/д «В. Бессель и К°», § 4: в случае исполнения оперы... Я, нижеподписавшийся Павел Федоровский, публичный нотариус при с.-петербургской бирже, подтверждаю, что надпись и подписи на русском языке означают, что эта выписка соответствует оригиналу.

Иван Васильевич Бессель, статский советник, владелец торгового дома «Бессель», и кроме того, я удостоверяю, что эта надпись и подписи сделаны в моем присутствии Иваном Васильевичем Бессель... согласно нотариального реестра № 371».

Принимая во внимание, что эта выписка содержит лишь заявления, исходящие от самого Ивана Бесселя и ограничивается лишь двумя отдельными параграфами — 3-м и 4-м — взятыми наугад из договора для целей специального дела и в личных интересах в то время, как он, Бессель, имея в своем распоряжении подлинный договор, не нашел тем не менее возможным сообщить его содержание, и что текст их (§§) не засвидетельствован в качестве достоверного нотариусом.

Принимая во внимание, что второй документ от 7 мая 1913 года, составленный на 3 месяца позже, которым тот же нотариус Федоровский удостоверяет, что «выписки на русском языке из договоров, заключенных между М. Мусоргским и В. В. Бессель — владельцем Торгового Дома «В. Бессель и К°» 31 января 1874 года, касающиеся оперы «Борис Годунов», ст. ст. 3 и 4...» и др. перечисленные в дальнейшем, соответствуют договорам, кои ему представлены, но относятся исключительно к «документам, перевод которых удостоверяется им 18 января 1913 года и 26 апреля 1913 года, согласно нотариальной книге под регистровыми номерами 156—1039 и 1040», а отнюдь не к представленной выписке, перевод которой удостоверяется 8 февраля за реестровым № 371.

Принимая во внимание, таким образом, что суд не имеет возможности оценить как по существу, так и по форме действитель-

ность соглашений, на которые ссылаются, с точки зрения требований русского закона, и высказаться определенно по вопросу о природе, пределах и сроках уступленных прав.

Принимая во внимание, что бр. Бессель представляют в первый раз в суд третий документ от 26 июня 1913 года, из которого явствует, что тот же нотариус Федоровский удостоверяет, что «г. Иван Бессель, статский советник, владелец торгового дома «В. Бессель и К°» является единственным собственником музыки, слов и либретто следующих опер: Мусоргский «Борис Годунов» и др...» на основании договоров, представленных ему в подлиннике.

Но, принимая во внимание, что этот документ, с точки зрения участия в нем официального лица, каковым является нотариус, представляет собой лишь личное подтверждение и толкование им представленных ему договоров, что тем более в данном случае не имеет силы, что сделано это было в тот период, когда г. Ивану Бессель для обоснования своих прав достаточно было лишь предъявить самые договоры — либо в подлиннике, либо в дубликатах, либо в копиях, так как цель, которой он добивался, казалась необычной и двусмысленной.

Принимая во внимание, в соответствии с этим, что поскольку бр. Бессель не установили, в силу определенного титула, своих прав на оперу Мусоргского «Борис Годунов», их иск в том виде, в каком он заявлен, подлежит отклонению.

По этим мотивам, каковые не противоречат выводам судей первой инстанции, суд находит, что бр. Бессель не обосновали своей апелляции, и оставляет таковую без последствий; подтверждает целиком и полностью решение первой инстанции, отменяет арест, наложенный полицейским комиссаром на экземпляры партитуры оперы «Борис Годунов», находившиеся в магазине «Эшиг и К°» и присуждает бр. Бессель к судебным издержкам».

ДЕЛО ШАЛЯПИНА ПРОТИВ СССР, БРЕННЕРА и К°

Дело впервые слушалось в коммерческом трибунале департамента Сены 9 февраля 1931 г.[1]).

Сущность дела: В 1931 г. фирма Бреннер в своем магазине в Париже продала несколько экземпляров книги Шаляпина «Страницы моей жизни» (издание «Прибой» Ленинград). Экземпляры были куплены Бреннером у а/о «Международная Книга». Шаляпин вчинил иск к советскому государству, «торгующему в лице Торгпредства», и к фирме Бреннер по обвинению в контрафакции и нанесению ему ущерба. Все это оценивалось Шаляпиным в круглую сумму в 2 млн. фр.

В решении суда имеет принципиальный интерес та часть его, которая относится к рассмотрению заявленного Торгпредством СССР отвода о неподсудности. Как и в деле Нефтесиндиката, суд,

[1]) См. решение, помещенное в сб. Плоткина М. А. и В. Г. Блюменфельда на стр. 80, изд. И-та монополии внешней торговли.

искусственно сопоставляя функции Торгпредства, как органа монополии внешней торговли, и коммерческие операции «Международной Книги», приходит к тому выводу, что Торгпредство и «Международная Книга» находятся в организационной коммерческой связи и что Торгпредство осуществляя коммерческие функции, отвечает за действия «Международной Книги». «На коммерческие же сделки по экспорту принцип суверенитета государства не распространяется, прежде всего в силу добровольного отказа от него. Не может быть и речи о приравнивании этих операций к актам государства, как такового, действующего в пределах осуществления правительственных прерогатив».

Суд присудил в пользу Шаляпина лишь 10.000 фр. солидарно с Торгпредства, «Международной Книги» и Бреннера. В настоящем деле, таким образом, не материальная сторона дела служила основанием для обжалования Торгпредством решения, а неправильное принципиальное решение суда по вопросу о статусе и об ответственности Торгпредства.

В решении Парижского апелляционного суда от 28 июля 1932 г. были подтверждены в основном выводы коммерческого трибунала д-та Сены от 9 февраля 1931 г. [1]).

Оставляя в стороне детальный разбор судом фактических обстоятельств дела, процитируем лишь те части решения, которые касаются принципиальных вопросов. упомянутых выше.

«...Издательство «Прибой» является русским государственным издательством. как это указано в заголовке издаваемых им книг и как это вытекает из постановления от 19 декабря, в силу которого это изд-во сливается с Госиздатом РСФСР. Вопрос этот совершенно бесспорен. Речь. идет, таким образом, об издании, выпущенном государственной типографией.

Изданные в России экземпляры «Страницы моей жизни» ввезены во Францию и проданы третьим лицам издательством Бреннер. которое получило их от государственной организации, коей поручен ввоз и вывоз печатных произведений.

Внешняя торговля в России социализирована и монополизирована по смыслу ст. 17 русского гражданского кодекса.

Об-во Бреннер, получая какую-либо книгу из русских книжных хранилищ, должно было вступить в контакт с коммерческими организациями советских республик.

Лицо, входящее в состав Торгового Представительства СССР в Париже. которому поручено осуществлять контроль и наблюдение за книжными операциями, является, таким образом, ответственным за все коммерческие сделки, происходящие во Франции в этой области.

Совершенно бесспорно, что экземпляр издания «Страницы моей жизни», являющиеся контрафакцией и не переданные Бренне-

---

[1]) См. сборник судебн. решений М. В. Плоткина и М. Блюменфельца в изд. Ин-та монополии внешней торговли, стр. «80».

ру и К°, исходили от русского коммерческого предприятия, — осуществляющего торговлю книгами за границей, корреспондентом которого в Париже является, как это указано в циркуляре от 11 февраля 1929 г. № 26, Торговое Представительство СССР во Франции».

«...Инкриминируемые Шаляпиным Торгпредству действия ни в какой степени не вытекают, как это правильно нашли судьи первой инстанции, из действий суверенной власти Российского государства и являются коммерческими действиями, подсудными французской юрисдикции...».

«...А'о «Международная Книга» является отделением Госиздата РСФСР...»

«...Изданные без разрешения Шаляпина изд-вом «Прибой» экземпляры были отправлены Бреннеру непосредственно организацией «Международная Книга», которая является своего рода конторой для осуществления монополии внешней торговли в области книжного дела в России и корреспондентом которой во Франции является торговый представитель Советов...».

«...Суд находит, что экземпляры произведения Шаляпина под названием «Страницы моей жизни», на которые автор сохранил все свои права с точки зрения русского права, явились предметом контрафакции в России со стороны государственной организации Русского государства, коей поручено осуществление экспорта книг в коммерческих интересах...»

«...Суд находит, что Торговое Представительство СССР в Париже, представляющее эту организацию, ответственно за ущерб, вытекающий из его действий, в том, что касается произведений, ввезенных во Францию...»

«...Суд находит, что Торговое Представительство СССР привлечено к ответственности во Франции перед коммерческим трибуналом Сены на законном основании...»

«...Суд находит, что в данном случае Торговое Представительство СССР, которое осуществляет торговые действия на территории Франции, не может заявлять против иска Шаляпина отвода о неподсудности...»

Во всем остальном суд подтверждает решение коммерческого трибунала Сены.

В нашей литературе много раз и детально освещалась подобная неправильная установка французского суда. С заключением 11/I-34 г. Временного Торгового соглашения между СССР и Францией эта установка официально отвергается. Ст. 4 соглашения прямо устанавливает, что «Торговые сделки... заключенные любым государственным органом СССР, иным чем тор-во во Франции, пользующимся, согласно советскому закону, правами самостоятельного юридического лица, обязывает лишь упомянутый орган».

ИСК БАНКА АРНЮС И ОБ-ВА «ПЕТРОЛЕС ПОРТА ПИ» К ТОРГОВОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ СССР ВО ФРАНЦИИ И К НЕФТЕСИНДИКАТУ

Дело впервые было заслушано в коммерческом трибунале департамента Сены, который вынес свое решение 16 марта 1931 г.

Сущность дела сводится к следующему: по договору от 11 августа 1925 года, Нефтесиндикат передал исключительное право продажи своих нефтяных продуктов в Испании, Португалии и в их колониях «Банку Арнюс». До истечения срока действия договора Нефтесиндикат вследствие учреждения в Испании монополии на продажу нефтяных продуктов вынужден был расторгнуть договор и вступить в договорные отношения с испанской нефтяной монополией (КАМПСА). Последняя гарантировала Нефтесиндикату убытки, которые могли бы последовать для него в результате расторжения договора с «Банком Арнюс».

Иск «Банка Арнюс» был вчинен на сумму 100 млн. фр.

В настоящем деле принципиальный интерес имеет вопрос об ответственности Торгпредства СССР во Франции, за сделку, заключенную Нефтесиндикатом. Суд признал доказанным, что Торгпредство, являлось стороной в договоре, «поскольку оно его подписало как для обеспечения его действительности, так и для гарантии его выполнения». Суд нашел, что Нефтесиндикат «должен рассматриваться, как одно из звеньев Торгпредства СССР, которое в свою очередь является торговым органом монополии, осуществляемой торгующим советским государством».

Из того факта, что на договоре имеется виза Торпредства, разрешающая заключение договора, суд делает вывод, что «подпись Торгпредства СССР поставлена... рядом с подписью Нефтесиндиката СССР».

Таким образом, факт наличия на сделке визы Торгпредства, действовавшего в качестве органа государственной монополии внешней торговли, судом квалифицируется, как оперативное участие в договоре на стороне Нефтесиндиката. В этом решении апелляционный суд департамента Сены повторяет неправильные концепции коммерческого трибунала об ответственности Торгпредства за действия самостоятельных юридических лиц СССР.

Ввиду того, что суд признал правильным требования нефтесиндиката о гарантии и присудил КАМПСУ к возмещению Нефтесиндикату сумм, уплаченных ими Банку Арнюс, решение не принесло СССР материальных убытков, но с принципиальной стороны это решение является сугубо неправильным.

Решение коммерческого трибунала от 15 марта 1931 г. было обжаловано обеими сторонами, причем Торгпредством СССР и Нефтесиндикатом по соображениям принципиального порядка, а Банком Арнюс — ввиду сокращения судом исковой суммы.

Дело было рассмотрено парижским апелляционным судом

(1-я камера) 18 февраля 1932 г., причем апелляционая жалоба была оставлена без последствий.

В отношении привлечения в качестве ответчика Торгового Представительства, апелляционный суд подтвердил решение коммерческого трибунала, не приведя какого-либо разъяснения. Суд нашел, что «... для доказательства своей неподсудности по данному спору Торговое Представительство СССР претендует на то, как это и было сделано в первой инстанции, что оно представляет собою юридический институт, отличный от Нефтесиндиката и, что более того, было специально условлено во время заключения спорных сделок, что никакое государственное учреждение и в частности правительство СССР не может быть привлечено в связи с этими сделками, но что апелляционный суд отверг этот довод по категорическим соображениям, к каковым палата присоединяется».

В остальном решение суда не вносит чего-либо нового в принципиальную сторону дела, и мы не приводим поэтому этого решения.

Неправильность позиции французского суда в деле Нефтесиндиката подтверждается временным Торговым соглашением между СССР и Францией от 11/I-34 г., ст. 4 которого прямо устанавливает, что торговые сделки, заключенные без гарантии Торгпредства СССР во Франции любым государственным хозяйственным органом СССР, иным чем Торг-во СССР во Франции, пользующимся, согласно советскому закону, правами самостоятельного юридического лица, обязывает лишь упомянутый орган, и исполнение по ним может быть обращено лишь на его имущество. Ответственность по ним не будет падать ни на Пр-во СССР, ни на Торг-во СССР во Франции, ни на какой-либо другой государственный хозяйственный орган СССР. В ст. 5 точно устанавливается, что понимается под гарантией Торг-ва, даваемой последним по договорам, заключенным между хозяйственными организациями СССР и французскими обществами.

О-ВО «ТЕФИМО» «ПРОТИВ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР ВО ФРАНЦИИ, ТОРГПРЕДСТВА СССР ВО ФРАНЦИИ И НАРКОМПРОСА РСФСР [1])

Решение Французского коммерческого суда департамента Сены от 27 августа 1929 г.

«Общество с ограниченной ответственностью «Тефимо», с одной стороны, и

---

[1]) Общество «Тефимо» (общество современных театральных и кинематографических постановок, ссылаясь на соглашение от 5 июня 1928 г., в силу которого один из ответчиков (Наркомпрос РСФСР) якобы, обязался организовать художественное турне академического еврейского театра по Европе и Америке, вчинило иск во Французском коммерческом Трибунале д-та Сены, требуя уплаты понесенных им убытков 200.000 марок. Решением от 7 августа 1929 г. трибунал, приняв во внимание, что ответчик (Наркомпрос, Пол-во и Торг-во Франции), являются органами иностранного государства, признал себя некомпетентным разбирать настоящее дело.

1) Посол Союза Советских Социалистических Республик в качестве представителя во Франции Союза Советских Социалистических Республик.

2) Торговое Представительство Союза Советских Социалистических Республик во Франции в качестве представителя торговых интересов Союза ССР во Франции.

3) Народный комиссариат просвещения в лице Народного Комиссара просвещения в Москве, с другой стороны.

Фактические обстоятельства дела

Согласно заявления от 16 июля 1929 г., зарегистрированного в Париже 17 июля 1929 г. судебным приставом и оплаченного установленным гербовым сбором, общество-истец привлекает к судебной ответственности ответчиков и вызывает явиться 27 августа 1929 г. в 12 часов на судебное заседание для рассмотрения следующего дела.

В силу устного соглашения от 5 июня 1928 г. истец взял на себя обязательство организовать художественное турнэ Московского еврейского театра по Европе и Америке. Театр этот находился в непосредственном ведении Правительства Союза ССР и должен был ставить в соответствии с указаниями общества-истца, спектакли по всей стране в том же самом ансамбле, под тем же руководством и с тем же персоналом, что и в Берлине.

Было условлено, что если Московский еврейский академический театр не сможет по той или иной причине отправиться в Америку, то общество-истец имеет право на получение в виде компенсации неустойку в размере 100 000 германских рейхсмарок. По распоряжению правительства СССР поездка этой театральной труппы в Америку была отменена как раз в тот момент, когда она должна была иметь место; таким образом, требование о присуждении Посла СССР, как представителя интересов государств во Франции, торгового представительства СССР во Франции как представителя торговых интересов СССР во Франции и Народного Комиссариата Просвещения к выплате обществу-истцу указанной неустойки представляется вполне обоснованным.

С другой стороны, Правительство СССР дало распоряжение об отправке из Берлина театра еще до окончания спектакля и декораций и сняло г-на Грановского с должности директора этого театра. Далее в ущерб интересам общества-истца в многочисленных газетах различных стран появились заметки, касающиеся разногласий между этим театром и правительством СССР, причем благодаря этому даже в Европе отпала возможность устроить какой-либо ангажемент этому театру.

В соглашении от 5 июня 1928 г. было условлено, что в случае, если одна из сторон не выполнит своих обязательств, то другая будет иметь право на одно еще дополнительное возмещение в размере 100.000 герм. марок. В данном случае, поскольку это условие наступило, вполне обоснованным является требование обще-

ства-истца о присуждении с ответчиков Посла СССР, Торгпредства СССР и Наркомпроса СССР еще 100.000 марок.

По изложенным соображениям истец просит суд вынести решение против Посла СССР и Народного Комиссариата Просвещения СССР, поскольку оба они солидарно являются ответственными за интересы СССР во Франции...

Правовая сторона дела

Возникает вопрос, надлежит ли суду признать правильными доводы, выдвинутые защитой. В противном случае удовлетворить требования истца и присудить ему сумму иска.

Возникает также вопрос о том, на кого возложить судебные издержки.

Обсудив на основании действующего закона, стоящую перед ним проблему.

Суд, принимая во внимание, что лица, привлеченные к суду, являются представителями иностранной державы и в качестве таковых неподсудными данному суду, объявляет себя некомпетентным разбирать настоящее дело».

ИСК ПО ДЕЛУ ВДОВЫ ЛАЛАНД К б. РУССКОМУ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ БАНКУ

Решение коммерческого трибунала Сены от 29/VI 1932 г.

«Вдова Лаланд, выступая в качестве акционера Русского для внешней торговли Банка, именуемого в дальнейшем Русский Банк, просит суд вынести определение о том, что русские банки вследствие законодательства СССР утратили качества юридического лица и что, поскольку во Франции их положение должно обсуждаться по их национальным законам, их необходимо признать прекратившими существование.

Истица утверждает также, что всякий созыв акционеров Банком сделался невозможным и что администрирование общественного капитала находится ныне в руках правления, полномочия которого не представляется возможным ни контролировать, ни возобновлять; указанные администраторы нанесли самый серьезный ущерб Русскому Банку, создав на фонды этого последнего Генеральный Банк для внешней торговли, именуемый дальше Генеральный Банк, который поглотил все коммерческие фонды Русского Банка, благодаря чему этот последний обречен на полную бездеятельность.

Вдова Лаланд, кроме того, заявляет, что подписка на капитал Генерального Банка была неправомерна и что Генеральный Банк должен рассматриваться неправомерно учрежденным ввиду отсутствия общей подписки на его капитал; что, наконец, условия, в которых администраторы Русского Банка учредили Генеральный Банк, делают совершенно очевидным, что они обобрали в свою пользу акционеров Русского Банка, присвоив себе по Генеральному Банку все привилегированные акции и доли участия.

В этих условиях вдова Лаланд ходатайствует перед судом об объявлении прекратившим существование Русского Банка для внешней торговли и распущенным ликвидационное управление как одного, так и другого; о присуждении с администраторов Русского Банка, а именно Давыдова, Новицкого, Кестлина и Доброго суммы в 1.000.000 фр. в порядке обеспечения иска, субсидиарно об объявлении распущенными хотя бы учреждений Русского Банка, находящихся во Франции; далее, субсидиарно же — о назначении администратора-секвестратора в отношении этих учреждений и активов, расположенных вне территории СССР.

Новицкий утверждает, что иск необоснован; остальные ответчики мотивированным образом отрицают обоснованность иска; в порядке встречного иска они предъявляют требование к Генеральному Банку о выплате им по 50.000 фр. каждому плюс 10.000 фр. для каждого, — все это вместе взятое в качестве возмещения убытков за привлечение их к ответственности; Кестлин, кроме того, ходатайствует о том, чтобы суд отметил, что он с 1925 года перестал быть администратором Русского Банка.

Кроме того, Добрый, Давыдов, Кестлин, Бауэр-Маршал и К° и Бауэр предъявляют требование об их допущении в качестве акционеров Русского Банка к судебной процедуре, возбужденной вдовой Лаланд; вдова Лаланд в своем мотивированном заключении ходатайствует о признании необоснованными указанных встречных требований и ходатайства о вступлении в процесс.

По основному требованию суд находит, что просить о признании несуществующим какое-либо юридическое лицо могут лишь лица, доказывающие, что они заинтересованы в таком мероприятии.

В отношении иска, предъявленного против Генерального Банка, Суд находит, что вдова Лаланд не может обосновать своего качества ни акционера, ни кредитора означенного Банка;

что бесспорно, что с Генеральным Банком она никогда не состояла в договорных отношениях.

В соответствии с этим ее требование в той мере, в какой оно направлено против Генерального Банка, должно быть признано не подлежащим рассмотрению.

В отношении же иска, предъявленного против Русского Банка и его администраторов, суд находит:

Вдова Лаланд ссылается для обоснования своего требования о признании несуществующим Русского Банка на советское законодательство, а именно на декреты от 26 декабря 1917 г. и 26 января 1918 г., а также на неправильное учреждение Русским Банком в феврале 1924 года Генерального Банка.

Надлежит отметить, что советское законодательство, на которое ссылается вдова Лаланд в обоснование своих притязаний, провозгласило национализацию русских банков и безвозмездную экспроприацию всех акционеров; таким образом, в случае, если это законодательство было бы признано подлежащим применению во Фран-

нии французскими судами, сама вдова Лаланд, законным образом лишенная своих прав, не обладала бы нужным качеством для выступления против Русского Банка, и требование ее надлежало бы считать не подлежащим рассмотрению. Напротив, в случае, если указанное законодательство рассматривалось бы противоречащим общим принципам права и французского «ordre public», Русский Банк надлежало бы рассматривать продолжающим свое законное существование и в этом случае требование вдовы Лаланд также оказалось бы необоснованным.

Не предрешая вопроса о том, подлежит или не подлежит применению во Франции указанное законодательство, необходимо, отметить, что иск, заявленный вдовой Лаланд, носит характер выступления как в отношении требования о роспуске Русского Банка, так и требования о возмещении убытков администраторами, якобы, вследствие незакономерных действий.

Индивидуальный иск мог бы быть принят к рассмотрению в том случае, если бы Лаланд смогла доказать, что она являлась акционером Русского Банка в тот момент, когда действия, нанесшие ей ущерб, имели место.

Однако, вдова Лаланд не предъявила ни одного документа, который устанавливал бы, что она являлась держателем акций Русского Банка до 1924 или до 1927 года.

С другой стороны, имеются серьезные основания подозревать, что вдова Лаланд сделалась акционером Русского Банка лишь после фактов, на которые она ссылается в своем заявлении. И, действительно, еще в 1925 году вдова Лаланд по тем же основаниям искала с Русского Банка, выступая, однако, в качестве кредитора Банка. Лишь в 1927 году она сообщила о том, что является акционером. Наконец, ценные бумаги, представленные истицей, на которых наклеены германские гербовые марки, на все время войны оставались в Германии и могли быть ею приобретены лишь после вступления в действие русских законов и в национализации банков

В соответствии с тем, что вытекает из этих презумпций, следует сделать вывод, что истица сделалась акционером Русского Банка лишь после фактов, на которые она ссылается в своем заявлении; таким образом, вступив с заранее обдуманным намерением в данное общество, она не может просить о его роспуске... Вследствие этого надлежит отклонить основное требование, также как и дополнительное требование о роспуске учреждений Русского Банка, расположенных во Франции.

По дополнительному требованию

вдова Лаланд требует субсидиарно о назначении администратора-секвестратора в отношении учреждений Русского Банка, находящихся во Франции, и активов, существующих вне СССР.

Если считать правильным, что декреты от декабря 1917 года и января 1918 года Союза ССР провозгласили безвозмездную экспроприацию частных имуществ и принудительную национализацию

банков, и что, начиная с 28 октября 1924 года существование советского государства было признано де-юре во Франции, то из этого не вытекает, что французские суды могут об'явить подлежащими применению в отношении обществ, регулируемых советскими законами, законодательные постановления, которые противоречили бы «ordre public».

С другой стороны, уважение к частной собственности, является одним из фундаментов французского «ordre public» и одним из основных элементов нашего частного права; таким образом, законодательные постановления, которые игнорировали бы это, не могли бы получить какого-либо применения на территории Франции.

Ответчики устанавливают, что Русский Банк имел до войны отделение в Париже, причем продолжает владеть и управлять имуществом во Франции.

Русский Банк, несмотря на советскую ликвидацию, должен, таким образом, рассматриваться продолжающим существовать во Франции, по крайней мере, как Общество де-факто и сохраняющим права, которых законным образом не могли его лишить русские законы, на которые здесь ссылаются.

Кроме того, Русский Банк, как общество де-факто, осуществляющее свою деятельность на французской территории, подчиняется действию французских законов в том, что касается взаимоотношений между его членами и в том, что касается постановлений его устава.

Управление Делами Общества находится в противоречии с нашими законами и его уставом. И, действительно, в течение долгих лет не созывалось общее собрание акционеров, не производилась сдача отчета, истекли правомочия администраторов, назначение новых не было утверждено общим собранием. Одним словом, не было соблюдено ни одного из условий, регулирующих контроль акционеров над ведением дел Общества.

Представляется недопустимым сохранение бесконечного положения, которое не дает никакой гарантии, не представляет никакой возможности для осуществления нормального контроля со стороны акционеров и третьих лиц, состоящих в деловых отношениях с Обществом.

Как ни незначительны интересы вдовы Лаланд, являющейся держательницей всего лишь 5 акций, она имеет право настаивать на том, чтобы это положение вещей было изменено.

Однако, ликвидация Общества, представляющая собой крайнее и всегда могущее быть использованным средство, может быть осуществлена со всей справедливостью лишь при отсутствии другого модус вивенди, более отвечающего обстоятельствам дела.

Нельзя игнорировать того обстоятельства, что создавшееся положение не является результатом действий администраторов; положение это является логическим следствием действий суверенной власти и непреодолимой силы; сохранение существования Общества, казалось бы, находилось в интересах акционеров, как это, впро-

чем, доказывается выступлением нескольких из них, являющихся держателями сравнительно крупного пакета акций; в действительности можно допустить изменение советского законодательства или нашего имеющего в виду данный исключительный случай, заслуживающий интереса в том смысле, что русские банки и в частности Русский Банк нашли бы для себя легальный статус и возможность осуществлять более широкую и прибыльную деятельность.

...В интересах равновесия и справедливости требуется лишь проведение мер контроля над ведением дел Общества и сохранением его имущества. Для этого необходимо назначить судебного мандатария, в задачи которого войдет осуществление общественного контроля над делами Общества.

Такое постановление, по самой своей природе носящее провизорный характер, однако, рассчитанное на длительный период, вытекает не только из соображений факта, но и из признания самим законодателем исключительного статуса русских обществ, признания, которое нашло свое выражение в постановлениях закона от 12 января 1921 года...

. . . . . .

. . . . . .

По всем изложенным соображениям суд принимает к сведению заявления вступивших в дело сторон.

Назначает г-на Пиотона администратором, возложив на него осуществление контроля над операциями Русского для внешней торговли банка в той мере, в какой эти операции касаются парижского отделения этого Банка и связанных с ним активов.

Вменив ему в обязанность замену уполномоченных этого Общества с принятием всех необходимых мер для администрирования и сохранения имущества...

Об'являет необоснованными требования вдовы Лаланд равным образом, как и встречные требования ответчиков, и соответственно отклоняет их.

В отношении судебных издержек об'единяет их в одно целое и присуждает вдову Лаланд и Русский для внешней торговли Банк к уплате их поровну.

ЭСТОНИЯ

ИСК ПО ДЕЛУ ПЕРТСЕЛЯ К ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ СОЮЗУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ И ДРУГИМ В СУММЕ 5.000.000 КРОН

Решение гражданского отделения государственного суда Эстонии от 2—20 октября 1932 г.

«Выслушав доклад дела, Государственный суд находит следующее:

В поданном 10 апреля 1930 г. в Ревельско-Гапсальский мировой с'езд Яковом Пертселем исковом прошении ответчиками указаны:

1) Всероссийский центральный союз потребительских обществ (сокращенно Центросоюз).

2) Русский комиссариат внешней торговли (сокр. Внешторг).

3) Торговое представительство СССР в Эстонии.

Последнее по об'яснению истца является представителем двух первых ответчиков и находится в Ревеле.

В основание иска положен договор, заключенный в отношении внешней торговли 10 апреля 1920 г. между Пертселем как продавцом и Центросоюзом, как покупщиком, к которому потом присоединился Внешторг (РСФСР), заявив 28 июня 1920 г. через своего правомочного торгового агента согласие на изменение условий договора, заключенного 10 апреля 1920 г.

По существу иска Пертсель требует:

1) обязать ответчиков солидарно открыть в банке Шелль и К° депозит на имя истца в сумме кр. 2.880.054 для выплаты их против препроводительных документов на 2 440 тонн гвоздей в 1—6 дюймов, изготовленных в Германии, сиф Ревель. В случае невыполнения этого обязательства, взыскать солидарно с ответчиков в пользу истца покупную цену упомянутых гвоздей кр. 2.880.054;

2) обязать ответчиков солидарно уплатить истцу в вознаграждение за убытки кр. 2.119.946;

3) взыскать с ответчиков в пользу истца 6% с 5 м. кр. со дня предъявления иска по день уплаты.

В прошении, поданном в мировой съезд от 4 октября 1930 г. поверенный истца, между прочим, объясняет, что Центросоюз в 1920 г. был государственным учреждением советской России, а не торговым товариществом, и не был в Эстонии легализован. Поэтому, по

мнению поверенного истца, на договоры по внешней торговле, заключенные в 1920 году от имени Центросоюза или с его участием, следует смотреть, как на договоры фиска советского русского государства и по вытекающим из них исковым делам русское торговое представительство в Эстонии будто бы является законным представителем Центросоюза. При рассмотрении дела в с'езде поверенный торгового представительства СССР заявил отвод по ст. 571 пп. 1 и 3 уст. гр. суд. и утверждал, что данное дело вообще неподсудно судам Эстонии.

Постановлением от 27 марта — 14 апреля 1931 г. съезд постановил отводы ответчика — Торг. представит. СССР в Эстонии по ст. 571, пп. 1 и 3 уст. гр. суд оставить без уважения.

В поданной в палату частной жалобе поверенный указанного представительства, между прочим, объяснил, что данное дело неподсудно суду Эстонии, что съезд обошел молчанием этот его довод и просил дело по ст. 584, п. 1 уст. гр. суд. прекратить, возложив на истца все судебные и за ведение дела издержки. Упомянутую частную жалобу палата своим определением от 25 ноября 1931 г. оставила без последствий, находя, что «по правильному объяснению поверенного истца отводы жалобщика по ст. 571, пп. 1 и 3 не заслуживают уважения по той причине, что жалобщик не доказал, что дело подсудно другому суду и что отвод о неподсудности дела суду вообще не подлежит рассмотрению отдельно от рассмотрения дела по существу (Реш. русского Сената 838/75)».

В поданной в государственный суд кассационной жалобе поверенный учрежденного в Эстонии Торг. представительства СССР просит отменить определение палаты за нарушением ст.ст. 210, 225, 257, 266, 269, 293, 339, 571 и 584 уст. гр. суд §§ 17—22 эстонско-советторгового договора, правил соглашения об оказании взаимной судебной помощи по гражданским делам и основного закона СССР.

В заседании государственного суда поверенный истца просил жалобу оставить без рассмотрения, так как вынесенное палатой определение не относится к окончательным постановлениям суда второй инстанции, на которые стороны только и могут жаловаться в кассационном порядке.

Обращаясь к рассмотрению просьбы поверенного истца, гос. суд находит ее не заслуживающей уважения. По правильному указанию пов. истца русский Сенат по гражд. кассационному департаменту в своих решениях неоднократно раз'яснял, что по ст. 792 п. 1 и 793 уст. гр. суд, обжалованию в касспорядке подлежат только окончательные решения и постановления суда второй инстанции, после которых в том же деле второго решения или определения последовать не может, — и что в течение процесса частные определения суда второй степени, в том числе и определения, коим дело признано подсудным гражданскому суду, в частности тому суду, в котором оно начато, не подлежат обжалованию в кассационном порядке отдельно от жалобы на окончательное решение суда второй инстанции (см. реш. Сената 1867 г. № 60 и 381, 1868 г.

316, 1873 г. 546 и 908, 1874 г. № 189, 1876 г. № 530, 1877 г. № 152 и др.), — но в виде исключения от указанного правила русский Сенат обсуждал и кассационные жалобы, поданные до разрешения дела по существу на частные определения в случае, когда от разрешенного частным определением вопроса зависел порядок дальнейшего производства дела или возможность достижения известной законной цели, причем сторона не имела другого пути для восстановления нарушенного порядка (см. реш. Сената по гражд. деп. 1882 г. № 140, 1901 г. № 1, 1909 г. № 52).

Присоединяясь к вышеуказанной практике русского сената, государственный суд находит, что в данном случае Палата должна была разрешить вопрос о том, относится ли к компетенции судебных установлений Эстонии рассмотрение и разрешение иска, предъявленного Пертселем в ревельско-гапсальском с'езде, а также возможность достижения цели ст. 584 п. 1 уст. гр. суд, направленной к тому, чтобы предотвратить рассмотрение дела по существу судом, к компетенции которого решение начатого иска не относится. Так как в определении палаты не находится ответа на этот вопрос, то у поверенного Торгпредства для разрешения этого вопроса в отрицательном смысле и для прекращения дела до рассмотрения иска по существу и решения его низшими инстанциями не было иного пути, как обратиться в Государственный Суд с самостоятельной кассационной жалобой на определение Палаты. По этим основаниям Государственный Суд находит что кассационная жалоба поверенного Торгового Представительства СССР подлежит рассмотрению.

Переходя к рассмотрению этой жалобы, государственный суд находит, что довод Палаты, будто «отвод» о том, что дело неподсудно суду, вообще не подлежит рассмотрению отдельно от рассмотрения дела по существу», не оправдывает окончательного вывода, высказанного в обжалованном определении, так как никто из ответчиков не утверждал, что дело неподсудно суду. Возникший в деле вопрос о том, подлежит ли рассмотрение дела компетенции эстонского суда, подлежал разрешению как раз до рассмотрения дела по существу, ибо постановления статьи 584 пункт 1 издано с той целью, чтобы предотвратить рассмотрение дела по существу судом, к компетенции которого оно вообще не относится. Оставив означенный вопрос без разрешения, Палата существенно нарушила статью 339 Устава Гражд. Судопр., вследствие чего ее определение не может быть оставлено в силе.

Но принимая во внимание, что к разрешению вопроса о том, относится ли рассмотрение и решение дела к компетенции судебного установления, в котором предъявлен иск, суд высшей инстанции обязан приступить по своей инициативе и в том случае, если этот вопрос неправильно разрешен низшими инстанциями или даже оставлен без разрешения, государственный суд не находит возможным ограничиться отменой определения Палаты, не высказав своего отношения к означенному вопросу.

Приступая по указанным причинам к разрешению вопроса, относится ли рассмотрение и разрешение настоящего иска, предъявленного Пертселем в Ревельском Съезде против Центросоюза, Внешторга и Торгового Представительства СССР, к компетенции эстонского суда, Государственный Суд прежде всего находит, что декретом, принятым советским русским Правительством 22 апреля 1918 г. и опубликованным 23 апреля 1918 года о национализации внешней торговли (Собрание русских узаконений 1918 года № 33 ст. 432), было установлено, что вся внешняя торговля национализируется, что сделки коммерческого характера с другими государствами и отдельными предприятиями за границей совершаются от имени русской республики через специально на это уполномоченные органы, и что управляющим национализированной внешней торговлей органом является народный комиссариат торговли и промышленности, к компетенции которого между прочим относится организация закупок за границей при посредстве государственных закупочных комиссий и агентов, кооперативных организаций и торговых фирм. К таким организациям относился и Центросоюз, являвшийся потребительской коммуной, единым хозяйственным центром. Потребительская коммуна, которая потом была переименована в Потребительское Общество, была подведомственна комиссариату торговли и промышленности (декреты советского русского правительства от 20 марта и 30 июня 1919 года, собрание декретов. 1919 года № 17, № 34).

14 июня 1920 года в собрании декретов русского правительства (1920 г. № 53 ст. 235) появился декрет об организации внешней торговли РСФСР, коим было определено, 1) переименовать комиссариат торговли и промышленности в Народный Комиссариат внешней торговли, 2) установить следующие общие основания внешней торговли: а) заведывание национализированной внешней торговлей возлагается в РСФСР исключительно на народный комиссариат внешней торговли, которому, как единственному уполномоченному на это органу республики, надлежит исключительное право вступать в торговые отношения с заграничными государственными, общественными и частными учреждениями и организациями, торгово-промышленными предприятиями и отдельными лицами, а также осуществлять через соответствующие органы, все операции, связанные со ввозом и вывозом товаров, — и б) ни одно ведомство, учреждение или организация в РСФСР не вправе без разрешения Комиссариата внешней торговли или его органов, находящихся за границей... заключать сделки на ввоз и вывоз товаров.

6 июля 1923 года утверждена была конституция СССР, по которой Нар. комиссариат внешней торговли относится к общесоюзным комиссариатам и тем самым к центральным учреждениям правительства СССР (§§ 37, 50, 51).

Наконец, действующий в советской России гражданский кодекс предусматривает, что во внешнеторговых сношениях могут

участвовать физические и юридические лица только через государство в лице Комиссариата внешней торговли (§ 17). Из всего этого следует, что совершение договора от 10 апреля 1920 г., заключенного с участием Центросоюза, могло произойти только по поручению и при материальной ответственности правительства РСФСР. То, что это было так, доказывает то обстоятельство, что уже 28 июня 1920 г., т. е. сразу же после учреждения Комиссариата внешней торговли, между уполномоченным агентом последнего и Пертселем, без участия Центросоюза, — было достигнуто соглашение относительно изменения условий упомянутого договора, причем комиссариат внешней торговли обязался выполнить договор согласно этим новым условиям, и тем самым Центросоюз, как участник договора, был заменен Комиссариатом внешней торговли, который, в качестве центрального органа правительства РСФСР, мог при заключении и выполнении всяких договоров действовать только от имени упомянутой республики и за счет ее фиска. Действительно, к выполнению упомянутого договора приступил не Центросоюз, но Комиссариат внешней торговли, дав 17 августа 1920 г. приказ Банку Шелль и К° уплатить Пертселю 1.769.235 гер. марок за счет финансового отдела этого комиссариата. Если теперь Пертсель требует выполнения этого договора и уплаты вознаграждения за убытки солидарно от Центросоюза, Внешторга и учрежденного в Эстонии Торгового представительства СССР, то этот его иск в полном об'еме направлен против фиска СССР, как это признал и сам поверенный истца в своем об'яснении, поданном мировому Съезду. По § 4 основного закона Эстонской Республики, в Эстонии действуют законы, изданные ее собственными учреждениями или признанные ими, а также общепризнанные правила международного права. Одним из важнейших общепризнанных положений международного права является то, по которому ни одно суверенное государство не отвечает в судах, если соответствующие государства не заключили относительно этого соглашения, за исключением случаев, когда предметом требования является спор относительно вещных прав на недвижимость или если одно государство выразило согласие выступить в данном деле в суде другого государства в качестве ответчика. (Лист, Международное право, издание 1909 г., стр. 83 и след., изд. 1920 г., стр. 64 и след.). Из указанного общего правила сделано исключение торговым договором, заключенным 17 мая 1929 года между Эстонией и СССР («Госуд. Вестник» № 71 1929 г.), относительно определенного рода дел, а именно — относительно исков, направленных против фиска СССР, которые вытекают из сделок по внешней торговле, заключенных торговым представительством СССР, учрежденным в Эстонии (§§ 17, 19—22). Распространение этого постановления, имеющего характер исключения, на сделки других государственных учреждений СССР, заключенные без участия торгового представительства, недопустимо вследствие отсутствия соответствующего соглашения между Эстонией и

СССР. Поэтому, так как данный иск выводится из неисполнения договора, заключенного советским русским государством с Пертселем через Центросоюз и Внешторг даже без позднейшего утверждения его Торговым Представительством, то Государственный Суд приходит к заключению, что рассмотрение и разрешение упомянутого иска не относится к компетенции судебных установлений Эстонской Республики.

Правильность этого вывода не колеблет указания поверенного истца на решения гражданского Кассационного Департамента Сената 1893 года № 47, 1909 г. № 75 и 1908 г. № 5. В первом из этих решений русский Сенат раз'яснил, что в иске, предметом которого является спор о вещном праве на недвижимость, иностранное государство отвечает в судебных установлениях того государства, на территории которого находится спорная недвижимость. В решении 1909 года № 75 Сенат нашел, что в случае, если иностранное государство добровольно вступит на стороне ответчика в качестве третьего лица в дело, возникшее между частными лицами, то рассмотрение и разрешение дела относится к компетенции судов того государства, где начат иск. Таким образом, вышеприведенный довод государственного суда нисколько не противоречит упомянутым раз'яснениям Сената. Решение Сената 1908 года № 5 было вынесено по иску, пред'явленному частным лицом к акционерному обществу, а потому никакого раз'яснения по вопросам, возникшим в настоящем деле, в себе не содержит.

Указание поверенного истца на то, что с точки зрения правовой политики надо признать, что государство, заключающее с гражданами других государств сделки по внешней торговле, должно по искам, вытекающим из этих сделок, отвечать в судебных установлениях того государства, на территории которого договор заключен или подлежит исполнению, не заслуживает уважения, ибо к решению гражданских дел по общему смыслу законов суд вправе прибегать только в случае неполноты, неясности действующих законов, отсутствия законов или противоречия их (статья 9 Устава Гр. Судопр.), в данном же случае в действующем законе имеется точный ответ на рассматриваемый вопрос.

По вышеприведенным соображениям Государственный Суд находит, что рассмотрение и разрешение данного иска не относится к компетенции судебных установлений Эстонской республики, а потому и на основании ст. 584, п. I Устава Гражд. Судопроизв., все делопроизводство, начатое в эстонском суде, должно быть прекращено вместе с отменой определений Судебной Палаты и Мирового Съезда. По этим основаниям Государственный суд постановил:

определения Палаты и Ревельско-Гапсальского Мирового с'езда отменить и все дело производством прекратить».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Англия

1. Иск по делу б. Русско-Английского Банка против Беринг Брозер и К° 5
2. Дело Русско-Английского Банка 8

II. Бельгия

3. Дело фирмы „Деспа" против Торгпредства СССР 13

III. Германия

4. Дело 18 невозвращенцев против Торгпредства СССР в Германии 17

IV. Греция

5. Дело А. Суссаниса против Торгпредства СССР в Греции . . . 27

V. Голландия

6. Дело де-Фрое против СССР 33

VI. Италия

7. Дело Торгпредства СССР в Италии против Сломницкого . . . 37
8. Дело об имуществе Палестинского О-ва в Бари (две инстанции) 41
9. Дело фирмы Пикарди против Торгпредства СССР в Италии . . . 49
10. Дело фирмы «Марино Кверчи» против Торгпредства СССР в Италии 53

VII. Египет

11. Дело Торгпредства СССР в Турции против фирмы Левант и К° 61

VIII. Персия

12. Дело Мешеди Ахмед Надеми против Мор. Агентства Каспийского пароходства 67

IX. Соединенные штаты

13. Дело о советском золоте в США 71
14. Дело б. собственников бакинских нефтяных промыслов против Стандарт Вакуум-Ойль К° 73

X. Швеция

15. Дело б. Торгово-Промышленного Банка против А/О Гетеборг Банка 81

XI. Франция

16. Дело фирмы Шнейдер и К° против Жодона 89
17. Дело Гарри Герцфельда против „Доброфлота“ и Русского государства 92
18. Дело Бруно Гер фельда против СССР 92
19. Дело фирмы Кульс против бр. Бессель 96
20. Дело Шаляпина против СССР и фирмы Бреннер и К° 98
21. Дело банка Арнюс против о-ва „Петролес Порта Пи“ и Торгпредства СССР во Франции и других 101
22. Дело фирмы „Тефимо“ против Полпредства СССР во Франции и др. 102
23. Дело Лаланд против б. Русского для внешней торговли банка 104

XII. Эстонии

24. Дело Пертселя против Центросоюза и НКВТ СССР 111

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

[redacted]

Цена 3 р. 50 к.